

Кубанский государственный университет

Научный журнал

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Scientific Journal

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Том 20 · 2019 · №2

Южно-российский журнал социальных наук

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. 20 марта 2018 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, территории распространения, переименованием учредителя, уточнением тематики — регистрационный номер ПИ № ФС77-72496 от 20 марта 2018 г.

Распространяется по подписке. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. ISSN 2619-0567

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436 ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.
Тел.: (861) 219-96-27

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Кубанский
государственный университет

Главный редактор

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционная коллегия

Жаде З.А., д-р полит. наук, проф., Адыгейский ГУ, Россия; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Мкртчян А.Е.**, д-р филос. наук, проф., Ереванский государственный университет, Армения; **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф., Краснодарский университет МВД, Россия; **Насимов Г.О.**, д-р полит. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц., НИУ ВШЭ, Россия; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф., Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина; **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, доц., ЮФУ, Россия; **Рябикина З.И.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук, КубГУ, Россия (*тех. директор*); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф., Пермский ГНИУ, Россия; **Хагуров Т.А.**, д-р социол. наук, КубГУ, Россия; **Янчук В.А.**, д-р психол. наук, проф., Белорусский государственный университет, Беларусь.

Редакционный совет

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф., МГИМО(У) МИД РФ, Россия; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф., Университет Шеффилда, Великобритания; **Дэшаур К.**, проф., Свободный университет, Брюссель, Бельгия; **Журавлев А.Л.**, д-р психол. наук, проф., академик РАН, Институт психологии РАН, Россия; **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия; **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф., Институт психологии РАН, Россия; **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия; **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф., Университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия; **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф., Астраханский ГУ, Россия; **Рот С.**, PhD, проф., Бизнес-школа Ла Рошель, Франция; **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, член-корр. РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Россия; **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф., СПбГУ, Россия; **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф., РАНХиГС, Россия.

Верстка: Хрипков Д.А., **Технический редактор:** Русия Н.Т.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: политические науки – 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; социологические науки – 22.00.04; психологические науки – 19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

Эл. адрес:

journalsr@kubsu.ru

Сайт журнала:

<http://journalsr.kubsu.ru>

Формат 70x100 1/16. Печать цифровая. Гарнитура PT Serif. Макет подготовлен и сверстан в компьютерном центре редакции. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра Кубанского государственного университета, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Цена свободная. Подписано в печать 24.06.2019.

Уч.-изд. л. 14,82. Усл. печ. л. 13,25. Тираж 1000 экз. Заказ №

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Том 20 · 2019 · №2

Содержание

Политическое управление

- Сетевой подход и изучение наднациональной системы управления выборами:
пример Европейского Союза
Н.В. Гришин 6
- Управление культурным разнообразием на постсоветском пространстве:
«национализирующие государства» 30 лет спустя
Д.Э. Летняков 16
- Инструменты этнической политики в Латвии
И.Н. Тарасов 34

Публичная политика

- Коллективные действия в современной России: особенности организации
и реакция власти
А.В. Соколов 45

Социология и психология политики

- Национальный имидж КНР в России на современном этапе
Чжао Тяньтянь 60

Проблемы социальной теории

- Общественный запрос на солидарность: историческая ретроспектива
и современная реальность
В.А. Сауткина 70

Социологические интерпретации

- New Tendencies in Turkish Migration to Germany at the Turn of the XX Century:
Social and Demographic Aspects
C.B. Dogan, Ya. V. Rakacheva 86

Юг России: люди, общество, политика

- Влияние виртуального пространства на формирование религиозной идентичности
студенческой молодежи (на примере Юга России)
А.П. Романова, М.С. Топчиев, Д.А. Черничкин, В.С. Дрягалов, А.В. Рогов 99

Психология личности

- Разработка опросника мотивации потребительского поведения в социальных медиа
З.И. Рябикина, Е.В. Харитонова, В.О. Покуль 121

- Эмпирическая верификация концепции управленческого интеллекта как маркера
личностной зрелости руководителя
М.Г. Остроушко 136

- К сведению авторов 152

- Порядок приёма и рецензирования рукописей 159

South-Russian Journal of Social Sciences

Published quarterly since March 1999. Registered under certificate ПИ № ФС77-72496 of March 20, 2018 issued by the Federal Service for Supervision of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation.

Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. ISSN 2619-0567

The Editorial Board's opinion may differ from the authors' opinion.

Founding institution:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room 406N,
Krasnodar 350040, Russian Federation,
tel. +7 861 2199627

Founding institution's address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Editor-in-chief

Prof. Elena V. Morozova, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Board

Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science), Adyghe State University, Maikop, Russia; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Artur E. Mkrtichyan**, Dr. Sci. (Sociology), Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia; Prof. **Gulnar O. Nassimova**, Dr. Sci. (Political Sciences), Al-Farabi Kazakh National University, Astana, Kazakhstan; **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Assist. Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Sciences), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Technical Director*); Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; **Temyr A. Khagurov**, Dr. Sci. (Sociology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Vladimir A. Yanchuk**, Dr. Sci. (Psychology), Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Editorial Council

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Kris Deschouwer**, Vrije Universiteit Brussel, Brussel, Belgium; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Sheffield, Great Britain; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Academician Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Institute of Psychology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Steffen Roth**, PhD, La Rochelle Business School, La Rochelle, France; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Sciences), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Sciences), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Computer Layout: Dmitry A. Khripkov, **Editorial Assistant:** Natella T. Russiya

The Journal is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The Journal publishes articles on the following fields of science: political sciences - 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; sociological sciences-22.00.04; psychological sciences -19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

E-mail:

journalsr@kubsu.ru

Web-site:

<http://journalsr.kubsu.ru>

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Vol. 20 · 2019 · Iss. 2

Contents

Public Administration and Governance

- Network Approach and the Study of Electoral Governance at the Supranational Level:
the Case of the European Union
by *N. V. Grishin* 13
- Cultural Diversity Management in the Post-Soviet Countries: “Nationalizing States”
30 Years Later
by *D. E. Letnyakov* 29
- Instruments of Ethnic Policy in Latvia
by *I. N. Tarasov* 43

Public Policy

- Characteristic Features of Collective Actions Movement in Modern Russia
and the Authorities’ Reaction to Their Activity
by *A. V. Sokolov* 57

Sociology and Psychology of Politics

- China’s Present-Day Image in Russia
by *Zhchao Tian’tian’* 67

Issues of Social Theory

- Public Request for Solidarity: Historical Retrospective and Modern Reality
by *V. A. Sautkina* 83

Sociological Interpretations

- New Tendencies in Turkish Migration to Germany at the Turn of the XX Century:
Social and Demographic Aspects
by *C. B. Dogan, Y. V. Rakacheva* 97

Southern Russia: People, Society, Politics

- Virtual Space Influence on the Formation of Young Students’ Religious Identity
(The Case of South of Russia)
by *A. P. Romanova, M. S. Topchiev, D. A. Chernichkin, V. S. Dryagalov, A. V. Rogov* 117

Psychology of Personality

- Development of a Questionnaire on Consumer Behavior Motivation in Social Media
by *Z. I. Ryabikina, E. V. Kharitonova, V. O. Pokul* 133

- Empirical Verification of Administrative Intellect as a Marker of a Leader’s Personal
Maturity
by *M. G. Ostroushko* 149

- Information for contributors 158

- Procedure for receiving and reviewing manuscripts 159

СЕТЕВОЙ ПОДХОД И ИЗУЧЕНИЕ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВЫБОРАМИ: ПРИМЕР ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА¹

Н. В. Гришин

Гришин Николай Владимирович, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, д. 1/3, 7-й подъезд Санкт-Петербург, 191124, Россия.
E-mail: nvgrishin@mail.ru. ORCID 0000-0002-0850-7581

Аннотация. В статье отражены результаты предварительного применения методологии сетевого анализа в относительно новой развивающейся предметной области — изучения участия международного сообщества в публичном управлении в сфере избирательного процесса. Выявлено, что из разработанных Т. Джеймсом 5 типов управленческих сетей электорального менеджмента международному уровню управления в сфере выборов может соответствовать только 1 тип — плюралистическая сеть сотрудничества. Интерпретация наднациональной системы управления выборами в Европе на основе сетевого подхода позволяет получить новые знания в данной предметной области, а также является вызовом для самого сетевого подхода. Основным преимуществом сетевого подхода в этой области знания является его способность восполнить недостатки индуктивной методологии при рассмотрении неустойчивых объектов с низкой степенью институционализации. Методология сетевого анализа по-разному работает при рассмотрении системы наднационального управления выборами в Европе в целом и ее отдельных элементов (акторов). Персональные сети акторов наднационального управления выборами в полной мере описываются языком сетевого анализа. Но систему наднационального управления выборами в Европе не удастся рассмотреть в качестве полной сети вследствие значительных особенностей топологии. Сообщество акторов наднационального управления в сфере выборов в Европе является объектом особого вида сложности, единство которого обеспечивается не связями между элементами, но общностью задач по развитию института выборов, едиными ценностями и общностью объекта управляющего воздействия (которым является электоральная политика на уровне национальных государств).

Ключевые слова: электоральный менеджмент, электоральная политика, выборы, Европейский Союз.

Введение

По мере включения в научные исследования новых и возникновения новых научных предметных областей следует проводить апробацию различных методологических подходов для установления их перспектив в этих областях знания.

Задача данной статьи — предварительная оценка перспектив и ограничений сетевого подхода в определенной предметной области исследований — изучении участия международного сообщества в публичном управлении в сфере избирательного процесса. Данная задача будет решена на примере наднационального управления выборами в Европе.

Сетевой подход, несмотря на продолжительную историю применения в политических науках (Mutz, 2004, Мирошниченко, 2013), почти не использовался в изучении публичного управления выборами. Единственное исключение представляет ведущий британский исследователь электорального менеджмента Тоби Джеймс.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-011-00484 «Международный уровень управления в сфере избирательного процесса».

В 2015 г. он предпринял первую попытку применения сетевого анализа для интерпретации системы публичного управления выборами на уровне национальных государств (James, 2015). В 2019 г. выходит его монография, ориентированная на применение сетевого анализа для комплексного изучения электорального менеджмента (James, 2019).

Для изучения публичного управления в сфере избирательного процесса на международном уровне сетевой подход не применялся. Для предварительной оценки его возможностей интересен пример современной Европы. В указанном регионе в большей степени, чем где бы то ни было еще в мире, достигли развития наднациональные структуры управления выборами. Этот опыт почти не отражен в научной литературе, что может быть результатом отсутствия в современной науке адекватного методологического языка для выражения и понимания специфических объектов в данной сфере.

Типология управленческих сетей Тоби Джеймса и международный уровень управления выборами

Т. Джеймс выделяет в электоральном менеджменте пять основных типов управленческих сетей (governance networks), первые три из которых существуют в странах устойчивой демократии:

1. *Зрелая правительственная сеть* (Mature governmental network), при которой за проведение выборов отвечает преимущественно один орган власти при минимальном участии других акторов.

2. *Ассиметричная сеть* (Asymmetric network), при которой в организации выборов задействовано множество органов, существует возможность давления со стороны гражданского общества, в том числе политических партий, но приоритет принадлежит государственным органам.

3. *Плюралистическая сеть сотрудничества* (Pluralistic collaborative network), в которой в организации выборов участвует более широкий круг государственных органов, которые открыты к взаимодействию с гражданским обществом, возможности исполнительной ветви власти более ограничены.

Для электорального менеджмента недемократических стран характерны следующие два типа управленческих сетей:

4. *Закрытые статичные системы* (Closed statist systems), при которых организацией выборов занимается узкий круг лиц в условиях авторитарного режима.

5. *Оспариваемые статичные системы* (Contested closed systems), соответствующие модели управления выборами в условиях электорального авторитаризма.

Данная типология разработана Т. Джеймсом для интерпретации моделей управления выборами на уровне национальных государств. Она не применялась для рассмотрения управления в сфере избирательного процесса на международном уровне. *Международному* уровню управления в сфере избирательного процесса может соответствовать только один из этих пяти типов управленческих сетей — *плюралистическая сеть сотрудничества*. Только эта модель соответствует той степени отношений координации, которые свойственны международному сотрудничеству в вопросах регулирования выборов. Даже перспектива создания наднационального избирательного органа, которая обсуждается в Европейском союзе (Гришин, 2018), не способна существенно изменить характер этих отношений в обозримом будущем.

Предпосылки применения сетевого подхода для изучения данной предметной области

В большинстве случаев преимущества того или иного нового методологического подхода сводятся к возможности выявления новых типов цепочек причинно-следственных связей и установления закономерностей, при этом сам круг феноменов существенно не меняется.

В сфере изучения публичного управления выборами применение сетевого подхода создает несколько иную ситуацию и имеет более фундаментальное значение. Этот подход позволяет настроить фокус исследования на те объекты, которые с точки зрения преобладающей сегодня индуктивной методологии либо ускользают от внимания, либо считаются эфемерными.

Сетевой подход можно охарактеризовать как современную разновидность междисциплинарных теорий, ориентированных на описание объективной реальности в контексте организационных или системных связей. Хотя сетевой подход часто относят к парадигме холизма, категория сетей по сравнению с системным подходом (Уемов, 1978) дает возможность рассмотреть объекты, не обладающие закономерностью целостности, т.е. объекты, менее устойчивые и существующие на основе слабых и релятивных связей.

Международный уровень управления выборами включает объекты, существующие в пространстве взаимодействий отдельных акторов и отличающиеся низким уровнем институционализации. При изучении этой специфической реальности сетевой подход может оказаться тем языком, который позволит онтологизировать данные объекты и выразить их в конкретных категориях.

Характеристика наднациональных субъектов управления выборами в Европе

В системе наднационального управления выборами в Европе можно выделить свыше 10 влиятельных акторов, которые в зависимости от их формального статуса делятся на следующие основные группы (см. таблицу)

Перечисленные основные акторы различаются по характеру управленческого воздействия и функциям.

Рассмотрим основные функции по публичному управлению в сфере выборов, которые выполняются международными акторами в Европе.

Нормативное регулирование электоральных институтов. В современном мире Венецианская комиссия Совета Европы является ведущим субъектом, влияющим на развитие международных избирательных стандартов (Davis-Roberts & Carroll, 2010; Alvarez & Hall, 2008). Активностью в работе по уточнению норм проведения выборов отличается также ПАСЕ.

Функция электорального реформирования. В принятии решений о реформе избирательной системы ЕС, последняя из которых рассматривается с 2010 г., участвуют Европейский парламент, Европейская комиссия и Совет ЕС (Benoit, 2004; Pollack, 2005, Duff, Pukelsheim & Oelbermann, 2015). Среди общественных организаций наиболее активным лоббистом электоральной реформы в ЕС является международная организация «Группа Спинелли», которую возглавляет автор проекта электоральной реформы Эндрю Дафф (Duff, 2017).

Содействие выборам. Европейская комиссия, начиная с 2000 г., систематически реализует мероприятия в сфере содействия выборам (Garavoglia, 2016; Borzyskowski,

Основные акторы наднационального уровня управления в сфере избирательного процесса в Европе

Major Actors at Supranational Level of Electoral Governance in Europe

Органы Европейского союза		
Европейский парламент	Европейская комиссия	Совет ЕС
Органы Совета Европы		
Венецианская комиссия Совета Европы	Парламентская ассамблея Совета Европы	Европейский суд по правам человека
Органы других межправительственных организаций		
Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ		
Ассоциация европейских избирательных органов (АСЕЕЕО)		
Международный институт демократии и содействия выборам (International IDEA)		
Негосударственные международные организации		
Европейский центр содействия выборам (ECES)		
Европейская сеть организаций мониторинга на выборах (ENEMO)		
Европейская платформа за демократические выборы (EPDE) ¹		
Группа Спинелли		

2016). В деятельность в этом направлении вовлечены также Ассоциация европейских избирательных органов, Европейский центр содействия выборам (Leemann & Vochsler, 2014).

Наблюдение на выборах. Данную функцию осуществляют независимо друг от друга наибольшее количество перечисленных в таблице европейских наднациональных акторов: БДИПЧ ОБСЕ, ПАСЕ, Европейская сеть организаций мониторинга на выборах, Европейская платформа за демократические выборы (Blockmans, Wouters & Ruys, 2010; Norris, Frank & Coma, 2014; Elklit & Reynolds, 2005).

Функции электоральной юстиции. ЕСПЧ является единственным в мире наднациональным судебным органом, принимающим решения по делам о нарушениях избирательных прав.

Если рассмотреть публичное управление выборами как одну из отраслей публичного управления в Европе, то система управляющих субъектов в этой сфере имеет разительные отличия от других более традиционных отраслей наднационального управления в Европе. В настоящее время в ЕС около 30 отраслей публичного регулирования обладают отдельными отраслевыми наднациональными органами управления, такими как департамент и/или еврокомиссар (Buonanno & Nugent, 2013). В системе наднационального управления выборами в Европе отдельные отраслевые органы отсутствуют; более того, ни один из указанных ранее акторов наднационального управления выборами не может быть признан в качестве лидирующего или наиболее влиятельного.

¹ В 2018 г. включена Минюстом России в список нежелательных в России иностранных и международных организаций.

Для системы наднациональных акторов, влияющих на организацию выборов в Европе, характерна исключительно высокая степень децентрализации и полицентричности (power-sharing). Несомненно, одной из причин этой ситуации является принадлежность данных акторов к разным независимым друг от друга структурам (например, ОБСЕ или Совета Европы). В отдельных случаях можно признать соперничество в деятельности отдельных субъектов (прежде всего, ПАСЕ и ОБСЕ). Даже если акторы относятся к одной международной организации, они, как правило, не взаимодействуют и не ориентируются друг на друга при проведении политики в сфере выборов; данная ситуация ярко представлена в деятельности институтов ЕС.

Сетевая топология

Попытка применения сетевого подхода для визуализации системы наднационального управления выборами в Европе дает нам теоретическую модель со следующими особенностями.

1. *Отсутствие связей между элементами.* Понятие сети предполагает наличие связей между элементами, но указанные нами акторы наднационального управления выборами не взаимодействуют друг с другом. Единственное гипотетическое исключение — взаимодействие Европарламента и Европейской комиссии в процессе электоральной реформы ЕС (Costa, 2016; Donatelli, 2015; Nix & Hagemann, 2009) (на практике процесс электорального реформирования в ЕС не доходил до этой стадии). Не взаимодействуют даже структуры, функционирующие в рамках одной организации (очевидно, ЕСПЧ и Венецианская комиссия Совета Европы не контактируют друг с другом).

2. *Нулевая плотность сети.* Поскольку взаимодействие между акторами отсутствует, то такая характеристика сети, как плотность (density), практически равна нулю.

3. *Невозможность определения полной сети.* Один из основных аспектов анализа объекта в контексте сетевого подхода — рассмотрение объекта как упорядоченной совокупности взаимодействующих элементов. В этом аспекте объект рассматривается как полная или объективная сеть (whole network, full network). Поскольку в нашем случае взаимодействия отсутствуют, система акторов наднационального управления выборами в Европе не может быть рассмотрена как сеть такого типа.

4. *Отсутствие узлов.* Одно из важных в рамках сетевого анализа понятие узлов, как правило, применяется при рассмотрении «полных сетей»; это понятие отражает, какая геометрия связей существуют между участниками сети. Поскольку в нашем случае эти связи отсутствуют, то отсутствуют и узлы в этом значении. В нашем случае можно говорить о наличии узлов в несколько ином, субъективном аспекте — в контексте наличия у каждого отдельного актора связей с элементами, которые находятся за пределами нашей таблицы.

5. *Дисассортативность.* Данная характеристика отражает стремление акторов вступать в связи с акторами иного типа. Акторы международного регулирования выборами в Европе не вступают в контакты друг с другом, но взаимодействуют либо с иными международными организациями, либо с объектами своего управляющего воздействия — национальными государствами и их органами.

Данные замечания могут поставить под сомнение целесообразность применения сетевого анализа для рассмотрения нашего объекта. Однако, если сместить аспект рассмотрения с объективного уровня на субъективный, то для каждого указанного актора в отдельности сетевой анализ вполне работает. Каждый актор имеет соб-

ственную субъектную сеть контактов (personal network), которая обладает всеми характеристиками, предусмотренными сетевым анализом.

Объективная сеть особого типа?

Если совокупность акторов наднационального управления выборами не соответствует параметрам «полной сети» (full network), то возникает вопрос о ее реальности и характере ее единства.

Система наднациональных акторов управления выборами в Европе должна быть определена как неупорядоченная совокупность релятивных, субъективных и персональных сетей отдельных акторов (actor-centred networks, personal networks).

Очевидно, что данная модель выступает антиподом по отношению к моделям системного подхода. Традиционный системный подход исходит из того, что объект как система — это в той или иной степени закрытая от внешней среды совокупность элементов, связи между которыми сильнее, чем их связи с внешней средой. В нашем случае элементы имеют прямые связи исключительно с внешней средой, но не имеют их между собой.

По нашему мнению, совокупность акторов наднационального управления в сфере выборов является примером особого типа объектов, который до настоящего времени не получает достаточного осмысления в науке. Данные объекты широко представлены в современном глобальном управлении, и рассматриваемый в нашей статье пример не является уникальным или новым.

Для объекта этого типа характерна более активная и инициативная роль элементов (акторов) по сравнению не только с традиционным системным подходом, для которого свойственно представление о подчиненном положении элементов по отношению к системе, но и по сравнению с большинством типов сетей. Отсутствие прямых связей между элементами обеспечивает для каждого элемента особый уровень свободы от системы. В результате отсутствия указанных связей элементы системы не могут детерминировать действия других элементов. При этом, в свою очередь, элементы системы (акторы) оказывают воздействие на состояние данного сообщества в целом.

Единство этого сообщества и его реальность как объекта проявляется в эффекте эмерджентности (целостности): функционирование сообщества акторов приводит к возникновению новых свойств и эффектов, которые не характерны для этих акторов поотдельности. Каждый из указанных акторов выполняет весьма локальную задачу по вопросам развития институтов выборов и в большинстве случаев не обладает достаточными формальными полномочиями для поддержания своего влияния. Только наличие *сообщества* акторов, действующих в некотором едином векторе, позволяет им достичь определенного уровня признания со стороны объектов управляющего воздействия (национальных государств). В современных странах западной демократии консолидированная позиция международного сообщества по вопросам проведения выборов оказывается сильным фактором. Национальные государства корректируют свою практику проведения выборов, ориентируясь не столько на мнение отдельных международных акторов (даже таких влиятельных, как ОБСЕ или Венецианская комиссия), сколько на консолидированную позицию международного сообщества в целом.

Ценное и идеологическое единство международного сообщества является важнейшим условием его влияния. Характерно, что в тех частных вопросах, по

которым у международных акторов возникают разногласия (например, по вопросу о величине заградительного барьера), национальные государства не реагируют на их мнение.

Сообщество акторов наднационального управления в сфере выборов в Европе является объектом особого вида сложности, который недостаточно явно фиксируется эмпирически. Его единство определяется не наличием связей между элементами, но общностью задач по развитию института выборов, едиными ценностями и общностью объекта управляющего воздействия (которым является электоральная политика на уровне национальных государств).

Заключение

Применение сетевого подхода в данной области знания — изучения публичного управления выборами на международном уровне — не только перспективно для теоретизации знаний о данном объекте, но и, возможно, является перспективным для дальнейшего развития самого сетевого подхода.

Сетевой подход позволяет выявить и отразить особые онтологические свойства системы наднационального управления в сфере выборов. Участие международного сообщества в публичном управлении выборами построено на принципах гетерархии и исключительно высокой самостоятельности акторов. Совокупность международных акторов, участвующих в регулировании выборов, составляет сообщество, которое не соответствует параметрам полных сетей (full networks). Поскольку его единство оказывается под вопросом, его можно интерпретировать либо как целую сеть особого типа, либо как совокупность персональных сетей отдельных акторов. Возникает вопрос, можно ли рассматривать в качестве особого типа объективной сети совокупность персональных сетей. Также возможно уточнение понятия сетевых узлов. Рассматриваемый нами пример предполагает, что в качестве сетевых узлов выступают не только акторы, но и объекты управления.

Библиографический список

- Гришин, Н. В. (2018). Наднациональный уровень управления в сфере избирательного процесса: опыт Европейского Союза. В *Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов* (с. 151–152). М.: Аспект-пресс.
- Мирошниченко, И. В. (2013). Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направление развития. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 68–86.
- Уемов, А. И. (1978). *Системный подход и общая теория систем*. М.: Мысль.
- Alvarez, R. M. & Hall, T. (2008). Building Secure and Transparent Elections Through Standard Operating Procedures. *Public Administration Review*, 68 (5), 828–838.
- Benoit, K. (2004). Models of Electoral System Change. *Electoral Studies*, 23 (3), 363–389.
- Blockmans, S., Wouters, J., & Ruys, T. (2010). Making Peace Last: the EU's Contribution to Peacebuilding. In S. Blockmans, J. Wouters, & T. Ruys (Eds.), *The European Union and Peacebuilding: Policy and Legal Aspects* (pp. 1–11). The Hague: TMC Asser Press.
- Borzyskowski, I. (2016). Resisting Democracy Assistance: Who Seeks and Receives Technical Election Assistance? *Review of International Organizations*, 11 (2), 247–282.
- Buonanno, L. & Nugent, N. (2013). *Policies and Policy Processes of the European Union*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Costa, O. (2016). *The History of European Electoral Reform and the Electoral Act 1976*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.

- Davis-Roberts, A. & Carroll, D. (2010). Using International Law to Assess Elections. *Democratization*, 17 (3), 416–441.
- Donatelli, L. (2015). *A Pan-European District for the European Elections? The Rise and Fall of the Duff Proposal for the Electoral Reform of the European Parliament*. Brugge: European Political and Administrative Studies
- Duff, A. (2017). *The Rise of Post-National Democracy: Macron, Brexit and the Electoral Reform of the European Parliament*. Brussels: European Policy Centre.
- Duff, A., Pukelsheim, F., Oelbermann, K.-F. (2015). *The Electoral Reform of the European Parliament: composition, procedure and legitimacy*. Brussels: Directorate General for Internal Policies, Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs
- Elklit, J. & Reynolds, A. (2005). A Framework for the Systematic Study of Election Quality. *Democratization*, 12 (2), 147–162.
- Garavoglia, M. (2016). *EU Election Observation Policy: A Supranationalist Transatlantic Bridge?* Retrieved from https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Garavoglia_USEuropeananalysisseries_EOMs.pdf
- Hix, S. & Hagemann, S. (2009). Could Changing the Electoral Rules fix European Parliament Elections? *Politique européenne*, 28 (2), 37–52.
- James, T. (2015). *Assessing the Independence of Electoral Management Boards: A Policy Network Approach*. Paper for the American Political Science Conference. San Francisco.
- James, T. (2019). *Comparative Electoral Management: Performance, Networks and Instruments*. Routledge: London and New York.
- Leemanna, L. & Bochsler, D. (2014). A Systematic Approach to Study Electoral Fraud. *Electoral Studies*, 35 (3), 33–47.
- Mutz, D. C. (2004) Cross-Cutting Social Networks: Testing Democratic Theory in Practice. *American Political Science Review*, 96 (1), 111–26.
- Norris, P., Frank, R. & Coma, F. (2014). Measuring Electoral Integrity: A New Dataset. *PS Politics and Political Science*, 47 (4), 789–798.
- Pollack, M. (2005). Theorizing EU Policy-Making. In H. Wallace, W. Wallace & M. Pollack (Eds.), *Policy-Making in the European Union* (pp. 14–47). Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 17.04.2019

Статья принята к публикации 10.05.2019

Для цитирования: Гришин Н.В. Сетевой подход и изучение наднациональной системы управления выборами: пример Европейского Союза. — Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 2. С. 6–15.

NETWORK APPROACH AND THE STUDY OF ELECTORAL GOVERNANCE AT THE SUPRANATIONAL LEVEL: THE CASE OF THE EUROPEAN UNION

N. V. Grishin

Nikolai V. Grishin, Saint Petersburg State University, 1/3, Smolny Str., Bld. 1/3, 7th entrance, St. Petersburg, 191124, Russia. E-mail: nvgrishin@mail.ru. ORCID 0000-0002-0850-7581

Acknowledgements. The research was financed by the Russian Foundation for Basic Research (research project No. 18-78-10064 19-011-00484 “Electoral Governance at the International Level”).

Abstract. The paper describes the methodology of network analysis on its preliminary stage in a comparatively new subject area which studies how international community participates in electoral governance, and contains the results of the analysis. It is revealed that out of 5 types of governance networks of electoral management worked out by Tony James, there is only one that can satisfy the requirements of the international scale of electoral governance, namely,

a pluralistic collaborative network. Using network approach in the interpretation of electoral governance at the supranational level not only allows researchers to acquire new knowledge in this subject area but also turns into its own challenge. The main advantage of using the network approach in this field of knowledge is its ability to compensate for the limitations of the inductive methodology when unstable objects with a low degree of institutionalization are under study. The methodology of network analysis works differently in considering the system of supranational electoral governance in Europe as a whole and its elements (actors), in particular. The personal networks of actors participating in supranational electoral governance are described in full measure with the help of network analysis language. But the system of supranational electoral governance in Europe cannot be regarded as a full network due to some specific features of its typology. The community of supranational actors of electoral governance in Europe is an object of a special kind of complexity, whose unity is ensured not by the links between the elements but by the common tasks of developing the institution of elections, the shared values and the common object of controlling influence, which is the electoral governance at the national level.

Keywords: electoral management, electoral governance, elections, European Union.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-6-15

References

- Grishin, N. V. (2018) Nadnatsional'nyy uroven' upravleniya v sfere izbiratel'nogo protsessa: opyt Yevropeyskogo Soyuzha [The Supranational Level of Governance in the Electoral Process: The Experience of the European Union]. In *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok* [Development Policy, State and World Order] (pp. 151–152). M.: Aspekt-press.
- Miroshnichenko, I. V. (2013). Setevoy podkhod v politicheskikh issledovaniyakh: sodержaniye i napravleniye razvitiya [Network Approach in Political Studies: Content and Trendst]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 3, 68–86.
- Uyemov, A. I. (1978). *Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya system* [The System Approach and the General Theory of Systems]. M.: Mysl'.
- Alvarez, R. M. & Hall, T. (2008). Building Secure and Transparent Elections Through Standard Operating Procedures. *Public Administration Review*, 68 (5), 828–838.
- Benoit, K. (2004). Models of Electoral System Change. *Electoral Studies*, 23 (3), 363–389.
- Blockmans, S., Wouters, J., & Ruys, T. (2010). Making Peace Last: the EU's Contribution to Peacebuilding. In S. Blockmans, J. Wouters, & T. Ruys (Eds.), *The European Union and Peacebuilding: Policy and Legal Aspects* (pp. 1–11). The Hague: TMC Asser Press.
- Borzyskowski, I. (2016). Resisting Democracy Assistance: Who Seeks and Receives Technical Election Assistance? *Review of International Organizations*, 11 (2), 247–282.
- Buonanno, L. & Nugent, N. (2015). *Policies and Policy Processes of the European Union*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Costa, O. (2016). *The History of European Electoral Reform and the Electoral Act 1976*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Davis-Roberts, A. & Carroll, D. (2010). Using International Law to Assess Elections. *Democratization*, 17 (3), 416–441.
- Donatelli, L. (2015). *A Pan-European District for the European Elections? The Rise and Fall of the Duff Proposal for the Electoral Reform of the European Parliament*. Brugge: European Political and Administrative Studies
- Duff, A. (2017). *The rise of post-national democracy: Macron, Brexit and the electoral reform of the European Parliament*. Brussels: European Policy Centre.
- Duff, A., Pukelsheim, F., Oelbermann, K.-F. (2015). *The Electoral Reform of the European Parliament: composition, procedure and legitimacy*. Brussels: Directorate General for Internal Policies, Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs

- Elklit, J. & Reynolds, A. (2005). A Framework for the Systematic Study of Election Quality. *Democratization*, 12 (2), 147–162.
- Garavoglia, M. (2016). *EU Election Observation Policy: A Supranationalist Transatlantic Bridge?* Retrieved from https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Garavoglia_USEuropeananalysisseries_EOMs.pdf
- Hix, S. & Hagemann, S. (2009). Could Changing the Electoral Rules fix European Parliament Elections? *Politique européenne*, 28 (2), 37–52.
- James, T. (2015). *Assessing the Independence of Electoral Management Boards: A Policy Network Approach*. Paper for the American Political Science Conference. San Francisco.
- James, T. (2019). *Comparative Electoral Management: Performance, Networks and Instruments*. Routledge: London and New York.
- Leemanna, L. & Bochsler, D. (2014). A Systematic Approach to Study Electoral Fraud. *Electoral Studies*, 35 (3), 33–47.
- Mutz, D. C. (2004) Cross-Cutting Social Networks: Testing Democratic Theory in Practice. *American Political Science Review*, 96 (1), 111–26.
- Norris, P., Frank, R. & Coma, F. (2014). Measuring Electoral Integrity: A New Dataset. *PS Politics and Political Science*, 47 (4), 789–798.
- Pollack, M. (2005). Theorizing EU Policy-Making. In H. Wallace, W. Wallace & M. Pollack (Eds.), *Policy-Making in the European Union* (pp. 14–47). Oxford University Press.

Received 17.04.2019
Accepted 10.05.2019

For citation: Grishin A.V. Network Approach and the Study of Electoral Governance at the Supranational Level: the Case of the European Union.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 6-15.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: «НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИЕ ГОСУДАРСТВА» 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Д. Э. Летняков

Летняков Денис Эдуардович, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия. E-mail: letnyakov@mail.ru. ORCID 0000-0001-7936-7013

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции в сфере управления культурным разнообразием, характерные для постсоветских государств. Автор ставит перед собой задачу выяснить, в какой мере концепт «национализирующих государств», предложенный в самом начале 1990-х гг. Р. Брубейкером для обозначения стран бывшего социалистического блока, остается актуальным и сегодня. Методология исследования базируется прежде всего на сравнительно-политологическом методе — изучении и сопоставлении языковой, исторической, культурной и образовательной политик постсоветских государств, кроме того автор обращается к анализу публичной риторики постсоветских лидеров и некоторых нормативно-правовых документов. Научная новизна работы определяется комплексным подходом, который использует автор, — в фокусе его внимания оказываются, так или иначе, все государства бывшего СССР (причем Россия предстает плотно включенной в постсоветский контекст, а не противопоставленной ему), кроме того, проблема культурного разнообразия рассматривается во временной динамике (с 1991 г. по настоящее время) и с самых разных аспектов — от языкового до религиозного. Статья демонстрирует, что несмотря на некоторое смягчение этнонациональных установок начального периода независимости, в постсоветских обществах и элитах по-прежнему сохраняется подозрительное отношение к культурным различиям и соответственно стремление к ассимиляции этнических, языковых и прочих меньшинств. Изучение российской ситуации показывает, что хотя тезис о «многонациональности» и «поликонфессиональности» страны стал структурообразующим для официального дискурса, все-таки реальная практика управления культурным разнообразием в России скорее сближает ее с остальными постсоветскими странами, нежели с либеральными демократиями Запада. Истоки постсоветского этноцентризма автор усматривает в сложившейся в годы СССР практике территориализации этничности с выделением «титულных» национальностей. Последующую устойчивость этноцентризма обеспечивала, во-первых, несформированность публичной сферы и отсутствие полноценной демократической политики в большинстве постсоветских стран, что не позволяет меньшинствам вести успешную борьбу за признание; во-вторых, «секьюритизация» проблемы этнических меньшинств вследствие сложных отношений с соседними государствами у многих постсоветских политий.

Ключевые слова: постсоветское пространство, культурный плюрализм, управление культурными различиями, национализм, «национализирующее государство», языковая политика, этнические меньшинства.

Введение

В послевоенный период на Западе начали активно пересматриваться представления о национальном государстве как политическом сообществе, основанном на одной унифицирующей культуре. На смену прежнему видению нации пришел дискурс о культурном разнообразии, о праве на различие — иными словами, политические сообщества все чаще стали рассматриваться как культурно неоднородные (Parekh, 2000; Meissner, Vertovec, 2015). На данный процесс во многом повлияла массовая миграция в страны глобального Севера, а также происходившая параллельно с этим борьба за признание со стороны ЛГБТ-сообщества, феминисток, этнических и расовых меньшинств (Gutman, 1994). В свете этого можно рассматривать

и принятую в 1992 г. Советом Европы «Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств». Главная задача документа виделась в сохранении миноритарных языков, находящихся под угрозой ассимиляции. В результате, если мы посмотрим на положение языковых меньшинств в сегодняшней Европе, то увидим, что государственную поддержку получает корнуэльский язык в Великобритании, немецкий — в Словении, фризский — в Голландии и т.д. В Финляндии в дополнение к двум существовавшим государственным языкам, финскому и шведскому, особый правовой статус с 1992 г. получил и саамский язык. За пределами европейского континента — например, в Новой Зеландии и Канаде, коренные народы теперь также имеют возможность получать образование на родном языке и обращаться на нем в органы власти.

Таким образом, за последние десятилетия на Западе кардинально изменился «способ воображения нации» (Малахов, 2014, 121) — если раньше национальные государства старались нивелировать, затушевывать культурные и ценностные различия внутри себя, то теперь, наоборот, разнообразие зачастую сознательно демонстрируется в публичном пространстве; сама «тема разнообразия стала неотъемлемой частью [западного] политического дискурса» (Сафран, 2011).

Интересно, что на этом фоне постсоветские государства, в момент обретения независимости декларировавшие в большинстве своем ориентацию на западные идеалы и ценности, в той сфере, которую можно обозначить как управление культурным разнообразием, продемонстрировали приверженность совершенно иным принципам. Не случайно в самом начале 1990-х гг. Р. Брубейкер назвал постсоветские политии «национализирующими(ся) государствами» (“nationalizing states”), т.е. странами, в которых политические элиты стремятся проводить курс на установление культурной гегемонии «титупьной» нации, рассматриваемой как единственный законный владелец государства (Брубейкер, 2000). Вопреки тому факту, что население почти всех союзных республик отнюдь не было этнически гомогенным (согласно переписи населения 1989 г. в Казахстане титульная нация составляла лишь 39,7% населения, в Киргизии — около 50%, в Эстонии — около 60% и т.д.), постсоветские нации воспринимали себя в первую очередь как этнокультурные, а не политические сообщества.

Этноцентризм в идеологии и практике новых независимых государств

Феномен «национализирующихся государств» был, с одной стороны, прямым следствием советской национальной политики, в рамках которой вся страна делилась на национальные территории (союзные и автономные республики, автономные области и округа), считавшиеся домом для того или иного народа — «титупьной» нации; соответственно последняя получала на «своей» территории определенные привилегии, как формальные, так и неформальные (допустим, существовала негласная практика назначения представителя титульной национальности первым секретарем партийного комитета, ректором крупнейшего вуза и т.д.). С другой стороны, «национализирующиеся государства» стали следствием распада СССР, который воспринимался на местах как развал империи. В таком контексте получение независимости зачастую рассматривалось как возможность для титульной нации, освободившейся от опеки Москвы, наконец-то стать хозяином в собственном доме, а сама идея построения национального государства превратилась после краха коммунизма в главный самолегитимирующий нарратив для постсоветских элит (Beissinger, 2009).

На практике этноцентризм вел к тому, что реальная культурная сложность постсоветских обществ или вовсе игнорировалась (скажем, первый президент Узбекистана И. Каримов заявлял, что живущее в стране ираноязычное население — это те же узбеки, просто говорящие на другом языке (Abashin, 2012)), или же воспринималась как досадный реликт колониального прошлого, который создает угрозу языку, культуре и идентичности титульного населения. Показательно, что в 1990-е гг. большинство эстонских партий настаивали на необходимости реэмиграции всех, кто не является этническим эстонцем, если только представители меньшинств не смогут доказать свою лояльность государству (этнические эстонцы же априори воспринимались как лояльные (Семенов, 2002)).

Этноцентристский дискурс проникал и в правовую сферу. Скажем, законодательство Казахстана объявляло автохтонным населением лишь казахов, несмотря на то что многие другие этнические группы (русские, уйгуры, узбеки) проживали на территории современного Казахстана веками, а в преамбуле к Конституции 1995 г. специально подчеркивалось, что казахстанская государственность создается на «исконной казахской земле» (Конституция республики...). Не случайно в восьми из пятнадцати постсоветских государств (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Туркмения, страны Балтии) были приняты «этнически мотивированные» законы о гражданстве, дающие определенные преимущества при его получении представителям титульной национальности (Shevel, 2009, 273–291).

Другим зримым проявлением «национализирующих» практик стала сфера языковой политики. Лица, принимающие решения, исходили из того, что «правильные» украинцы должны говорить лишь по-украински, «правильные» грузины — только по-грузински и т.д. Главную конкуренцию титульным языкам обычно составлял русский, поэтому логично, что в целом ряде постсоветских стран начались процессы по его активному вытеснению из публичной сферы и делопроизводства, происходило целенаправленное сокращение числа русскоязычных школ. Так, даже на абсолютно русифицированных территориях востока Украины решительно пресекались инициативы по введению регионального двуязычия (попытки принять подобные законы имели место еще в 1997 г. на уровне областного совета в Донецке и городского совета в Харькове (Кулык, 2010)). Но дискриминационные меры, разумеется, касались не только русского языка. В Киргизии узбеки после массовой эмиграции русских остались самым крупным этническим меньшинством (второй и третий по численности города страны — Ош и Джалал-Абад — в значительной степени являются билингвальными, киргизо-узбекоязычными), тем не менее, киргизские власти категорически отказывались рассматривать вопрос о придании узбекскому языку хотя бы регионального статуса в отдельных районах (Абашин, Савин, 2012).

Интересно, что в некоторых случаях для обоснования «национализирующей» политики власти шли на манипуляцию со статистикой. Для казахстанских элит чрезвычайно важно было, чтобы в ходе первой постсоветской переписи населения (1999 г.) титульная национальность наконец-то стала большинством в стране. Так и произошло — по официальным данным доля казахов в общем населении составила тогда 53,4%, но добились этого, по некоторым данным, путем сознательного занижения количества русских и завышения числа казахов (Arel, 2002). А для того чтобы в стране не осталось регионов, где не-казахи имеют численный перевес, широко применялись технологии «этнического джерримандеринга» — границы

регионов активно перекраивались, в том числе районы с доминированием «европейского» населения соединяли с территориями, густо заселенными казахами.

Таким образом, различные проявления инструментальной и символической политики, которые можно объединить под общим названием «политики идентичности» (в том смысле, что она направлена на конструирование различных типов идентичности в границах определенного сообщества) (Семененко, Лапкин, Бардин, Пантин, 2017; Цумарова, 2012), показывают преобладающее влияние этноцентристского императива на постсоветские государства¹.

Между тем, с момента распада СССР прошло уже почти три десятилетия. Насколько термин «национализирующее государство», введенный Брубейкером в 1993 г., остался релевантным постсоветским реалиям и все последующие годы? Продолжают ли сегодня воспроизводиться идеологемы и практики, порожденные этноцентризмом, или последний все-таки оказался в целом преодолен? Каковы нынешние тренды, связанные с управлением культурными различиями на постсоветском пространстве? Ответу на эти вопросы будет посвящена основная часть предлагаемой статьи.

Преодолен ли постсоветский этноцентризм?

С одной стороны, по сравнению с самыми первыми годами независимости вроде бы можно зафиксировать некоторые важные изменения — на постсоветском пространстве достаточно быстро прошла пора радикальных националистов у власти вроде З. Гамсахурдиа или А. Эльчибея, которые в лучшем случае были готовы рассматривать этнические меньшинства на своей территории в качестве гостей. Им на смену пришли более прагматичные руководители, отказавшиеся от наиболее жестких этноцентристских установок.

Ставший в 1993 г. президентом Г. Алиев вскоре выдвинул идею «азербайджанства» как гражданской общности всех живущих в стране людей, вне зависимости от их этнического происхождения². Эту тенденцию продолжил и Алиев-младший, который, к примеру, использует достаточно инклюзивную риторику в таком аспекте нациестроительства, как историческая политика — нынешним азербайджанцам предлагается гордиться в первую очередь тем, что Азербайджанская демократическая республика 1918–1920 гг. стала первой парламентской демократией в мусульманском мире, которая дала право голоса женщинам и реализовала принцип отделения церкви от государства (Goble, 2015). Кстати сказать, в сегодняшнем Азербайджане русский язык достаточно активно присутствует в публичной сфере, например, на русском языке (с азербайджанскими субтитрами) идут фильмы в большинстве бакинских кинотеатров.

Пришедший к власти в Грузии в 1992 г. Э. Шеварнадзе также исключил из публичной риторики откровенно шовинистические обороты, свойственные его предшественнику Гамсахурдиа — последний мог открыто рассуждать о «чистоте» нации и «загрязняющих» ее пришлых элементах (Маркедонов, 2007). В Молдове после того, как несколько поутихло первоначальное стремление к объединению с Румынией, были

¹ За различиями этих двух областей стоит значительная академическая литература. Для краткости целесообразно сослаться на статью А. Осипова, где он говорит об инструментальной политике как о «практически значимой», а о символической – как о «деятельности по производству смыслов» (Осипов, 2012, 206).

² Об этом, в частности, много рассуждает Р. Мехтиев, глава Администрации Президента Азербайджана с 1994 г. и один из главных идеологов правящих элит (Мехтиев, 2011).

приняты некоторые меры инклюзивного характера. В частности, власти отказались от идеи ввести обязательное тестирование на знание государственного языка для всех граждан, Гагаузии была предоставлена автономия, что позволило не допустить развития ситуации по приднестровскому сценарию, а отдельные политические силы вместо лозунга «долой границу, разделяющую румынский народ!», стали чаще апеллировать к «единой политической нации» (Нойкирх, 2010).

В странах Балтии русскоязычное население постепенно перестало восприниматься как потенциальная «пятая колонна». В начале 1990-х гг. многие политические силы открыто призывали к депортации вчерашних «колонизаторов», сейчас же в Латвии русский Нил Ушаков, многолетний мэр Риги, является одним из самых популярных политиков страны, за партию которого голосуют в том числе и латыши. В Эстонии электоральная сегрегация выражена более заметно — например, за местных центристов до сих пор отдает свои голоса до 80% русскоязычного электората, однако и здесь наблюдатели уже с конца 1990-х гг. фиксировали тенденцию «к большей интеграции русскоговорящего населения в эстонские политические структуры» (Khrychikov, 2001); кроме того, не-эстонцам периодически удается занять важные позиции в политической системе — так, недавно столичным мэром был избран русскоязычный кореец Михаил Кылварт.

Постепенно теряет прежнюю остроту и проблема неграждан. Как известно, вскоре после получения независимости в Латвии и Эстонии были приняты законы о гражданстве, автоматически предоставившие его лишь тем, кто жил в этих странах до 1940 г., или их потомкам. Остальные жители должны были проходить процедуру натурализации. Но если изначально в Латвии статус неграждан имело около 30% всего населения, то сейчас — только 12%, а в Эстонии число «лиц с неопределенным гражданством» и вовсе сократилось с 32% до 6,3% (это около 90 тыс. чел.). Связано это в том числе и с законодательными новеллами последних лет — скажем, в Латвии с недавнего времени автоматически получают гражданство те, кто прошел более половины школьной программы на латышском языке; аналогичная норма распространяется в Эстонии на детей, родившихся в семье, где хотя бы один родитель имеет гражданство этой страны. В конце января 2017 г. премьер-министр Эстонии Ю. Ратас заявил, что пойдет на следующие парламентские выборы под лозунгом предоставления гражданства всем людям, прожившим в Эстонии как минимум 25 лет. Ратас при этом подчеркнул, что для его партии важны «все жители Эстонии... независимо от того, говорят ли они по-русски или по-эстонски» (Ратас... 2017). В начале 1990-х гг. такое заявление от ведущего политика страны трудно было себе представить. Замечу, что и эстонские суды теперь обязаны принимать к рассмотрению ходатайства, написанные на языках национальных меньшинств (с последующим переводом на эстонский за государственный счет); русскоязычную версию имеют официальные сайты эстонского парламента и президента. Кроме того, в 2007 г. телеобращение президента Эстонии к нации впервые сопровождалось русскими субтитрами.

Отмечая все эти изменения, было бы преувеличением говорить о последовательном преодолении этноцентризма на постсоветском пространстве. Скорее можно констатировать лишь некоторое смягчение установок этнического национализма и, как следствие, элиминацию некоторых наиболее одиозных практик начального периода независимости. При этом в политических элитах и обществе в целом по-прежнему сохраняется подозрительное отношение к культурным различиям и стремление к ассимиляции этнических, языковых и прочих меньшинств.

Почти все постсоветские страны продолжают исходить из того, что консолидация общества невозможна без языковой унификации на базе титульного языка; все они по-прежнему стремятся реализовать гомогенизирующую политику в области образования и культуры. В той же Латвии все эти годы идет наступление на школьное обучение, осуществляемое на языках меньшинств (прежде всего речь идет о русских школах). В 2004 г. была предпринята попытка перевести всю среднюю школу на латышский язык. Попытка не удалась, но в итоге на латышском стало преподаваться не менее 60% уроков, а сейчас активно обсуждается очередная реформа, призванная еще больше сократить количество учебных часов на русском языке. Другой пример: хотя еще в 2000-е гг. лишь треть представителей национальных меньшинств в Грузии свободно владела государственным языком, тем не менее он абсолютно доминировал в медиа, а в официальной сфере и вовсе был безальтернативным — исключительно на грузинском принимались документы во все органы власти. Кроме того, мегрельскому, сванскому и лазскому языкам отказывается в праве на самостоятельный статус — они рассматриваются официальным Тбилиси только как региональные варианты грузинского языка (Уитли, 2009).

Даже в Казахстане, несмотря на статус русского языка как официального и в целом осторожную позицию первого президента Н. Назарбаева по языковому вопросу, продолжается последовательное выдавливание русского языка из публичного пространства. В высшей степени показательным, что, выступая на Ассамблее народов Казахстана в 2006 г., Назарбаев заявил, что билингвизм в официальной сфере — временное явление, и в перспективе здесь будет доминировать именно казахский язык (Салимов, 2006). Думается, что в этом же контексте стоит рассматривать и реформу алфавита, призванную к 2025 г. перевести казахский язык с кириллицы на латиницу. Не реализованы в полной мере и языковые права узбеков в Казахстане (а это более 500 тыс. чел.), которые не могут добиться для своего языка регионального статуса в местах компактного проживания на юге страны. Таким образом, языковая политика очевидным образом ориентирована на постепенную казахизацию населения (Marquardt, 2015).

Сохраняющееся восприятие нации как прежде всего этнокультурного, а не политического сообщества приводит к тому, что власти в целом ряде случаев по-разному относятся к своим гражданам, в зависимости от их этнической принадлежности. Так, после столкновения в 2010 г. между узбеками и киргизами в Ферганской долине узбекское меньшинство на юге Киргизии подверглось дискриминационным мерам, в том числе последовало массовое увольнение его представителей с государственной службы (Rugot, 2014, 338). Нередко конфликты возникают и внутри гражданского общества — например, в Казахстане существует достаточно устойчивое деление на нагыз-казахов («настоящих») и шала-казахов («половинчатых», «неполноценных»). Как следует из названий, последние, будучи билингвами или разговаривая исключительно на русском языке, рассматриваются их казахоязычными согражданами как не-вполне-казахи³.

³ Одной из особенностей Казахстана является значительная степень русификации представителей титульной национальности — для многих казахов, живущих в крупных городах, именно русский является главным языком общения. Это связано со значительным притоком в города славянского населения в советский период. Соответственно, шала-казахи — это, как правило, горожане, а нагыз-казахи в массе своей являются сельскими жителями или выходцами из деревни, также к последней категории часто причисляет себя и «национально ориентированная» интеллигенция.

Анализ некоторых программных документов и риторики, к которой прибегают официальные лица в выступлениях, также показывает, что политический класс (равно как и обслуживающие его интеллектуалы) в большинстве своем продолжает находиться во власти этноцентристской парадигмы. Например, хотя Назарбаев активно использует в своих речах выражения вроде «казахстанцы», «многонациональный Казахстан», «всеказахстанская идентичность» и т.д. (Послание Президента... 2012), в то же самое время он не видит ничего предосудительного в рассуждениях о «государствообразующей нации» (а это означает, что на деле есть казахи и есть все остальные казахстанцы); весьма популярным остается и дискурс «национального казахского возрождения» (Kudaibergenova, 2018). Амбивалентность символической политики свойственна и Кыргызстану. С одной стороны, уже первый президент А. Акаев провозгласил лозунг «Кыргызстан — наш общий дом», была создана Ассамблея народа Кыргызстана, куда вошли представители различных этнических групп. С другой стороны, тогда же были сделаны попытки утвердить в качестве главного национального символа эпос «Манас», что, очевидно, было гораздо менее инклюзивным ходом со стороны властей, так как «Манас» традиционно рассматривался как достояние исключительно этнических киргизов. Далее, в президентство К. Бакиева в 2009 г. была принята программа под названием «Наследие кыргызов и будущее», где вроде бы ставилась задача «формирования гражданской политической нации», и буквально тут же говорилось о необходимости «реализовать проект, определяющий роль и место наследия кочевников и, конкретно, наследия кыргызов, в построении будущего страны, региона, мира» (Выступление президента... 2009). Понятно, что если вы хотите обратиться к «наследию кочевников» как к ключевому ресурсу нациестроительства, то с этой нацией вряд ли смогут себя соотносить в полной мере проживающие в стране русские, корейцы, узбеки и многие другие народы. Похожим образом и украинские политики, отменяя в 2018 г. закон о региональных языках под тем предлогом, что государственный язык составляет «сущность украинской идентичности», а официальное использование других языков «раскалывает» страну (Ивженко, 2018), исходят из того, что нация может строиться только на едином этнокультурном базисе, а поликультурная и многоязычная Украина — угроза для национального единства.

Для полноты картины стоит упомянуть Беларусь, где элиты после 1994 г. используют особый подход к процессу нациестроительства. Дело в том, что в этой стране после прихода к власти А. Лукашенко национальная идентичность выстраивается скорее на несоветских символах и ресурсах — показательно, что в качестве флага и герба была взята слегка измененная государственная символика БССР, а Днем независимости стала дата освобождения Минска от гитлеровских войск. В то же время к наследию Великого княжества Литовского, которое всегда занимало центральное место в историческом нарративе белорусских националистов, официальный дискурс обращается весьма неохотно. На референдуме 1995 г. русский язык получил статус второго государственного (единственный случай на постсоветском пространстве), и это его де-юре высокое положение в сочетании со значительной степенью русификации белорусов (в 1989 г. только 1,5% городского населения пользовались белорусским языком в повседневной жизни (Зам, 2010)) привело к тому, что ареал использования русского языка в быту, в публичном пространстве, в сфере образования и медиа гораздо шире, чем белорусского. Достаточно сказать, что сегодня в стране нет ни одного белорусскоязычного вуза, а на весь Минск в 2017 г. было только пять гимназий с программой обучения на белорусском языке (Данейко, 2017).

Уникальность белорусской ситуации состоит в том, что здесь элиты фактически не предпринимают специальных усилий для расширения места титульного языка в обществе и повышения его символического статуса в глазах населения. Скорее можно говорить о том, что запрос на это в последнее время формируется «снизу», со стороны гражданского общества — в крупных городах популярны курсы белорусского языка, в том числе для взрослых, растет конкурс в немногочисленные белорусскоязычные лицеи и школы, расширяется неформальное культурное пространство с активным использованием белорусского языка (вроде рок-фестивалей). Но все это происходит не благодаря государственной поддержке, а скорее даже вопреки ей, ведь публичное использование белорусского языка многие годы воспринималось едва ли не как маркер политической оппозиционности говорящего. При этом стоит заметить, что после присоединения Крыма к России отношение белорусских властей к языку и национальным символам все же несколько изменилось — в июле 2014 г. А. Лукашенко даже выступал по-белорусски на Дне независимости, что происходит крайне редко. Насколько устойчивыми станут эти новые тенденции, покажет время.

Российский случай на постсоветском фоне

В статье нет возможности подробно рассматривать все 15 постсоветских государств, да это и вряд ли необходимо — все-таки гораздо важнее показать общие тенденции. Тем не менее о России имеет смысл сказать особо.

На первый взгляд кажется, что Россия в сфере управления культурным разнообразием принципиально отличается от других стран бывшего СССР с их этноцентризмом, ведь тезис о «многонациональности» и «поликонфессиональности» страны не просто вошел в официальный российский дискурс, но стал одним из его структурообразующих элементов; более того, Россия стала единственной федерацией на постсоветском пространстве — страна включает почти три десятка национальных регионов, которые в совокупности занимают почти половину ее территории. Среди них выделяются 22 республики, обладающие официально признанными языками⁴, конституциями и другими атрибутами государственности. Представители титульных народов зачастую претендуют в «своих» республиках на приоритетные позиции, даже если они составляют там меньшинство населения. Все это позволяет исследователям говорить о принципиальных различиях в траектории национально-государственного строительства между бывшей «метрополией» советской империи и ее «окраинами» — первая с самого начала исходила из «гражданской перспективы нацистроительства», тогда как последние встали на путь «целенаправленной политизации этничности» (Семененко, 2017). Признавая определенную справедливость этого суждения, хотелось бы при этом внести некоторые важные уточнения, которые показывают, что Россию не всегда оправдано противопоставлять остальному постсоветскому пространству в интересующем нас аспекте.

Во-первых, можно вспомнить, что федерализм отнюдь не был сознательным выбором отечественных элит — он был унаследован Россией от РСФСР и принят как данность в условиях «парада суверенитетов» и слабости центральной власти.

⁴ В большинстве республик существует один официальный язык, помимо русского, однако в Кабардино-Балкарии их два, в Карачаево-Черкесии — пять, а в Дагестане и вовсе — четырнадцать. До недавнего времени в 8 республиках изучение титульных языков было обязательным для всех школьников (это Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Чечня, Коми и т.д.), но в 2018 г. был принят закон, сделавший факультативным изучение республиканских языков во всех регионах.

Сохранение национальных регионов, сложный торг федерального центра с ними по поводу полномочий и распределения ресурсов были средством удержать страну от распада в начальный период постсоветской трансформации. Показательно, что как только российское государство достаточно укрепилось, оно повело последовательное наступление на федеративные институты.

Во-вторых, несмотря на риторику о «многонациональной России», реальные практики управления культурным разнообразием здесь, как и в других постсоветских странах, принципиально отличаются от принятых в либеральных демократиях. В российском случае о поддержке государством культурного плюрализма можно заявлять только *cum grano salis*.

Проиллюстрирую этот тезис примером из сферы межконфессиональных отношений. Политику российского государства в этой области П. Гланзер довольно удачно предложил характеризовать как «управляемый плюрализм» (Glanzer, 2009). Суть его в том, что перед нами не «рынок религий», на котором последние ищут контакта с «паствой» в условиях свободной конкуренции, но ситуация, в рамках которой государство само решает, какие именно религии допустить в публичную сферу, кому предоставить преференции, а кого, наоборот, ограничить. В этом смысле весьма показательно разделение религий на «традиционные» (православие, ислам, буддизм, иудаизм) и «нетрадиционные», закрепленное в российском законе «О свободе совести» от 1997 г. Первым такое разделение предоставило возможность претендовать на различные формы государственной поддержки, а в случае со вторыми — стало основанием для их маргинализации. Получается, что на «нетрадиционные» религии тезис о российской «поликонфессиональности» и об «уникальном опыте межрелигиозного диалога» в нашей стране как бы не распространяется, потому что полноценно участвовать в «межрелигиозном диалоге» могут только те религии, которые получили на это разрешение от государства.

Более того, даже в случае с «традиционными» религиями надо сделать важную оговорку: предполагается, что каждая из них (кроме иудаизма) имеет некий исторически сложившийся ареал распространения — «русские» регионы России с православным населением; исламские регионы Северного Кавказа и Поволжья; буддийские — Бурятия, Калмыкия и Тыва. На признанных за соответствующей конфессией территориях ее «видимость» в публичном пространстве, связанные с ней особенности местного законодательства (вроде запрета на продажу алкоголя во время Рамадана в Дагестане и Чечне) и т.д. считаются обоснованными. Но за пределами очерченных «зон влияния» государство уже совершенно по-иному относится к манифестации культурных различий, обусловленных религией⁵. Именно поэтому в сегодняшней Казани действует 75 мечетей, в то время как в Москве с ее многочисленным мусульманским населением функционирует только четыре крупные мечети, и каждый раз вопрос о строительстве новой вызывает официальные комментарии в духе того, что «для тех мусульман, которые живут в Москве, мечетей у нас достаточно» (Собянин... 2015). При том, что количество православных храмов и часовен в столице — более 1100. Таким образом, хотя «первые лица» страны регулярно вспоминают о том, что «мусульманская умма... — важная часть российского многонационального народа»

⁵ Среди «традиционных» религий особое место принадлежит православию как «первому среди равных», однако РПЦ также принимает существующие правила игры, связанные с неформальным разделением страны на «зоны влияния» — например, она сознательно не занимается прозелитизмом среди тех, кого принято называть «этническими мусульманами» или «этническими буддистами».

(Путин отметил... 2018), имплицитно предполагается, что за пределами собственно «исламских» регионов мусульмане должны, как выразились бы англичане, «keep a low profile» (т.е. быть незаметными, «не высовываться»).

Однако отличия России от либеральных демократий проявляются, конечно же, не только в религиозной сфере — как отмечает В. С. Малахов, аналогичным образом можно говорить и о враждебности российского государства и общества к меньшинствам самого разного рода, а также о «практически нулевой толерантности» в отношении разнообразия, связанного с миграцией (Малахов, 2016, 202) — считается, что мигранты не должны никоим образом проявлять свою культурную инаковость в публичном пространстве. Таким образом, существует большой разрыв между, с одной стороны, достаточно инклюзивной риторикой властей, позиционированием России как культурно неоднородной страны и, с другой стороны, реальной российской политикой по управлению культурным разнообразием.

Часто приходится слышать, что сохранение в России этно-федеративной структуры является непреодолимым препятствием для формирования национального государства. В этой связи хотелось бы еще раз напомнить, что классические представления о национальном государстве в настоящее время серьезно пересматриваются. У. Кимлика отмечает, что ставка на признание культурных различий приводит к тому, что «возрастающее число западных демократий, которые имеют в своем составе национальные меньшинства, признают, что они — “многонациональные” (“multi-nation”), а не “национальные” государства», поскольку исторически проживающие в этих странах меньшинства часто начинают заявлять о себе как о нациях, мобилизуясь вокруг идеи «получения или сохранения самоуправления» (каталонцы или баски в Испании, фламандцы в Бельгии, квебекцы в Канаде и т.д.) (Kymlicka, 2007).

Таким образом, сам по себе «субнационализм» («substate nationalism», в терминологии Кимлики) — проблема не чисто российская, другое дело, что до сих пор присущее многим в России этноцентристское сознание, а также унаследованный от советского прошлого дискурс о нациях и национализме действительно во многом мешают восприятию нации как согражданства, как политического сообщества. Например, многие республики склонны видеть в самом понятии «русской нации» угрозу для своей самобытности. Показательный момент: когда в 2009 г. обсуждался проект Концепции Федерального закона «Об основах государственной национальной политики в РФ», Всемирный курултай башкир и Всемирный Конгресс татар выступили с публичным осуждением этого документа на том основании, что «попытка замены понятия “многонациональный народ РФ”... понятием “русская гражданская нация” направлена на ассимиляцию коренных народов страны» (Всемирный курултай... 2009). С другой стороны, многие представители русского этнического большинства с подозрением относятся к стремлению титульных национальностей в республиках удержать свою культурную идентичность и сохранить собственные языки, почему-то рассматривая это как противопоставление себя русским и как нежелание быть частью большого общероссийского сообщества, хотя в действительности этническая идентичность, субнационализм и ориентация на гражданскую нацию — не обязательно конфликтующие между собой лояльности. Их примирение между собой — одно из необходимых условий консолидации российской политической нации, тем более что этно-федеративная структура в России — это данность,

от которой уже не уйти (едва ли стоит объяснять, какие последствия вызовет принудительная ликвидация национальных регионов).

Заключение

После 1991 г. этноцентризм был главным руководящим принципом нациестроительства на постсоветском пространстве, что и было выражено в свое время Р. Брубейкером в известном термине «национализирующее государство». Для такого типа политий вполне логичным является настороженное, если не сказать враждебное отношение к культурному, языковому, этническому и прочему плюрализму собственного населения, что проявляется в соответствующих идеологемах и практиках. Конечно, степень радикальности и последовательности гомогенизирующих политик в тех или иных странах могла довольно сильно различаться, однако представления о том, что титульная нация должна иметь какие-то особые преференции, что ее язык должен быть единственным средством коммуникации в официальной сфере, а ее символы должны стать одновременно и символами всей страны, были свойственны практически всем государствам бывшего СССР. И как было показано в статье, почти три десятилетия, прошедшие с момента появления новых независимых государств в Евразии, мало что изменили в этом смысле. До сих пор концепт гражданской нации если и используется на постсоветском пространстве, то чаще всего носит преимущественно ритуальный характер или же бывает обращен к внешнему миру — он необходим, «чтобы выглядеть прилично» в глазах международного сообщества (Тишков, 2016, 18).

И здесь показательна судьба федерализма на постсоветском пространстве — его вынужденно приняли только российские элиты, в остальных же государствах федеративная модель всегда отвергалась, поскольку в ней видели угрозу целостности нации. С одинаковым скепсисом планы по федеративному переустройству страны были встречены в Молдове в 2003 г. («меморандум Козака»), в Грузии в 2009 г. или на Украине после 2014 г. Как верно отметил А. Захаров, политики, многие из которых во времена Советского Союза клеймили его как империю, придя к власти, стали формировать собственные «мини-империи», где языковые и этнические меньшинства вместо равноправного сосуществования с титульной национальностью столкнулись с мощным ассимиляционистским давлением последней (Захаров, 2012), хотя формирование федерации, признание языковых и культурных прав национальных автономий в случае целого ряда постсоветских государств с большой долей вероятности стало бы реальной альтернативой войны и последующей потери контроля над частью их территории.

Как отмечалось вначале, истоки постсоветского этноцентризма во многом находятся в советской практике территориализации и институционализации этничности. Советский Союз представлял собой страну, по большей части состоящую из национальных территорий, на каждой из которых имелась «титульная», т. е., как считалось, коренная и в силу этого де-факто главная этническая группа. 14 из 15 союзных республик (за исключением РСФСР) также имели свои титульные национальности. Распад СССР трактовался на «окраинах» как возможность всем разойтись по своим национальным квартирам, отбросив идеологический штамп о «едином советском народе». Все это закономерно привело к тому, что бывшие союзные республики после 1991 г. начали строить собственные «nation-states», понимаемые вполне по-советски — как государства, принадлежащие в первую

очередь титульной нации, а не всему населению. Отсюда те проявления «национализирующих» политик, о которых шла речь в данной статье.

Если же говорить о факторах, обеспечивших дальнейшую устойчивость этноцентристской модели, то здесь можно отметить, во-первых, особенность постсоветских политических режимов. Дело в том, что успешная борьба за признание со стороны этнических, религиозных, расовых и прочих меньшинств по понятным причинам реализуема только в условиях демократической политики — там, где можно говорить о существовании, с одной стороны, публичной сферы и институтов, позволяющих представлять различные политические интересы, с другой стороны — общества, которое в состоянии внятно артикулировать свои требования и влиять на политическую повестку. Постсоветское пространство — это, в значительной своей части, территория авторитарных или гибридных режимов, где правящие элиты имеют достаточно ресурсов для того, чтобы препятствовать политической мобилизации общества вокруг тех или иных вопросов, в том числе это касается и борьбы за языковые, культурные и прочие права.

Во-вторых, не стоит забывать о том, что у многих постсоветских стран сложились достаточно сложные отношения с соседями (Таджикистан — Узбекистан, Армения — Азербайджан и т.д.), также в ряде случаев сохраняется настороженное отношение к России как к бывшей «метрополии». Все это заставляет правящую бюрократию воспринимать этнические меньшинства на своей территории как потенциальную угрозу. Отсюда «секьюритизация» проблемы меньшинств, рассмотрение их в первую очередь в контексте безопасности государства (Kymlicka, 2007).

Таким образом, культурная сложность наций странами бывшего СССР осознается скорее как некая проблема, нежели как возможный ресурс для развития страны или просто как ценность сама по себе, а потому идеалам культурного плюрализма и настоящего гражданского национализма еще предстоит бороться за свое утверждение на постсоветском пространстве.

Библиографический список

- Абашин, С. Н., Савин, И. (2012). Ош, 2010: конфликтующая этничность. В В. А. Тишков, В. А. Шнирельман (ред.) *Этничность и религия в современных конфликтах* (с. 23–56). Москва: Наука.
- Брубейкер, Р. (2000). Национальные меньшинства, национализирующиеся государства и внешние национальные отчества в новой Европе. В А. А. Прузаускас (ред.) *Этнос и политика. Хрестоматия* (с. 173–177). Москва: Изд-во УРАО.
- Всемирный курултай башкир и Всемирный конгресс татар подвергли критике проект Концепции о национальной политике (2009, Июль). *Башинформ.рф*. Режим доступа <http://www.bashinform.ru/news/211211-vsemirnyy-kurultay-bashkir-i-vsemirnyy-kongress-tatar-podvergli-kritike-proekt-kontseptsii-o-natsionalnoy-politike/>
- Выступление президента К. Бакиева по созданию Национального проекта «Культура» (2009, Июнь). *FOR.kg*. Режим доступа <http://www.for.kg/news-89601-ru.html>
- Данейко, Е. (2009, Сентябрь). Можно ли выучить белорусский язык в школах Беларуси. *Zautra.by*. Режим доступа http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=25884&fbclid=IwAR0fU13xPvRjde91jxwCGqTzIvKM5Ngeyw7-m3ZkyuH4hSlifkjD4QjTupU
- Зам, А. (2010). Республика Беларусь — суверенитет впредь до отмены? В Э. Ян (ред.) *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе* (с. 127–154). В 3 т. Т. 2 Москва: РОССПЭН.
- Захаров, А. (2012). *«Спящий институт»: федерализм в современной России и мире*. Москва: НЛО.

- Ивженко, Т. (2018, Март 01). Киев отменил закон о региональных языках. *Независимая газета*. Режим доступа http://www.ng.ru/cis/2018-03-01/5_7183_ukraina.html
- Конституция республики Казахстан. *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. Режим доступа http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
- Кулык, В. (2010). Национализм в Украине. 1986–1996 годы. В Э. Ян (ред.) *Национализм в поздней- и посткоммунистической Европе* (с. 101–126). В 3 т. Т. 2 Москва: РОССПЭН.
- Малахов, В. С. (2016). Нация и культурное разнообразие в имперской, советской и постсоветской России. В В. А. Тишков, Е. А. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций* (с. 190–202). Москва: Политическая энциклопедия.
- Малахов, В. С. (2014). Организация демократического общежития в условиях культурной неоднородности, или мультикультурализм как риторика и политика. *Вестник Российской нации*, 2, 111–126.
- Маркедонов, С. (2007, Апрель). Земля и воля Звиада Гамсахурдиа. *Политком.ru*. Режим доступа <http://politcom.ru/4379.html>.
- Мехтиев, Р. (2011, Май). Современный Азербайджан как воплощение национальной идеи. *Правозащита*. Режим доступа <http://old.memo.ru/d/78577.html>.
- Нойкирх, К. (2010). Республика Молдова между унионизмом, молдаванизмом и национализмом граждан государства. В Э. Ян (ред.) *Национализм в поздней- и посткоммунистической Европе* (с. 155–181). В 3 т. Т. 2. Москва: РОССПЭН.
- Осипов, А. Г. (2012). Национально-культурная автономия после СССР: символическая или инструментальная политика? *ПОЛИТЭКС*, 1 (8), 200–222.
- Послание Президента Республики Казахстан — Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» (2012, Декабрь). *Казахстан-2050*. Режим доступа <https://strategy2050.kz/ru/multilanguage/>
- Путин отметил важность развития российской исламской богословской школы (2018, Январь). ТАСС. Режим доступа <https://tass.ru/obschestvo/4900658>.
- Ратас: гражданство нужно дать всем, кто прожил в Эстонии как минимум 25 лет (2017, Январь). *Rus.err.ee*. Режим доступа <https://rus.err.ee/240918/ratas-grazhdanstvo-nuzhno-dat-vsem-kto-prozhil-v-jestonii-kak-minimum-25-let>.
- Салимов, С. (2006, Ноябрь 27). На паритетных началах. *НГ-Дипкурьер*, Режим доступа http://www.ng.ru/courier/2006-11-27/16_nazarbaev.html.
- Сафран, У. (2011). Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры. *Политическая наука*, 1, 64–97.
- Семененко, И. С. (ред.) (2017). *Регулирование этнополитической конфликтности и поддержка гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад*. М.: ИМЭМО РАН.
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Бардин А.Л., Пантин В.И. (2017). Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования*, 5, 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
- Семенов, А. (2002). Культурное многообразие и этническая модель национального устройства: решение в пользу «этнической демократии» в Эстонии. В В. С. Малахов, В. А. Тишков (ред.) *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* (с. 195–205). Москва: ИЭА РАН; ИФ РАН.
- Собянин: для мусульман, живущих в Москве, мечетей достаточно (2015, Октябрь). *РИА Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/20151013/1300959614.html>
- Тишков, В. А. (2016). Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. В В. А. Тишков, Е. А. Филиппова (ред.) *Культурная сложность современных наций* (с. 7–18). Москва: Политическая энциклопедия.

- Уитли, Дж. (2009). *Грузия и Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств*. Рабочий доклад ЕСМИ № 42. Режим доступа http://www.ecmcaucasus.org/upload/publications/working_paper_42_rus.pdf
- Цумарова, Е. Ю. (2012). Политика идентичности: politics или policy? Вестник Пермского университета. *Политология*, 2, 5–16.
- Abashin, S. (2012). Nation-Construction in Post-Soviet Central Asia. In M. Bassin, C. Kelly (eds.), *Soviet and Post-Soviet Identities* (pp. 150–168). Cambridge: Cambridge University Press.
- Arel, D. (2002). Demography and Politics in the First Post-Soviet Censuses: Mistrusted State, Contested Identities. *Population*, 6 (47), 801–827.
- Beissinger, M. (2009). Nationalism and the Collapse of Soviet Communism. *Contemporary European History*, 3 (18), 331–347.
- Glanzer, P. (2009). Religion, Education, and the State in Post-Communist Europe: Making Sense of the Diversity of New Church-State Practices. *Comparative Education Review*, 1 (53), 89–111.
- Goble, P. (2015). Identity Recovered vs Identity Redefined: Three Post-Soviet Cases. In M. Ayoob, M. Ismayilov (Eds.), *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus* (pp. 69–81). London-New York: Routledge.
- Gutman, A. (Ed.) (1994). *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton - New Jersey: Princeton University Press.
- Khrychikov, S. (2001). Containing Ethnic Mobilization: Evolving Representational Mechanisms and Ethnic Identities in Post-Soviet States. *Polish Sociological Review*, 134, 175–191.
- Kudaibergenova, D. (2018). Compartmentalized Ideology: Presidential Addresses and Legitimation in Kazakhstan. In R. Isaacs, A. Frigerio (Eds.), *Theorizing Central Asian Politics: the State, Ideology and Power* (pp. 145–166). Oxford: Palgrave Macmillan.
- Kymlicka, W. (2007). Multi-Nation Federalism. In B. He, B. Galligan, T. Inoguchi (Eds.), *Federalism in Asia* (pp. 33–56). Cheltenham - Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Marquardt, K. (2015). Language and Sovereignty: a Comparative Analysis of Language Policy in Tatarstan and Kazakhstan, 1991–2010. In M. Ayoob, M. Ismayilov (Eds.), *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus* (pp. 44–68). London-New York: Routledge.
- Meissner, F., Vertovec, S. (2015). Comparing Super-Diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 4 (38), 541–555. DOI:10.1080/01419870.2015.980295
- Parekh, B. (2000). *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. New York: Palgrave.
- Ruget, V. (2014). Citizenship in Central Asia. In E. F. Isin, P. Nyers (Eds.), *Routledge Handbook of Global Citizenship Studies* (pp. 335–345). London-New York: Routledge.
- Shevel, O. (2009). The Politics of Citizenship Policy in New States. *Comparative Politics*, 3 (41), 273–291.

Статья поступила в редакцию 22.04.2019

Статья принята к публикации 18.05.2019

Для цитирования: Летняков Д. Э. Управление культурным разнообразием на постсоветском пространстве: «Национализирующие государства» 30 лет спустя. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 16–33.

CULTURAL DIVERSITY MANAGEMENT IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: “NATIONALIZING STATES” 30 YEARS LATER

D. E. Letnyakov

Denis E. Letnyakov, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: letnyakov@mail.ru.
ORCID 0000-0001-7936-7013

Abstract. The paper analyzes trends in cultural diversity management in post-Soviet space. The author aims to find out to what extent the concept of “nationalizing states” introduced by P. Brubaker in the early 1990s for former socialist block countries is still valid. The research methodology is based primarily on the comparative approach applied to political science — the analysis and juxtaposition of linguistic, historical, cultural and educational policies in post-Soviet states. In addition, the author resorts to the study of post-Soviet leaders’ public statements and the rhetoric of some normative-legal documents. The paper stands out due to a novel multi-faceted approach used by the author. Namely, the paper focuses, in this or that way, on all the post-Soviet states (including Russia which is presented as part and parcel of the former USSR, not juxtaposed to it). Besides, cultural diversity is examined in the time span between 1991 and the present from various aspects, embracing linguistic and religious diversity. As a result, the article demonstrates that, despite some modification of ethn-national attitudes in the initial period of independence, there remains a scrupulous attention, imbued with suspicion, to cultural diversity, thereafter, the tendency to assimilate ethnic, linguistic and other miscellaneous minorities. The analysis of the Russian Federation case has shown that despite the fact that the assertion that Russia is a multinational and poly-confessional state has become a major thesis in official discourse, the real policies of cultural diversity management in Russia bring it closer to other post-Soviet states rather than to liberal Western democracies. The author argues that the source of post-Soviet ethnocentrism is concealed within the delimitation borders of ethnicity with the emphasis on titular ethnic groups established by the USSR regime. Further sustainability of ethnocentrism was ensured, in the first place, by the absence of the fully fledged public space and adequate public policy in the majority of post-Soviet countries, which fact prevents the minorities from waging a successful struggle for recognition. Secondly, it was the “securitization” of ethnic minorities’ problems due to complicated relations of many post-Soviet polities with the neighboring states.

Keywords: the post-Soviet space, cultural pluralism, cultural diversity, nationalism, “nationalizing state”, language policy, ethnic minorities.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-16-33

References

- Abashin, S. (2012). Nation-Construction in Post-Soviet Central Asia. In M. Bassin, C. Kelly (eds.), *Soviet and Post-Soviet Identities* (pp. 150–168). Cambridge: Cambridge University Press.
- Abashin S., Savin I. (2012). Osh, 2010: konfliktuiushchaia etnichnost’ [Osh, 2010: Conflicting Identity]. In V.A. Tishkov, V.A. Shnirel’man (Eds.) *Etnichnost’ i religia v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity and Religion in Contemporary Conflicts] (pp. 23–56). Moscow: Nauka.
- Arel, D. (2002). Demography and Politics in the First Post-Soviet Censuses: Mistrusted State, Contested Identities. *Population*, 6 (47), 801–827.
- Beissinger, M. (2009). Nationalism and the Collapse of Soviet Communism. *Contemporary European History*, 3 (18), 331–347.
- Brubaker, R. (2000). Natsional’nye men’shinstva, natsionaliziruuschiesya gosudarstva i vneshnie natsional’nye otechestva v novoy Evrope [Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe]. In A. A. Prazauskas (Ed.) *Etnos i politika. Hrestomania* [Ethnicity and Politics. Reading Book] (pp. 173–177). Moscow: Izdatel’stvo URAO.
- Danejko, E. (2009, September). *Mozhno li vyuchit’ belorusskii jazyk v shkoleh Belarusi* [Is it Possible to Learn the Belorussian Language in Schools of Belarus?] *Zautra.by*. Retrieved from http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=25884&fbclid=IwAR0fUl3xPvRjde91jxwCGqTzIvKM5Ngeyw7-m3ZkyYH4hSlifkjD4QjTupU
- Glanzer, P. (2009). Religion, Education, and the State in Post-Communist Europe: Making Sense of the Diversity of New Church-State Practices. *Comparative Education Review*, 1 (53), 89–111.
- Goble, P. (2015). Identity Recovered vs Identity Redefined: Three Post-Soviet Cases. In M. Ayoob, M. Ismayilov (Eds.), *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus* (pp. 69–81). London-New York: Routledge.

- Gutman, A. (Ed.) (1994). *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton - New Jersey: Princeton University Press.
- Ivzhenko, T. (2018, March 01). Kiev otmenil zakon o regional'nyh jazykah [Kiev Repealed the Law on Regional Languages]. *Nezavisimaja gazeta* [Independent Newspaper]. Retrieved from http://www.ng.ru/cis/2018-03-01/5_7183_ukraina.html
- Khrychikov, S. (2001). Containing Ethnic Mobilization: Evolving Representational Mechanisms and Ethnic Identities in Post-Soviet States. *Polish Sociological Review*, 134, 175–191.
- Konstitutsiia respubliki Kazakhstan. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Respubliki Kazakhstan* [Official website of the President of the Republic of Kazakhstan]. Retrieved from http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
- Kudaibergenova, D. (2018). Compartmentalized Ideology: Presidential Addresses and Legitimation in Kazakhstan. In R. Isaacs, A. Frigerio (Eds.), *Theorizing Central Asian Politics: the State, Ideology and Power* (pp. 145–166). Oxford: Palgrave Macmillan.
- Kulyk, V. (2010). Natsionalizm v Ukraine. 1986–1996 gody [Nationalism in Ukraine, 1986–1996] In E. Jahn (ed.) *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope* [Nationalism in Late- and Post-Communism Europe] (pp. 101–126). In 3 volumes. V. 2. Moscow: ROSSPEN.
- Kymlicka, W. (2007). Multi-Nation Federalism. In B. He, B. Galligan, T. Inoguchi (Eds.), *Federalism in Asia* (pp. 33–56). Cheltenham - Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Malahov, V.S. (2016). Natsiia i kul'turnoe raznoobrazie v imperskoi, sovetской i postsovetской Rossii [Nation and Cultural Diversity in Imperial, Soviet and Post-Soviet Russia]. In V.A. Tishkov, E.A. Filippova (eds.) *Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 190–202). Moscow: Politicheskaja jenciklopedija.
- Malahov, V. S. (2014). Organizatsiia demokraticeskogo obshchezhitia v usloviakh kul'turnoi neodnorodnosti, ili mul'tikul'turalizm kak ritorika i politika [Organization for Democratic Citizenship in the Conditions of Cultural Heterogeneity, or Multiculturalism as Rhetoric and Policy], *Vestnik Rossijskoi natsii* [Bulletin of Russian Nation], 2, 111–126.
- Marquardt, K. (2015). Language and Sovereignty: a Comparative Analysis of Language Policy in Tatarstan and Kazakhstan, 1991–2010. In M. Ayoob, M. Ismayilov (Eds.), *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus* (pp. 44–68). London-New York: Routledge.
- Markedonov, S. (2007, April). Zemlia i volia Zviada Gamsakhurdia [Zviad Gamsakhurdia's Land and Will]. *Politkom.ru*. Retrieved from <http://politcom.ru/4379.html>.
- Mehtiev, R. (2011, May). Sovremennyi Azerbaidzhan kak voploshchenie natsional'noi idei [Present-day Azerbaijan as the Embodiment of the National Idea]. *Pravozashchita* [Pravozashchita]. Retrieved from <http://old.memo.ru/d/78577.html>
- Meissner, F., Vertovec, S. (2015). Comparing Super-Diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 4 (38), 541–555. DOI:10.1080/01419870.2015.980295
- Nojkirh, K. (2010). Respublika Moldova mezhdu unionizmom, moldavanizmom i natsionalizmom grazhdan gosudarstva [Republic of Moldova between Unionism, Moldavianism and Nationalism of its Citizens]. In E. Jan (Ed.) *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope* [Nationalism in Late- and Post-Communism Europe] (pp. 155–181). In 3 volumes. V. 2. Moscow: ROSSPEN.
- Osipov, A. G. (2012). Nacional'no-kul'turnaya avtonomiya posle SSSR: simvolicheskaya ili instrumental'naya politika? [National-Cultural Autonomy after the USSR: Symbolic or Instrumental Policy?]. *Politeks* [Political expertise: Politex], (8), 200–222.
- Parekh, B. (2000). *Rethinking multiculturalism: cultural diversity and political theory*. New York: Palgrave.
- Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan – Lidera natsii Nursultana Nazarbaeva narodu Kazakhstana “Strategiia “Kazakhstan-2050” (2012, December) [The President of Kazakhstan, the Leader of the Nation - Nursultan Nazarbayev's Message to the People of Kazakhstan “The Strategy ‘Kazakhstan-2050’”]. *Kazakhstan-2050* [Kazakhstan-2050]. Retrieved from <https://strategy2050.kz/ru/multilanguage/>.

- Putin otmetil vazhnost' razvitiia rossiiskoi islamskoi bogoslovskoi shkoly (2018, January) [Putin Emphasizes the Importance of the Russian Islamic School of Theology's Development]. *TASS*. Retrieved from <https://tass.ru/obschestvo/4900658>.
- Ratas: grazhdanstvo nuzhno dat' vsem, kto prozhil v Estonii kak minimum 25 let (2017, January) [All Those People Who have Lived in Estonia for at Least 25 Years Should be Granted Citizenship]. *Rus.err.ee*. Retrieved from <https://rus.err.ee/240918/ratas-grazhdanstvo-nuzhno-dat-vsem-kto-prozhil-v-jestonii-kak-minimum-25-let>.
- Rugot, V. (2014). Citizenship in Central Asia. In E. F. Isin, P. Nyers (Eds.), *Routledge Handbook of Global Citizenship Studies* (pp. 335–345). London-New York: Routledge.
- Salimov, S. (2006, November 27). Na paritetnykh nachalakh [On a Parity Basis]. *NG-Dipkur'er* [Independent Newspaper – Diplomatic Courier]. Retrieved from http://www.ng.ru/courier/2006-11-27/16_nazarbaev.html.
- Safran, U. (2011). Nacional'naja identichnost' vo Francii, Germanii i SShA: sovremennye spory [National identity in France, Germany, and the United States: the Recent Debate]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 1, 64–97.
- Semenenko, I. (Ed.) (2017). *Regulirovanie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyakh kul'turnogo raznoobraziya: modeli, podxody, praktiki. Analiticheskii doklad* [Regulating Interethnic Conflicts and Building Civic Concord in a World of Cultural Diversity: Models, Approaches, and Practices. Analytical report]. Moscow: IMEMO.
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., Pantin, V. I. (2017). Mezhdru gosudarstvom i naciej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetском prostranstve [Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in Post-Soviet Societies]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 5, 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
- Semenov, A. (2002). Kul'turnoe mnogoobrazie i etnicheskaia model' natsional'nogo ustroistva: reshenie v pol'zu "etnicheskoi demokratii" v Estonii [Cultural Diversity and the Ethnic Model of the Nation: A Decision in Favor of "Ethnic Democracy" in Estonia]. In V. S. Malahov, V. A. Tishkov (Eds.) *Mul'tikul'turalizm i transformatsiia postsovetских obshchestv* [Multiculturalism and Transformation of Post-Soviet Societies] (pp. 195–205). Moskva: IEA RAN; IF RAN.
- Shevel, O. (2009). The Politics of Citizenship Policy in New States. *Comparative Politics*, 3 (41), 273–291.
- Sobianin: dlia musul'man, zhivushchikh v Moskve, mechetei dostatochno [There Are Enough Mosques for Muslim Residents in Moscow] (2015, October). *RIA Novosti* [RIA Novosti]. Retrieved from <https://ria.ru/20151013/1300959614.html>
- Tsumarova, E. Yu. (2012). Politika identichnosti: "politics" ili "policy"? [Politics of Identity or Policy of Identity?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Review of Political Science. Perm State University], 2, 5–16.
- Tishkov, V. A. (2016). Uslozhnjajushhee raznoobrazie: kak ego ponimat' i uporjadochit' [Complicating diversity: how to understand and organize]. In V. A. Tishkov, E. A. Filippova (Eds.) *Kul'turnaja slozhnost' sovremennykh nacij* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (pp. 7–18). Moscow: Politicheskaja jenciklopedija.
- Uitli, Dzh (2009). Gruzii i Evropeiskaia khartiia regional'nykh iazykov ili iazykov men'shinstv [Georgia and the European Charter for Regional or Minority Languages.]. *Rabochii doklad ECMI* [ECMI Working Paper]. Retrieved from http://www.ecmcaucasus.org/upload/publications/working_paper_42_rus.pdf
- Vsemirnyi kurultai bashkir i Vsemirnyi kongress tatar podvergli kritike proekt Kontseptsii o natsional'noi politike [The Bashkir World Kurultai and the Tatar World Congress Criticize the Draft Project of the National Policy Concept] (2009, July). *Bashinform.rf* [Bashinform.rf]. Retrieved from <http://www.bashinform.ru/news/211211-vsemirnyy-kurultay-bashkir-i-vsemirnyy-kongress-tatar-podvergli-kritike-proekt-kontseptsii-o-natsionalnoy-politike/>

Vystuplenie prezidenta K. Bakieva po sozdaniiu Natsional'nogo proekta "Kul'tura" [President Bakiev's Speech on Working out the National Project "Culture"] (2009, June). *FOR.kg*. Retrieved from <http://www.for.kg/news-89601-ru.html>

Zam, A. (2010). Respublika Belarus' — suverenitet vpred' do otmeny? [Republic of Belarus – Sovereignty until it's Canceled?] In E. Jan (Ed.) *Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope* [Nationalism in Late- and Post-Communism Europe] (pp. 127–154). In 3 volumes. V. 2. Moscow: ROSSPEN.

Zaharov, A. (2012). "*Spjashhij institute*": *federalizm v sovremennoj Rossii i mire* ["Sleep Institute": Federalism in Modern Russia and the World]. Moscow: NLO.

Received 22.04.2019

Accepted 18.05.2019

For citation: Letnyakov D.E. Cultural Diversity Management in the Post-Soviet Countries: "Nationalizing States" 30 Years Later. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 16-33.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ИНСТРУМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЛАТВИИ

И. Н. Тарасов

Тарасов Илья Николаевич. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. Чернышевского, 56, Калининград, 236022, Россия.
E-mail: ITarasov@kantiana.ru. ORCID 0000-0001-7698-709X

Аннотация. Этническая политика в Латвии имеет сложную историю. Её формирование происходило в период восстановления независимости страны и жёсткой борьбы политических сил, которые по-разному видели будущее Латвии. Победа право-центристов в середине 1990-х гг. обеспечила этнократический характер латвийской политики, основанной на идее десоветизации Балтии. Левый фланг был занят аккумуляцией социально-экономических интересов русскоязычного населения, оказавшегося вытесненным из политической жизни страны. К концу XX в. политика сегрегации исчерпала себя, её банкротство закрепило двухобщинность латвийского социума. Попытка перехода к политике интеграции натолкнулась на сопротивление крайне правых, что привело к поляризации общества. Опыт натурализации в определённой мере снизил остроту проблемы не-гражданства, а вступление в ЕС привело к падению интереса русскоязычных жителей к борьбе за латвийское гражданство. Эмигранты из Латвии, вне зависимости от цвета национального документа, внутри ЕС оказались в сопоставимых условиях жизни, труда и быта. Если в юридической части этническая политика Латвии отошла от тактики сегрегации в пользу интеграции, то в сфере языковой и образовательной политики произошла подмена интеграции ассимиляционными экспериментами. Ныне этническая политика в Латвии находится в тупике, когда политический класс не способен на реформы, хотя и осознаёт негативные демографические и миграционные тренды, а этнолингвистические общности с трудом формулируют требования, которые бы не угрожали самой латвийской государственности. Ограниченные по своему набору инструменты этнической политики не позволяют рассчитывать на формирование целостной политической нации в Латвии в обозримой перспективе.

Ключевые слова: Латвия, этнополитика, национальные меньшинства, русскоязычное население, идентичность.

Этническая политика Латвии формируется прежде всего центральными органами власти: президентом, правительством и его отдельными министерствами (в частности, Министерством юстиции, Министерством образования и науки, Министерством культуры, Министерством иностранных дел) и подчиненными им государственными учреждениями. Международные и неправительственные организации оказывают меньшее влияние на её развитие.

У президента нет прямых полномочий, обеспечивающих реальное формирование латвийской этнической политики. По его инициативе могут проводиться публичные консультации в этой сфере. Координирующим органом выступает Совет по делам меньшинств при Президенте Республики, созданный в 1996 г. В его работе участвуют представители одиннадцати этнических меньшинств и делегаты парламентского комитета по правам человека. Результатом работы выступают рекомендации, представляемые в парламент Латвии (Jansons, 2003).

Методология исследований балтийской этнополитики

Практика этнической политики в Балтийском регионе обусловила методологический выбор большинства исследователей балтийской этнополитики в пользу инструментализма. Наиболее видными представителями этого подхода являются: Д. Хатчинсон, Э. Смит, В.А. Тишков. В понимании инструменталистов этничность — психологическое понятие, которое дремлет в общественном сознании и просыпается в случаях: когда необходима социальная мобилизация, манипулирование

или контроль, уменьшение конкуренции и другие средства для реализации групповых интересов (Тишков, 2003). В этом понимании этничность представляется как средство для удовлетворения общих потребностей и интересов, при этом она является ситуативным феноменом, т.е. её функционирование зависит от тех или иных политических и экономических условий (Hutchinson, 2009). Самоидентификация, чувство общности с нацией возникает на основе привязанности членов группы к общей истории, территории, культуре, ценностям и символам (Smith, 2009). Без чувства самоидентификации и принадлежности отдельного индивида к нации достичь должного уровня солидарности невозможно.

Этнокультурное разнообразие и общность истории четко проявлены в географическом делении интереса современных российских исследователей: значительное внимание привлекают Прибалтика и Финноскандия, причем понимаемые и как части балтийского макрорегиона, и как самостоятельные трансграничные регионы, и как условный ареал существования отдельных политий. Российских политологов интересуют: процессы, протекающие в этих странах; положение соотечественников, проживающих в них; вопросы экономического сотрудничества и эволюции политических систем, международной безопасности и милитаризации региона (Затулин, 2014; Ланко, Тарасов, Швец, 2016; Смирнов, 2016; Грибанова, Косов, 2018, Тарасов, 2008). В.А. Оленченко и Н.М. Межевич отмечают: «Не меньшее значение имеют исследования глобальных мировых и европейских проблем в привязке к региону. Масштабность и сложность проблем евроинтеграции обладает вполне очевидной спецификой в странах Прибалтики. Аналогично и фундаментальный комплекс вопросов, связанных с брекситом, существует в конкретном балтийском измерении» (Оленченко, Межевич, 2018).

Таким образом, практически невозможно в исследовательском плане «замкнуть» проблемы этнической политики в отдельной политике на самой себе, они естественным образом встроены в общий контекст балтийской этнополитики в самом широком смысле. Вместе с тем исследовательская оптика обязывает быть довольно точным, выделяя особенности положения этносов в каждой стране и территории Балтийского региона. С этой точки зрения, изучение латвийского кейса не предполагает прямой экстраполяции на иные страны, однако способно указать на инструментальную сторону реализуемой в Балтии этнической политики.

Политический ландшафт

Формирование и реализация этнической политики — прерогатива парламента и правительства Латвии. Политические расколы, которые сформировались в первой половине 1990-х гг., оказали значительное влияние на направление изменений в этой области. После парламентских выборов в 1993 г. в недрах Латвийского Народного Фронта и группы по вопросам равенства были чётко обозначены политические разногласия. Позиция «независимости» была достоянием главным образом правопоцентристских и правых партий, пользующихся наибольшей общественной поддержкой. Посткоммунисты и часть левого крыла Народного Фронта перешли в оппозицию, теряя реальное влияние на государственные дела, в том числе и на проблемы положения русскоязычного населения.

Все ключевые политические реформы первых двух посткоммунистических десятилетий были подготовлены правопоцентристскими силами, и они определили основные направления этнической политики в современной Латвии. В течение первого

парламентского срока, в 1993–1998 гг., доминирующую роль в сфере этнополитики играла партия «Латвийский путь», которая создала коалиционное правительство парламентского меньшинства. Разработанная модель этнической политики пыталась примирить интересы крайне правых кругов, требовавших радикальных изменений, и умеренного крыла, одновременно отклоняя требования леволиберальных сил. В результате, положения о гражданстве, сформулированные в 1991–1994 гг., носили исключительно ограничительный характер и в значительной степени урезали гражданские права русскоязычного населения. Давление Российской Федерации, постоянной миссии ОБСЕ, действовавшей в Латвии в 1993–2001 гг., критические замечания учреждений Европейского союза и деятельность президента Гунтиса Улманиса способствовали принятию в 1998 г. поправки к Закону о гражданстве, что ослабило ограничительные эффекты предыдущих нормативных актов (Блейере, 2005). Они также повлияли на содержание других ключевых норм: Закона о статусе бывших граждан Советского Союза, не являющихся гражданами Латвии или любого другого государства (1995 г.), Закона об образовании (1998 г.) и закона о защите государственного языка (1999 г.). Тем не менее основной тактикой латвийской этнической политики была сегрегация национальных меньшинств, выдавливание русскоязычного населения за пределы Латвии.

Правоцентристские группировки часто вступают в краткосрочные коалиции с правоконсервативными партиями, тем не менее они не испытывают давления и существенно не меняют направление этнополитики Латвии. Они также не поддавались давлению левых сил, которые в 1996–2008 гг. подготовили около 400 проектов правовых изменений: 30% из них касались преподавания в школах на русском языке, 30% — избирательных прав, 15% — языковой политики и 15% ограничений — возможности работать людей без гражданства Латвии (Baltruka, Indāns, Krūma, 2009).

Левые политические группы не смогли убедить избирателей и выработать альтернативы правоцентристским правительствам. Попытка сформировать единый пророссийский политический блок «За права человека в единой Латвии» (За ПЧЕЛ), предпринятая в 1998 г., не принесла ожидаемых результатов. В 2014 г. блок был преобразован в политическую партию «Русский союз Латвии».

В 2005 г. на левой стороне политической сцены появилась новая группа — Центр Согласие. Ее лидером был один из соучредителей Партии национального согласия Сергей Долгополов, который не скрывал своих пророссийских симпатий. По его мнению, тесные контакты с Москвой принесут ощутимые экономические и политические выгоды, поэтому необходимо предпринять ряд действий для обновления российско-латвийских отношений, которым должно предшествовать изменение политики в отношении русскоязычного населения в Латвии. В общем, требования Центра Согласия не были чем-то необычным. Важным событием в политической жизни страны стала победа Центра Согласия на муниципальных выборах в Риге в 2009 г. С этого момента и до 2019 г. рижскую думу возглавлял Нил Ушаков. Политический климат в столице изменился. Новый мэр сразу же после вступления в должность упрочил свои контакты с Москвой, одним из городов — партнеров Риги. Кроме того, через месяц после выборов он организовал в столице съезд латвийских русских. В последующие годы контакты между Москвой и Ригой были весьма интенсивными, что явно контрастировало с холодными отношениями на государственном уровне между Латвией и Россией.

Левые партии в борьбе за права русскоязычного меньшинства в Латвии были поддержаны неправительственными организациями. Приблизительно 200 организаций, связанных с национальными меньшинствами, действуют в Латвийской Республике. Чаще всего это культурные организации (в том числе Русская культурная ассоциация в Латвии, Союз преподавателей языка и русской культуры), организации, предоставляющие юридическую помощь, в том числе защиту прав русского меньшинства (например, Организация независимых экспертов в Латвии, Ассоциация граждан и не-граждан, Латвийский комитет, Ассоциация ветеранов и участников Ленинградской блокады и т.д.), организации, собирающие противников латвийской образовательной политики (Ассоциация поддержки русского языка в Латвии, Русский клуб, Союз русских в Латвии, Ассоциация русских в Латвии).

Большинство неправительственных организаций, объединяющих этнические меньшинства в Латвии, были небольшими и имели ограниченные финансовые ресурсы. Консолидация структур такого типа, одобренная российскими властями, смогла это исправить. Так были созданы Объединенный конгресс русских общин Латвии и Союз граждан России в Латвии и др. (Muižnieks, 2006).

Федеральные власти проводят широкомасштабную акцию, чтобы помочь русскоязычным людям, проживающим в Балтийском регионе. Различные типы организаций занимаются этим, в том числе «Русский Мир», Фонд защиты прав русских за рубежом, организация «Мир без нацизма» с местными отделениями в отдельных странах Балтии. Чрезвычайно важную роль в этом аспекте политики России также играет Россотрудничество.

Реальное влияние оппозиционных групп и пророссийских неправительственных организаций на этническую политику государства в настоящее время невелико. Латвия изменила большинство противоречивых норм, регулирующих статус меньшинств в соответствии с руководящими принципами ОБСЕ и ЕС во второй половине 1990-х гг. Сложилось несколько принципиальных позиций и политических сил, по-разному трактующих этническую политику современной Латвии.

Гражданство и равенство

Политика Латвийской Республики в отношении русскоязычного населения регулируется рядом норм, подробно определяющих компетенцию отдельных государственных учреждений. Одно из ключевых мест в этой системе принадлежит Закону о гражданстве от 22 июля 1994 г.

Отправной точкой современной этнической политики в Латвии стало отрицание соответствия международному праву советизации Балтии в 1940 г. и, таким образом, отношение к Латвийской ССР как к нелегитимному образованию. С этой точки зрения, межвоенная Латвийская Республика *de iure* не прекращала своего существования, и все правовые нормы, вместе с Конституцией 1922 г., оставались юридически значимыми. В соответствии с этой аргументацией 5 мая 1990 г. довоенная Конституция была частично восстановлена.

15 октября 1991 г. Закон о гражданстве Латвии (впервые принятый 19 августа 1919 г.) предоставил гражданство с учетом принципа *ius sanguinis*: только гражданам межвоенной Латвии и их потомкам. Новые правовые нормы отказали в гражданстве более 700 тыс. чел. Русские, украинцы, белорусы в общей сложности составляют около 30% всего населения, проживающего в стране. В официальных документах они упоминались как «бывшие граждане СССР, которые не являются гражданами Латвии или

какой-либо другой страны». В 1993 г. на основе новых правил были организованы парламентские выборы, на которых победили правоцентристы. С этого момента можно говорить о складывании этнократического образа современной латвийской политики. У так называемых не-граждан не было пассивного или активного избирательного права, возникли сложности в свободном использовании недвижимости, они были лишены прав на некоторые социальные льготы и им было запрещено занимать определенные должности на государственной службе и на государственных предприятиях. Всё это — свидетельства этнической дискриминации и сегрегации.

Основные гражданские права не-гражданами были получены только на основании Закона от 12 апреля 1995 г. В новые правила были включены представители русскоязычного населения, проживавшие в Латвии до 1 июля 1991 г. Им были гарантированы среди прочего: свободный выбор места жительства, право выезда и возвращения из-за границы, а также некоторые социальные льготы. Они также получили соответствующие документы, подтверждающие их статус. Благодаря этим изменениям они пользуются чуть более широкой защитой, чем лица без гражданства, статус которых определяется Конвенцией ООН 1954 г.

Единственным способом получить гражданство остается натурализация. Лица, подпадающие под эту процедуру, должны выполнить ряд условий, включая ценз постоянного проживания и свободное владение латышским языком, знание истории и культуры. Дополнительным затруднением долгое время были квоты натурализации (King, 2012). Закон от 22 июля 1994 г. несколько изменил Правила натурализации: теперь необходимо пять, а не шесть лет проживания, хорошее знание латышского языка, базовые знания конституции, гимна и истории Латвии, фиксированный доход, присяга Латвии и отказ от предыдущего гражданства. Стоит подчеркнуть, что, как и прежде, не каждый может претендовать на гражданство, хотя после протестов президента и международных организаций количественные ограничения были отменены, но вместо них были введены так называемые окна натурализации: на гражданство могут претендовать только люди определенного возраста, начиная с самых пожилых.

Переговоры о вступлении в Европейский союз повлияли на гибкость позиций правоцентристов. 22 июня 1998 г. была принята поправка, отменяющая систему «окон натурализации» и обязующая натурализовать детей-сирот и детей неизвестного происхождения, лиц, которые закончили обучение в Латвии, и детей без гражданства, родившихся до 21 августа 1991 г., если хотя бы один из родителей выразил такое желание. Некоторые латвийские парламентарии выступили против изменений. Правоцентристские партии не желали идти на дальнейшие уступки. Надолго вопросы гражданства были выведены за пределы общественной дискуссии.

Значительные поправки в Закон о гражданстве были внесены 9 мая 2013 г. С тех пор двойное гражданство было предоставлено лицам с паспортами стран ЕС, НАТО, Австралии, Новой Зеландии, Бразилии и стран, которые подписали соответствующие соглашения с Латвией. С Российской Федерацией такое соглашение не было подписано. Каталог ограничений в процедуре натурализации был уточнен и расширен. Натурализация оказалась недоступной для людей, подвергающих сомнению независимость Латвии, бывших офицеров советских служб безопасности, людей, пропагандирующих фашизм, шовинизм, коммунизм и служащих в военных структурах других стран без надлежащего согласия со стороны Латвии (Citizenship Law, 2015). Эти, по сути, чисто политические ограничения, хотя и понятные с точки зрения национальной безопасности, предоставляют широкие возможности для манипулирования правом.

Натурализация

Власти Латвии пытались стереть социальные различия между русскоязычным и латышскоязычным населением, способствуя натурализации, которая является одним из ключевых элементов процесса социальной интеграции. Координация этих действий легла на плечи Управления натурализации, созданного решением Совета министров от 18 октября 1994 г. С 2001 г. этот институт поддерживается Фондом социальной интеграции, который контролирует процесс перераспределения средств на интеграционные инициативы. Важно отметить, что он имеет как государственные, так и частные ресурсы, в том числе полученные из-за рубежа. В определённом смысле либерализация процесса натурализации знаменует переход от политики сегрегации к политике интеграции.

Однако начало было не очень обнадеживающим. До ноября 1998 г. было подано менее 14 000 заявлений на получение гражданства. Вероятно, проблема заключалась в относительно высоких затратах на процедуру и недостатке знаний о ней. Кроме того, некоторые молодые жители откладывали решение о натурализации, потому что люди, не имеющие латвийского гражданства, были освобождены от военной службы. Они также могут пересекать границу с Российской Федерацией без виз. Часть русскоязычного населения, особенно пожилые люди, практически не знали латышского языка и не могли сдать государственный экзамен, а из-за сложной финансовой ситуации они не могли позволить себе оплатить языковой курс. Ещё одна группа просто не видела необходимости обращаться за гражданством.

Незначительный прогресс в деле натурализации побудил латвийские власти изменить процедуру. В 2001 г. её стоимость была значительно снижена для самых бедных людей. Кроме того, ученики, которые сдали государственный экзамен по латышскому языку в средних школах, были освобождены от обязанности сдавать языковой экзамен. Также были организованы бесплатные языковые курсы для людей, заинтересованных в гражданстве Латвии.

Либерализация процедуры натурализации и членство Латвии в Европейском союзе повысили интерес к латвийскому гражданству — латвийский паспорт значительно облегчает поездки в Европу и Северную Америку (граждане Латвии и Эстонии могут путешествовать в США без виз с 2008 г.) и позволяет им устроиться на работу в странах Европейского союза. Так, в 2004 г. 21 297 чел. подали заявления на натурализацию, а в 2005 г. — 19 807 чел., но уже к 2017 г. — только 915, а в 2018 г. — 930. По данным Управления натурализации, до 2014 г. гражданство Латвии получило более 142 тыс. жителей (Волков, 2013). В то же время число лиц без гражданства резко сократилось: с более чем 700 000 в первой половине 1990-х гг. до 214 тыс. в 2018 г. Такое резкое сокращение русскоязычного населения в Латвии является, среди прочего, результатом негативных демографических тенденций. По прогнозам к середине века, если ничего не менять в процедуре натурализации и учитывая миграционные и демографические тренды, то в стране по-прежнему будет не менее 34 тыс. не-граждан. При этом растёт число граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Латвии или имеющих вид на жительство в этой стране, полученное на основе инвестиционных проектов, которые не требуют ни знания латышского языка, ни основ латвийского права, ни уважения к независимости Латвии.

Языковая политика

Другим элементом новой латвийской этнической политики стал языковой закон, ухудшивший положение русскоязычного населения. Стоит отметить, что для большей части советского периода единственным государственным языком в Латвии был русский. Латвийский язык приобрел статус второго государственного языка только на основании постановления Верховного Совета ЛатССР в 1988 г. Через год (5 мая 1989 г.) были введены положения, лишающие русский язык статуса государственного языка. В 1992 г. власти создали Центр государственного языка и Государственную инспекцию по языку. Согласно новым правилам, все сотрудники государственных учреждений и предприятий, образовательных учреждений и общественных организаций должны были владеть латышским языком на уровне, позволяющем им выполнять свои обязанности. Кроме того, официальные документы и корреспонденция могут быть подготовлены только на государственном языке.

Эти положения действовали до 1999 г., когда был принят новый закон о государственном языке, в котором подробно говорилось о защите латышского языка, а также ливского языка, используемого небольшой этнической группой ливов и языка латгальцев, признанного историческим вариантом латышского языка.

Российские власти и пророссийские неправительственные организации требовали внесения изменений в эти правила в течение двадцати пяти лет. В 2011 г. необходимые 10% подписей лиц, имеющих право голоса, были успешно собраны и в следующем году был организован референдум о предоставлении статуса государственного языка русскому языку. Несмотря на большую мобилизацию пророссийских сторонников, только 24,88% избирателей поддержали эту идею (CVK, 2012).

Образование и идентичность

Проблема функционирования русского языка в публичной сфере связана с вопросом реформирования системы образования. После восстановления независимости латыши опасались, что существующая параллельная система образования меньшинств может усилить пророссийскую ориентацию и препятствовать изучению государственного языка. Первые шаги по минимизации этой угрозы ограничивались изменением учебной программы в школах для меньшинств. В 1995 г. было введено обязательство изучать определенное количество предметов на латышском языке (в начальной школе — два, в средней школе — три). Новые правила вступили в силу с 1996–1997 учебного года.

В 1998 г. был принят Закон об образовании, который с 1999 г. вводил постепенно двуязычную модель обучения. С 2004 г. все школы для меньшинств должны были проводить как минимум 60% занятий на латышском языке и переходить на латышскую систему оценки знаний. С 2007 г. школьные экзамены готовятся исключительно на латышском языке (Malmlöf, 2006, 54). В 2018 г. были приняты поправки к законам об образовании и о всеобщем образовании. К 2022 г. дошкольное обучение и преподавание в начальных классах (с 1-го по 6-й) будет осуществляться по трем моделям (при этом половина предметов преподается на латышском языке), на завершающем этапе основного образования (7–9-й классы) 80% предметов будут преподаваться на латышском, в средней школе (10–12-й классы) обучение будет вестись исключительно на нем.

Эти изменения являются частью обширной Национальной интеграционной программы (она вступила в силу в 2001 г.), официальная цель которой — позволить русскоязычной молодежи постепенно освоить государственную систему образова-

ния, облегчая изучение латышского языка. Её долгосрочной целью является увеличение числа людей, говорящих на государственном языке, идентифицирующих себя с латвийским государством (Priedīte, 2005).

Русско-латвийские споры о статусе русскоязычного населения в Латвии связаны с проблемой сосуществования на постсоветском пространстве двух принципиально разных моделей политики памяти: модели десоветизации и неоимперской модели. Обе модели основаны на мифологизации советского прошлого — с одной стороны, «ужасного», с другой стороны — «прекрасного».

Заключение

С момента провозглашения независимости латвийские власти сознательно проводят политику десоветизации, которая является одним из ключевых элементов утверждения суверенитета и государственной идентичности. Косвенно эти действия также оправдывают дискриминационную этническую политику Латвийской Республики. Деление на сторонников и противников десоветизации совпадает более или менее с этническим разделением: его сторонники в основном говорят по-латышски, противники — русскоязычное население. В общественном дискурсе формируются стереотипные изображения противника: латыши изображаются как радикальные националисты и даже фашисты и русскоязычное население — как советские оккупанты (Zelče, 2009).

Поляризация латвийского общества отчетливо видна во время празднования Дня памяти латышского легиона Ваффен-СС (16 марта). Марши ветеранов и им сочувствующих вызывают волну протеста со стороны русскоязычного сообщества и еврейской общины. Иногда происходят жестокие столкновения. Власти же занимают позицию молчаливого потворствования неонацистам. Аналогичная напряженность сопровождает День Победы (9 мая), который из праздника ветеранов превратился в политическую манифестацию русскоязычного актива. Представители русскоязычного населения неоднократно подчеркивали, что Латвия обязана своим освобождением от нацистской оккупации Советской армии, а советский период был временем расцвета местной промышленности и экономического процветания. По этой причине дискриминационная этническая политика Латвии является неоправданной и несправедливой.

Этническая политика в долгосрочной перспективе направлена на формирование новой идентичности русских в Латвии — «евро-россиян» или «латвийцев» вообще. Вместе с тем такая политика не имеет ничего общего с формированием целостной гражданской нации в Латвии, которая до сих пор остается двухобщинным социумом — прямым следствием сегрегации начала 1990-х гг. Несмотря на небольшие сдвиги, политика эмиграции, натурализации и интеграции очень медленно приближает к ожидаемым результатам и, как следствие, слабо стимулирует растущую группу представителей молодого поколения русскоязычного населения участвовать в социальной, экономической и политической жизни страны. Нет никаких признаков того, что эта тенденция изменится в ближайшие годы.

Библиографический список

- Блейере, Д. (ред.). (2005). *История Латвии. XX век*. Рига: Юмава.
- Волков, В. В. (2013). Демография русского населения Латвии в XX–XXI веках. В В. В. Полещук, В. В. Степанов (ред.) *Этническая политика в странах Балтии*. М.: Наука

- Грибанова, Г. И., Косов, Ю. В. (2018). Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты. *Балтийский регион*, 10(1), 56–72
- Затулин, К. Ф. (ред.). (2014). *Сравнительный анализ правового положения соотечественников, проживающих в постсоветских странах*. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ).
- Ланко, Д. А., Тарасов, И. Н., Швец, Я. В. (2016). Активность агентов «мягкой силы» Германии в Эстонии: анализ организационных факторов. *Власть*, 24(12), 223–231.
- Оленченко, В. А., Межевич, Н. М. (2018). Прибалтийские исследования в 2017 году. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Естественные и медицинские науки*, 3, 5–13.
- Смирнов, В. А. (2016). Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России. *Современная Европа*, 21(5), 56–61.
- Тарасов, И. Н. (2008). Конструирование новой «Восточной политики» Европейского союза. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, 2, 18–30.
- Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука.
- Baltruksa, S., Indāns, I., Krūma, K. (2009). *Enacting Non-citizenship in Latvia: Challenges to National and European Frameworks*. Brussels: ENACT Consortium.
- Citizenship Law (2015). Retrieved from http://www.vvc.gov.lv/export/sites/default/docs/LRTA/Likumum/Citizenship_Law.doc
2012. gada 18. februāra tautas nobalsošana par likumprojekta “Grozījumi Latvijas Republikas Satversmē” pieņemšanu Rezultāti (2012). CVK. Retrieved from <http://www.tn2012.cvk.lv/report-results.html>
- Esman, M. (1994). *Ethnic politics*. Retrieved from <http://www.questia.com/read/103734301/ethnic-politics>
- Hutchinson, J. (2009). Warfare and the Sacralisation of Nations: The Meanings, Rituals and Politics of National Remembrance. *Millennium Journal of International Studies*, 38(2), 401–417. DOI: <https://doi.org/10.1177/0305829809347538>
- Jansons, A. (2003). Ethnopolitics in Latvia: Ethnopolitical Activities of State Institutions and Non-governmental Organisations and their Influence on the Social Integration Process. *Ethnicity Studies*, 1, 124–133.
- Kamusella, T. (2001). Language as an instrument of national-ism in Central Europe. *Nations and nationalism*, 7(2), 235–251.
- King, V. O. (2012). Latvia's Unique Path toward Independence: The Challenges Associated with the Transition from a Soviet Republic to an Independent State. *International Social Science Review*, 87(3/4), 127–154.
- Mamlöf, T. (2006). *The Russian Populations of Latvia — Puppets of Moscow?* Stockholm: FOI — Swedish Defence Research Agency.
- Mellor, R. (1989). *Nation, State, and Territory: A Political Geography*. London: Routledge.
- Muižnieks, N. (Ed.) (2006). *Russian Foreign Policy towards „Compatriots” in Latvia. Latvian-Russian Relations. Domestic and International Dimensions*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Priedīte, A. (2005). Surveying Language Attitudes and Practices in Latvia. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 5, 409–424.
- Schopflin, G. (1995). *Nationalism and Ethnicity in Europe, East and West. Nationalism and Nationalities in the New Europe*. NY: Cornell University Press.
- Smith, A. D. (2009). *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. NY: Routledge.
- Smooha, S. (2001). The Model of Ethnic Democracy. *ECMI Working Paper # 13*. Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/8e61/c03955b467b6946ffc56f4453b014b150aa8.pdf>

Zelče, V. (2009). History – Responsibility – Memory: Latvia's Case. In J. Rozenvalds, I. Ijabs (Eds.) *Latvia Human Development Report 2008/2009. Accountability and Responsibility*. Riga: Advanced Social and Political Research Institute.

Статья поступила в редакцию 08.05.2019

Статья принята к публикации 28.05.2019

Для цитирования: Тарасов И.Н. Инструменты этнической политики в Латвии. — Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 2. С. 34-44.

INSTRUMENTS OF ETHNIC POLICY IN LATVIA

I. N. Tarasov

I'ia N. Tarasov, Baltic Federal University named after E. Kant, 56, Chernyshevskii Str., Kaliningrad 236022, Russia. E-mail: Itarasov@kantiana.ru. ORCID 0000-0001-7698-709X

Abstract. Ethnic policy in Latvia has a complicated history. It was shaping itself during the restoration period of Latvia's independence and through fierce struggle of political forces that understood the country's future in radically different ways. The victory of the center-right politicians in the middle of the 1990s secured the ethnocratic nature of Latvian policy that was based on de-sovietization of the Baltics. The leftists were busy accumulating social and economic interests of the Russian-speaking population that was excluded from political life. It became clear that by the end of the XX century the policy of segregation had failed ipso facto securing the bi-community of Latvian society. The attempt to move on to the policy of integration met with the opposition of the ultra-rights, thus causing the polarization of the society. Attempt at naturalization has brought down the acuity of the problem of non-citizenship to some extent; at the same time, EU accession resulted in the fall of the Russian-speaking population interest in their fight for Latvian citizenship. Immigrants from Latvia, irrespective of the color of their passport, found themselves in the comparable living and working conditions inside the EU. It is important to emphasize that while in its legal part the ethnic policy of Latvia moved away from segregation tactics in favor of integration, there occurred the substitution of integration for experiments in assimilation in language and educational policy. The ethnic policy of Latvia reached a deadlock, now that the politicians are not able to carry out reforms, even though they are aware of negative demographic and migration trends, while ethno-linguistic communities can hardly formulate the requirements to avoid threatening the statehood of Latvia.

Keywords: Latvia, ethnic policy, national minorities, Russian-speaking population, identity.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-34-44

References

- Bleiere, D. (Ed.). (2005). *Istoriia Latvii. XX vek* [The History of Latvia. XX century]. Riga: Iumava.
- Volkov, V. V. (2013). Demografiia russkogo naseleniia Latvii v XX–XXI vekakh [Demography of Latvia's Russian Population in the XX–XXI centuries]. In V. V. Poleshchuk, V. V. Stepanov (Eds.) *Etnicheskaia politika v stranakh Baltii* [Ethnic Policy in the Baltic Countries]. M.: Nauka.
- Gribanova, G. I., Kosov, Yu. V. (2018). Politika NATO na Baltike – tseli i priority [NATO Policies in the Baltics: Objectives and Priorities]. *Baltiiskii region* [Baltic Region], 10(1), 56–72.
- Zatulin, K. F. (Ed.). (2014). *Sravnitel'nyi analiz pravovogo polozheniia sootchestvennikov, prozhivaiushchikh v postsovetskikh stranakh* [Comparative Analysis of the Legal Status of Compatriots in Post-Soviet Countries]. M.: Institut diaspory i integratsii (Institut stran SNG).
- Lanko, D. A., Tarasov, I. N., Shvets, Ya. V. (2016). Aktivnost' agentov "myagkoi sily" Germanii v Estonii: analiz organizatsionnykh faktorov [The Active Agents of Soft Power of Germany in Estonia: Analysis of Organizational Factors]. *Vlast'* [The Power], 24(12), 223–231.
- Olenchenko, V. A., Mezhevich, N. M. (2018). Pribaltiiskie issledovaniya v 2017 godu [Baltic Studies in 2017]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], 3, 5–13.
- Smirnov, V. A. (2016). Vneshnyaya politika stran Pribaltiki v otnoshenii Rossii [The Role of the Baltic States in the Policy of EU Sanctions against Russia: Theoretical Aspects]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 21(5), 56–61.

- Tarasov, I. N. (2008). Konstruowanie nowej "Wostochnoi politiki" Europejskiego sojuza [Constructing a new "Eastern Policy" of the European Union]. *Politiya* [Politeia], 2, 18–30.
- Tishkov, V. A. (2003). *Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Research on Socio-Cultural Anthropology]. M.: Nauka.
- Baltruksa, S., Indāns, I., Krūma, K. (2009). *Enacting Non-citizenship in Latvia: Challenges to National and European Frameworks*. Brussels: ENACT Consortium.
- Citizenship Law (2015). Retrieved from http://www.vvc.gov.lv/export/sites/default/docs/LRTA/Likumi/Citizenship_Law.doc
2012. gada 18. februāra tautas nobalsošana par likumprojekta "Grozījumi Latvijas Republikas Satversmē" pieņemšanu Rezultāti (2012). CVK. Retrieved from <http://www.tn2012.cvk.lv/report-results.html>
- Esman, M. (1994). *Ethnic politics*. Retrieved from <http://www.questia.com/read/103734301/ethnic-politics>
- Hutchinson, J. (2009). Warfare and the Sacralisation of Nations: The Meanings, Rituals and Politics of National Remembrance. *Millennium Journal of International Studies*, 38(2), 401–417. DOI: <https://doi.org/10.1177/0305829809347538>
- Jansons, A. (2003). Ethnopolitics in Latvia: Ethnopolitical Activities of State Institutions and Non-governmental Organisations and their Influence on the Social Integration Process. *Ethnicity Studies*, 1, 124–133.
- Kamusella, T. (2001). Language as an instrument of national-ism in Central Europe. *Nations and nationalism*, 7(2), 235–251.
- King, V. O. (2012). Latvia's Unique Path toward Independence: The Challenges Associated with the Transition from a Soviet Republic to an Independent State. *International Social Science Review*, 87(3/4), 127–154.
- Malmlöf, T. (2006). *The Russian Populations of Latvia – Puppets of Moscow?* Stockholm: FOI – Swedish Defence Research Agency.
- Mellor, R. (1989). *Nation, State, and Territory: A Political Geography*. London: Routledge.
- Muižnieks, N. (Ed.) (2006). Russian Foreign Policy towards „Compatriots” in Latvia. *Latvian-Russian Relations. Domestic and International Dimensions*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Priedīte, A. (2005). Surveying Language Attitudes and Practices in Latvia. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 5, 409–424.
- Schopflin, G. (1995). *Nationalism and Ethnicity in Europe, East and West. Nationalism and Nationalities in the New Europe*. NY: Cornell University Press.
- Smith, A. D. (2009). *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. NY: Routledge.
- Smooha, S. (2001). The Model of Ethnic Democracy. *ECMI Working Paper # 13*. Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/8e61/c03955b467b6946ffc56f4453b014b150aa8.pdf>
- Zelče, V. (2009). History – Responsibility – Memory: Latvia's Case. In J. Rozenvalds, I. Ijabs (Eds.) *Latvia Human Development Report 2008/2009. Accountability and Responsibility*. Riga: Advanced Social and Political Research Institute.

Received 08.05.2019

Accepted 28.05.2019

For citation: Tarasov A.N. Instruments of Ethnic Policy in Latvia. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 34–44.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕАКЦИЯ ВЛАСТИ¹

А. В. Соколов

Соколов Александр Владимирович, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150000, Россия.

E-mail: alex8119@mail.ru. ORCID 0000-0002-7325-8374

Аннотация. Активизация коллективных действий граждан является тенденцией, охватывающей различные части мира. Россия в данном случае не исключение. Развитию коллективных действий также способствует развитие Интернета, облегчающего коммуникацию граждан, координацию их совместных действий. С целью анализа организации и особенностей осуществления коллективных действий в современной России приводятся результаты авторского исследования — серии опросов экспертов в субъектах Российской Федерации. В 2014 г. в исследование был включен 21 регион, в 2015-м — 14, в 2017-м — 16. Результаты исследования позволили выявить, что наибольшую активность в общественно-политической жизни регионов проявляют коалиции общественных объединений. Однако они объединяют не более двух-трех партнеров. При этом наиболее важным принципом функционирования кооперации общественных организаций и гражданских активистов являются «общий интерес/цель к причине гражданской активности», «добровольный характер участия» и «открытость, развитие системы внешних связей». Исследование позволило установить активизацию коллективных действий в Интернете, однако ее результативность снижается. При этом рост протестной активности в регионах все больше дестабилизирует общественно-политическую жизнь. Отдельное внимание уделено анализу реакции власти на коллективные действия в современной России. Отмечается, что в последнее время в России возрастает роль государства в сфере регулирования интернет-среды. При этом указывается, что оно не оказало серьезного влияния на содержание коллективных действий граждан. Региональные, а также федеральные органы государственной власти отслеживают мероприятия и акции гражданских активистов, инициативных групп. Однако государство к активности граждан в сети Интернет относится более снисходительно, нежели к офлайн гражданской активности, поэтому реже реагирует на общественные акции и инициативы в сети Интернет. На различные формы офлайн непротестных коллективных действий органы власти различных субъектов реагируют по-разному. Но чаще они либо «незначительно поддерживают их», либо «активно поддерживают, видя позитивные результаты работы», либо «опасаются и оказывают минимальное содействие им», либо противодействуют им.

Ключевые слова: коллективные действия, протест, Интернет, социальные сети, власть, коммуникация.

Введение

Массовые коллективные действия охватили весь мир, их примеры можно найти в различных частях света. Организованные коллективные действия организуются под различными требованиями и манифестами. Это движение Indignados («Возмущенные») в Испании, движения Оккупай в разных странах, «Арабская весна», «цветные» революции и др. Они представляют собой хорошо организованные коллективные действия больших человеческих масс. В них хорошо проявляются генерация информационных сигналов и информационного контента, координация деятельности различных групп и их интеграция для достижения общей цели (Della Porta D., 2014).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-03-00132-ОГН «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России».

Обобщая существующие подходы к пониманию коллективных действий, можно согласиться с подходом Л. Мелдины, которая под коллективными действиями в современной литературе понимает совокупность действий, представляющих собой определенную систему организованных индивидуумов, входящих в определенной степени организованные группы (Medina, 2007). Для достижения своих целей индивидуумы формируют механизмы координации действий, набор инструментов действий, символических практик (McAdam, McCarthy, Zald, 1996). Репертуар действий включает сидячие забастовки, бойкоты, уличные демонстрации, поджоги, рассылки петиций по электронной почте, взлом веб-сайтов, обмен новостями через социальные медиа (Earl, Kimport, 2011). Данные действия направлены на трансформацию социального пространства, с которым не согласны участвующие индивидуумы.

В российской научной среде под влиянием западных теорий социальных движений и коллективных действий сложилось понимание протеста как формы коллективных действий, в основе которого лежит активистско-деятельностный принцип. Политический протест — «коллективное действие солидарных рациональных акторов, ориентированных на введение новых центров власти либо замещение прежних, изменение соотношения политических сил и механизмов дистрибуции ресурсов в соответствии с собственными запросами и ценностями» (Пустошинская, 2014). Политический протест здесь воспринимается как неотъемлемый элемент демократической общественно-политической системы.

Этот подход стал альтернативой традиционному для российской науки бихевиористскому восприятию протеста в категориях «стимул — реакция». В словаре-справочнике под редакцией А. Пугачева политический протест определен как «негативная реакция субъектов политики на принимаемые властью решения, сложившийся политический порядок, действия противников и оппонентов» (Куприяшин и др., 1996). Е.Н. Максимова трактует политический протест как негативную реакцию или поведение социальных субъектов в ответ на сложившуюся в обществе политическую ситуацию или на действия государственной власти. Как показывает практика общественной жизни, вербально-эмоциональный уровень политического протеста не нарушает стабильность функционирования политической системы, в то время как инструментальный уровень протеста оказывается дестабилизирующим для общественного развития (Максимова, 2013).

Современное представление о протестах основано на признании того факта, что граждане являются не только объектом воздействия государственной власти, но и сами, объединяясь ради общих целей, представляют собой творческий субъект, который создает и изменяет социально-политическую реальность. Протест предстает как форма целенаправленной активности социальных субъектов (граждан и их объединений). Действительно, социальный протест — это специфическая форма социального (а значит, коллективного) действия субъектов общественной жизни, направленная на изменение процессов, явлений и отношений, которые оцениваются ими как неприемлемые.

Г. Брэди, С. Верба и К. Шлоzman утверждают, что существует положительная связь между способностью индивидуума влиять на политические процессы и использованием цифровых технологий (Brady, Verba, Schlozman, 1995). Социальные сети облегчили поиск и распространение информации и поэтому снизили затраты на доступ к ней и политическому участию. Они предоставили возможность не только

поиска информации, но и ее комментирования, обсуждения в удобных для них месте и времени. Пользователи могут примкнуть к социальным движениям без непосредственного участия в митингах и иных мероприятиях. В результате цифровые технологии снижают издержки и создают значительный потенциал для демократизации политического участия.

П. Маккарди подчеркивает важность для достижения успеха коллективного действия распространения информации о данных действиях в СМИ и Интернете (McCurdy, 2012). Именно так формируется альтернативное информационное пространство, позволяющее актуализировать проблему и мобилизовать сторонников.

Социальные медиа также используются для высказывания своей точки зрения. Данная политическая активность предполагает большую включенность, высокую активность в сборе и обработке информации, глубину мышления (Cho, Shah, McLeod, McLeod, Scholl, Gotlieb, 2009). При этом активное высказывание различных точек зрения в социальных медиа может способствовать развитию коллективных действий и протестной активности. Это связано с тем, что высказывание мнения связано не только с обменом информацией, но и ее толкованием. Таким образом, выражение мнений в социальных медиа способствует формированию политических дискуссий, которые облегчают политическое просвещение и мотивируют людей на политическую активность.

Постоянная коммуникация и формирующийся опыт взаимодействия позволяют формировать в социальных сетях коллективную идентичность, которая понимается как чувство привязанности группе, которая предпринимает коллективные действия по общему актуальному вопросу (van Stekelenburg, Klandermans, 2010). При этом существуют различные точки зрения на роль коллективной идентичности. Одни считают, что она связана с социализацией в организационной среде, в которой интернет-инструменты лишь дополняют ее (Diani, 2000). Другие предполагают, что идентичность формируется лишь в пределах листа контактов используемых интернет-инструментов (Kavada, 2009).

Ранее, до развития социальных сетей и онлайн-коммуникации, такая идентичность формировалась только посредством членства в группе. Сейчас же большее значение приобретает коллективная деятельность и коммуникация. Коллективные идентичности существенно содействуют организации коллективных действий посредством противопоставления «своих» и «чужих» (Friedman, McAdam, 1992). Они также позволяют выстраивать отношения с теми, с кем не знакомы в обычной жизни.

Благодаря формам коммуникации, преимущественно посредством Интернета, граждане, желающие участвовать в общественной жизни города, региона, находят контакты и возможности для реализации активной гражданской позиции. Интернет-инструменты сделали процесс включения населения в жизнь общества быстрым и простым.

Бурное развитие и применение современных информационных технологий — основной тренд мирового развития последних лет. Основная роль в этом процессе принадлежит сети Интернет, которая эволюционировала из способа обмена информацией в особое коммуникативное пространство. О.Г. Филатова выделяет ключевые особенности Интернета: мультимедиа, персонализацию, интерактивность, отсутствие посредников (Филатова, 2000).

Обобщая различные подходы, можно говорить о том, что Интернет и информационно-коммуникативные технологии позволяют:

- получить доступ к альтернативным источникам информации (Horrigan, Garrett, Resnick, 2004);
- создать условия для открытых дискуссий (Boulianne, 2009);
- вовлечь молодежь в общественно-политическую деятельность (Palfrey, Gasser, 2008);
- обеспечить обратную связь с деятельностью органов власти (Curran, 2005).

К. Уэллс указывал три факта использования интернет-технологий в коллективном действии:

- 1) они значительно помогают участникам в формировании и координации коллективных действий;
- 2) представляют собой элемент организационной структуры субъекта коллективного действия;
- 3) реализуют пределы неиерархической и неинституциональной мобилизации.

Таким образом, справедливым будет следующее утверждение: во-первых, Интернет является новой формой коммуникаций и обмена информацией, основанной на сетевом принципе и практической равнозначности субъектов коммуникаций; во-вторых, он выступает движущей силой развития социальных сетей и горизонтальных связей, а также их перехода на качественно новый уровень, тем самым содействуя формированию и становлению гражданского общества.

Развитие интернет-технологий на фоне кризиса традиционных политических институтов приводит к тому, что граждане (в первую очередь молодежь) все больше переориентируются на новые каналы коммуникации и формы активности, которые, как отмечают Джо Кейн и Кэти Коэн, нельзя не принимать во внимание (Cohen, Kahne, 2012).

Информационно-коммуникативная среда Интернета обеспечивает возможность прорыва информационной блокады со стороны СМИ и альтернативу властным медиа. Обобщая сказанное, подчеркнем: в интернет-пространстве зарождается платформа, объединяющая людей для действий, которые нуждаются в координации.

Пространство интернет-коммуникаций активно используется не только обычными пользователями сети, но и различными политическими акторами всех уровней, в том числе в процессе организации и осуществления протестной активности. Интернет стал альтернативной средой для проведения политических кампаний, бросая вызовы традиционным способам проявления политической активности.

Таким образом, Интернет все чаще используются в протестных кампаниях (для организации коммуникации, освещения и опубличивания).

К. Ширки утверждает, что Интернет изменил политику и политическую деятельность индивидуумов посредством существенного облегчения поиска и мобилизации сторонников (Shirky, 2008). Однако активистам все так же сложно организовать и действовать в направлении формулирования и реализации политики. Протестующие могут предопределить смену власти, однако, как показывает случай Египта, потом они оттесняются другими силами (вначале братьями-мусульманами, а затем военными).

З. Тафочи объясняет это так: раньше, чтобы собрать значительные массы сторонников и вывести их на улицу, требовалась значительная предварительная подготовка (Tufekfi, 2014), иногда она могла растянуться на годы. Зато в результате организаторы получали значительный практический опыт, в том числе и организаторской работы, формирования коалиций. Современные же массовые движения посредством социальных сетей и других интернет-инструментов формируются

очень быстро. Это не дает возможности выявить наиболее сильных лидеров, сформировать у них необходимые навыки политической деятельности, которая должна стать следующим за митингом шагом.

Исходя из этого, оценить степень влияния протестной активности в Интернете на офлайн-политику можно как уже имеющую положительные результаты и тренд, обладающий огромным потенциалом развития при должном подкреплении. Например, онлайн-кампании часто требуют дополнительных действий для подтверждения/опровержения информации, распространенной через Интернет.

Можно сделать вывод, что Интернет играет роль вторичного фактора изменения политических процессов и институтов, формируя общественное мнение, на которое впоследствии вынуждены реагировать власти. При этом принципиально важен характер этой реакции — декларативный или реальный.

Методика исследования

С целью анализа организации и особенностей осуществления коллективных действий в современной России автором была проведена серия опросов экспертов в субъектах Российской Федерации. В 2014 г. в исследование был включен 21 регион, в 2015-м — 14, в 2017-м — 15 (см. таблицу).

Для проведения опроса экспертов ежегодно отбиралось не менее 14 субъектов Федерации. Репрезентативность выборки регионов обеспечивалась по следующим критериям отбора:

- географическое положение;
- экономическое развитие региона;
- политическая система субъекта Федерации;
- социальная и демографическая структура;
- этническая и религиозная структура региона;
- региональный политико-административный режим;
- территориальная принадлежность к определенному федеральному округу.

Реализация принципа гетерогенности при отборе регионов обеспечивала репрезентативность выборки, в которую входило более 14 субъектов Федерации.

Центральным критерием отбора экспертов была компетентность, предполагающая:

- информированность о протестной активности в регионе;
- знание основных механизмов функционирования политической системы региона;
- вхождение в ту или иную региональную политическую элитную группу;
- опыт работы в сфере публичной политики и/или в органах государственной власти и местного самоуправления;
- знание основных акторов регионального политического процесса;
- знание политической конъюнктуры региона.

Главным критерием включения в состав экспертов была осведомленность по изучаемой проблеме. Ресурсными группами выступили:

1) представители органов власти: сотрудники органов управления регионального уровня (исполнительных и законодательных), сотрудники государственных учреждений и организаций, сотрудники органов местного самоуправления и муниципальных учреждений и организаций;

2) представители общественно-политической элиты, не занимающие постов в органах власти: руководители региональных и местных отделений политических партий, руководители некоммерческих и общественных организаций, представители СМИ;

Распределение выборки исследования

Table 1. Distribution of Collective Actions on the Basis of the Research

Субъект Федерации	Год		
	2014	2015	2017
1. Алтайский край	12	–	–
2. Владимирская область	12	–	–
3. Вологодская область	11	–	–
4. Воронежская область	11	12	11
5. Иркутская область	14	11	10
6. Калининградская область	11	–	11
7. Кировская область	13	12	11
8. Костромская область	10	11	11
9. Краснодарский край	10	10	–
10. Нижегородская область	10	–	–
11. Новосибирская область	10	15	–
12. Республика Адыгея	11	11	12
13. Республика Башкортостан	10	11	10
14. Республика Дагестан	12	13	11
15. Республика Карелия	11	–	–
16. Республика Татарстан	10	10	10
17. Ростовская область	–	–	14
18. Самарская область	10	13	11
19. Саратовская область	12	14	14
20. Ставропольский край	–	–	10
21. Ульяновская область	10	10	10
22. Хабаровская область	10	–	–
23. Ярославская область	13	12	16
Итого	233	165	172

3) экспертное сообщество: представители профильных академических учреждений и не входящие в вышеуказанные структуры политические эксперты.

Все целевые группы были представлены относительно равномерно в каждой из выборок (как в каждом субъекте Федерации, так и в выборке в целом): представители органов власти (примерно 35% выборки), представители НКО и политических партий (примерно 30%), представители экспертного сообщества (примерно 35%).

Общее количество респондентов для опроса экспертов в каждом субъекте Российской Федерации составляло не менее 10 чел. Это позволяло получить репрезентативные данные о ситуации в регионе.

Необходимо отметить, что уровень компетентности напрямую зависит от степени вовлеченности экспертов в региональный политический процесс в том или ином статусе. Указанные статусные группы предполагают высокую вероятность

того, что эксперт в значительной мере вовлечен в политический процесс в субъекте Федерации.

Основная цель экспертного опроса в рамках проведенного исследования заключалась в выявлении наиболее существенных, важных аспектов коллективных действий благодаря использованию знаний и опыта экспертов.

При стандартном порядке проведения респондент самостоятельно заполнял вопросник (высланный по электронной почте). В исключительных случаях опрос проводился по телефону.

Для опроса экспертов использовалась полуформализованная анкета и заочный письменный сбор данных.

Для обработки применялся статистический анализ данных в программном продукте SPSS. Обработка проводилась методом независимых характеристик. Он позволял дать обобщенную оценку одного явления, информация о котором поступает от нескольких независимых экспертов. На первом этапе сопоставлялись разные мнения, на втором шла обработка с помощью математико-статистических процедур, на третьем формулировались выводы.

В ходе исследования эксперты оценили:

- степень развитости офлайн и онлайн гражданская активность в каждом регионе;
- значимость гражданской активности;
- факторы, способствующие росту эффективности гражданских кампаний по отстаиванию прав граждан в Вашем регионе;
- основные проблемы в развитии гражданской активности;
- активность различных форм гражданских объединений;
- особенности кооперации гражданских объединений в коллективных действиях;
- протестную активность и степень ее влияния на общественно-политическую ситуацию в регионе;
- влияние активизации государства на гражданскую активность в сфере регулирования интернет-среды;
- реакцию власти на коллективные действия.

В результате исследования были выявлены не только характеристики онлайн и офлайн коллективных действий в современной России, но и динамика изменения данных показателей, а также их особенности в различных субъектах Российской Федерации.

Коллективные действия в России

Наибольшую активность в общественно-политической жизни регионов проявляют коалиции общественных объединений. Как правило, они объединяют не более двух-трех партнеров (в среднем по стране). Однако данные за три последних года свидетельствуют об увеличении числа коалиций, объединяющих четырех и более участников (партнеров). Такие альянсы чаще складываются в онлайн-среде.

Наиболее важными принципами функционирования кооперации общественных организаций и гражданских активистов являются «общий интерес/цель к причине гражданской активности», «добровольный характер участия» и «открытость, развитие системы внешних связей». Первые два принципа входят в число основных на протяжении трех лет подряд, третий принцип вошел в тройку наиболее важных впервые.

Согласно данным экспертного опроса, в последние годы число граждан, так или иначе принимающих участие в различных формах коллективных действий

практически не изменилось (в 2015 г. — 5,94 балла, 2017 г. — 5,66 балла по шкале от 0 до 10 баллов, где «0» — отсутствие гражданской активности, «10» — масштабная гражданская активность).

Опираясь на ответы экспертов, можно констатировать: жители исследуемых субъектов Российской Федерации охотнее проявляют свою гражданскую позицию в сети Интернет, нежели в реальной жизни. Уровень активности коллективных действий в офлайне эксперты оценили в среднем в 4,90 балла, активность в онлайн на 5,66 балла. Однако такая картина прослеживается не во всех регионах России. Из числа включенных в исследование регионов, в Саратовской, Самарской, Ростовской, Воронежской, Иркутской областях, Республике Адыгея активность граждан, во-первых, в целом ниже среднего, а во-вторых, одинакова как в офлайн, так и в онлайн. Можно предположить, что проявление активности граждан в сети Интернет во многом сопряжена с проникновением Интернета в субъектах РФ. По данным Фонда «Общественное мнение», в Приволжском федеральном округе, Южном и Северо-Кавказском федеральных округах уровень проникновения Интернета несколько ниже, чем в среднем по России (65 и 69% соответственно).

Жители различных субъектов Российской Федерации участвуют в коллективных действиях в Интернете и в офлайн по-разному. Если на площадке Интернета они скорее ориентированы на обсуждение проблем на различных форумах, участие в опросах и благотворительных акциях (как правило, активность здесь заканчивается переводом денежных средств), то в реальной жизни люди предпочитают принимать участие в общественно-политической жизни посредством участия в выборах, работы в НКО, благотворительных мероприятиях. Отметим, что и в реальной жизни, и в сети граждане много сил отдают написанию различных обращений в органы власти.

Экспертный опрос позволил выделить несколько особенностей поведения онлайн и офлайн гражданских активистов в различных субъектах Российской Федерации. Прежде всего отметим одну важную особенность: в реальной жизни граждане имеют больше возможностей для проявления своей общественно-политической инициативности, нежели в сети Интернет. Этим обусловлены и полученные нами результаты.

1. Офлайн-активность в Ярославской области, как и в Самарской и Калининградской областях, тесно связана с работой некоммерческого сектора. В регионах со средним или ниже среднего уровня активности коллективных действий (в офлайн $\leq 4,9$ балла, в онлайн $\leq 5,6$ балла) лидирующую позицию в числе наиболее распространенных форм проявления общественной активности занимают выборы в органы власти. Это Республика Адыгея, Ярославская область, Республика Татарстан, Костромская область, Республика Башкортостан, Кировская область.

2. В сети Интернет особенно популярны такие формы активности, как общение и обсуждения на форумах общественно значимых проблем и благотворительные акции. Особенно часто данные формы коллективных действий используются в регионах со средней и низкой онлайн-активностью населения.

3. Обращения в органы власти как одна из форм коллективных действий, распространена в равной степени и в онлайн- и в офлайн- среде большинства субъектов РФ. Возможно, популярность данной формы связана с её низкой энергозатратностью. Исключение Ульяновская область, Кировская область, Республика Башкортостан, Иркутская область и Ставропольский край.

За 2015–2017 гг., судя по результатам экспертных интервью, значимость и влияние онлайн коллективных действий на результат деятельности инициативных групп

и граждан заметно снизились. Если в 2015 г. активность граждан в сети Интернет признавали действенной чуть более 40% экспертов, то в 2017 г. уже только 32%. В то же время доля участников опроса, заявляющих о малозначительном и незначительном влиянии онлайн-активистов на продвижение и реализацию тех или иных общественных инициатив, наоборот, возросла. Интересно, что эксперты, представляющие различные социально-профессиональные группы, по-разному смотрят на эффективность гражданской активности в сети Интернет. Как показал опрос, депутаты различных уровней, представители НКО, СМИ и ученые склонны верить в действенность или хотя бы малозначительное влияние активности граждан в сети Интернет на общественно-политическую жизнь. В органах власти, бизнесе и политических партиях редко кто видит силу или хоть какой-нибудь смысл в гражданской онлайн-активности.

В различных субъектах Российской Федерации роль коллективных действий в Интернете в процессе достижения целей инициативных групп и людей существенно различается. К примеру, 57% экспертов от Ярославской области в ходе интервью говорили о реальной силе онлайн-активности, примерно столько же в Ульяновской и Иркутской областях. Большинство экспертов от Самарской области, Ставропольского края и других субъектов со средней и низкой общественно-политической активностью населения в Интернете данное мнение не разделяют.

В эффективность коллективных онлайн-действий заметно чаще остальных верят организаторы протестных и непротестных публичных офлайн- и онлайн-акций.

Большую роль в росте эффективности коллективных действий по отстаиванию прав граждан в регионах, согласно консолидированному мнению экспертов, играет поддержка со стороны СМИ, блогеров, интернет-сообщества, широкая поддержка со стороны населения или больших социальных групп и наличие яркого, деятельного лидера. Если говорить отдельно по регионам, то в Костромской области и Республике Башкортостан активистам не хватает материальных ресурсов. В Ярославской области и Республике Дагестан инициативным гражданам недостает широкой поддержки со стороны населения или больших социальных групп.

Основной проблемой развития коллективных действий граждан, по мнению большинства экспертов, является низкая инициативность и активность граждан, а также разобщенность институтов гражданского общества и гражданских активистов. Безусловно, процесс вовлечения граждан в общественно политическую жизнь в каждом регионе имеет свои особенности, однако основные трудности во всех регионах примерно одинаковы. Исключение — Ульяновская и Калининградская области, где основная проблема развития гражданской активности заключается в ограниченности ресурсов.

Как и три года назад, наибольшую активность сегодня демонстрируют официально зарегистрированные общественные объединения, а также формально незарегистрированные объединения граждан (например, локальные группы, общественные движения, интернет-сообщества и т.п.) и смешанные коалиции зарегистрированных и незарегистрированных объединений.

Данные мониторинга свидетельствуют о росте протестных настроений в субъектах Российской Федерации. В 2014 г. степень готовности к протестным действиям гражданских активистов была оценена экспертами в 2,44 балла, в 2015 г. — в 3,20 балла, в 2017 г. — уже в 4,67 балла (по шкале от 0 до 10, где «0» — отсутствие протестных действий, «10» — масштабная протестная активность). Можно предположить, что это произошло за счет появления и активного распространения среди

населения новой площадки выражения протестных настроений — сети Интернет. Исследование показало активизацию использования социальных сетей в процессе организации протестных акций.

Инициаторы протестных действий в процессе их организации стали в большей степени ориентироваться на интересы общества, нежели в 2014 г. (рост со значения $-0,03$ до $0,55$). Интересно, что именно в Ульяновской области, где наблюдается самый высокий уровень гражданской и протестной активности, организаторы наиболее внимательны к нуждам обычных людей при планировании своих акций.

Исследование позволило выявить закономерность: рост протестной активности в регионах все больше дестабилизирует общественно-политическую жизнь. Возможно, это связано с ростом противодействия власти различным проявлениям недовольства населения, прежде всего посредством создания административных барьеров на пути организации уличных акций. Исключение — Республика Татарстан. Здесь при среднем уровне протестной активности и ориентации органов власти на диалог с протестующими фиксируется стабилизация жизни региона.

Реакция государства на проявления офлайн- и онлайн- формы коллективных действий

В последнее время в России возрастает роль государства в сфере регулирования интернет-среды. В экспертной среде не сложилось единого и однозначного мнения относительно того, насколько и как этот факт влияет на динамику коллективных онлайн-действий. Большинство экспертов, представляющих Республику Башкортостан, Кировскую область, Ставропольский край, Республику Адыгея, Ростовскую и Воронежскую области, т.е. регионы с низкой общественно-политической значимостью гражданской активности в Интернете, уверены в отсутствии в их регионе влияния государства на развитие коллективных действий граждан в Интернете. Интересно, что такого мнения особенно часто придерживались участники опроса, которые не принимали участия в акциях гражданских активистов (здесь идет речь как о протестных, так и о непротестных акциях). Относительное большинство экспертов от Республики Татарстан, Саратовской области убеждены в замедлении темпов онлайн коллективных действий как по причине адаптации к новым условиям, так и по причине появления опасений среди интернет-активистов за последствия своих действий. Противоположной точки зрения, т.е. смотрят на действия государства в сфере регулирования Интернет-среды как на фактор стимулирующий рост активности коллективных онлайн-действий в регионе, придерживаются 25% экспертов. Это по большей части, эксперты от Ярославской, Костромской области и республики Дагестан.

Если говорить о влиянии государства в сфере регулирования интернет-среды на содержательную сторону коллективных онлайн- действий, то здесь все же сложилось относительно консолидированное экспертное мнение: большинство участников опроса (62%) не увидели качественных перемен, т.е. изменений в её наполняемости. И здесь чаще остальных такое мнение высказывали эксперты, не участвующие в акциях общественников. Около 15% опрошенных уверены, что вмешательство государства в регулирование интернет-пространства привело к росту лояльности в отношениях онлайн-активистов и власти. Каждый четвертый эксперт (23,3%), оценивая результаты вмешательства государственных органов власти в развитие

российской интернет-среды, отметил радикализацию и усиление протестных настроений в интернет-среде. Особенно широко данное мнение распространено среди организаторов и рядовых участников протестных офлайн- и онлайн-акций, а также представителей Ульяновской и Костромской областей.

По мнению абсолютного большинства экспертов, органы государственной власти в регионах, а также на уровне Федерации отслеживают мероприятия и акции гражданских активистов, инициативных групп. Однако государство к активности граждан в сети Интернет относится более снисходительно, нежели к гражданской офлайн-активности, поэтому реже реагирует на общественные акции и инициативы в сети Интернет.

На различные формы непротестных коллективных офлайн-действий органы власти различных субъектов реагируют по-разному. Но чаще они либо «незначительно поддерживают их» (25,4%), либо «активно поддерживают, видя позитивные результаты работы» (22,5%), либо «опасаются и оказывают минимальное содействие им» (13,6%). О противодействии проведению публичных гражданских акций в ходе интервью говорили 13,6% экспертов, чаще всего представители Ульяновской (22,2%), Саратовской областей (21,4%), Республики Дагестан (27,3%), Республики Башкортостан (30,0%) и Иркутской области (20,0%). Эксперты от этих областей и республик поставили либо самую высокую, либо самую низкую оценку уровню развития гражданской активности (офлайн) у них в регионе. Кроме того, в ряде перечисленных субъектов наблюдается высокий рост протестных действий. Особенно интересно, что оценки и характеристики реакции государства на различные публичные акции, выставленные участниками этих акций и сторонними наблюдателями, отличаются, но не критично.

Активность граждан в сети Интернет несколько меньше интересна властям и не так беспокоит органы власти, как фактические коллективные офлайн-действия. Тем не менее эксперты были свидетелями ситуаций, когда органы государственной власти опасались акций гражданских активистов в сети Интернет, поддерживали их либо противодействовали им. Согласно результатам опроса, отпор и сопротивление госорганов развитию и проявлениям интернет-активности граждан довольно часто встречается в Ульяновской области (40,0%), Республике Башкортостан (50,0%), Саратовской (28,6%) и Самарской (27,3%) областях. О случаях господдержки интернет-активности граждан в ходе интервью смогли вспомнить около 30% экспертов. Чаще остальных среди них встречались представители Республики Татарстан (50,0%), Ростовской области (42,9%) и Республики Адыгея (83,3%).

Выводы

Коллективные действия представляют собой эффективный способ защиты гражданами своих прав и интересов. Современная общественно-политическая практика демонстрирует все большее распространение и все больший масштаб коллективных действий.

В то же время в науке нет однозначной трактовки коллективных действий. Условно можно выделить два подхода к пониманию коллективных действий: как отклоняющееся поведение и как рациональное поведение, направленное на защиту своих прав и интересов.

Особую эффективность коллективные действия приобретают благодаря сетевой структуре и использованию современных информационно-коммуникационных технологий (Интернета, социальных сетей). В этих условиях общение между ин-

дивидуумами создает взаимоотношения между индивидуумами, укрепляющими саму организацию коллективных действий.

Со сменой поколений, с развитием и ростом популярности интернет-технологий Интернет превратился в инструмент для самоорганизации граждан и в России.

Интернет предоставляет широкий инструментарий для организации и осуществления коллективных действий: выражения мнений, формирования сообществ, коммуникации, голосования, поиска вариантов решения проблем, сбора средств. Социальные медиа позволяют сократить издержки на организацию коллективных действий, создание критической массы недовольных.

Чтобы организовать и координировать акции протеста, активисты используют социальные сети (сайты), позволяющие выстраивать политическую коммуникацию и быстро организовывать коллективное действие, которое базируется на цифровых технологиях. В результате цифровые технологии предоставляют те ресурсы, которые ранее были сосредоточены в социальных движениях. Однако Интернет-технологий недостаточно без офлайн-активности, но они необходимы для обеспечения должного уровня и интенсивности коммуникации.

Как демонстрируют результаты проведенного исследования, активность населения в общественно-политической сфере регионов стабильна на протяжении нескольких лет. Деятельность и акции общественных активистов заметны как в реальной жизни, так и в онлайн. Государство к активности граждан в сети Интернет относится более снисходительно, чем к гражданской офлайн-активности, поэтому реже реагирует на акции онлайн-среды. Основываясь на практике регионов, можно сделать вывод о том, что только сотрудничество государства и гражданских активистов (даже если они ориентированы на протест) стабилизирует ситуацию в регионах. Препятствие и сопротивление развитию гражданской и протестной активности дестабилизирующе сказывается на общественно-политической ситуации в регионах РФ.

Библиографический список

- Купряшин, Г. Л. и др. (1996). *Введение в политологию: словарь-справочник*. М.: Аспект Пресс.
- Максимова, Е. Н. (2013). Политический протест как фактор нестабильности политической системы. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 3 (29), 105–108.
- Пустошинская, О. С. (2014). Категория «политический протест»: осмысление с позиции диалектики и сквозь призму концептуализации. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 1 (39), 185–188.
- Филатова, О. Г. (2000). *Методика и техника социологического исследования: Конспект лекций*. СПб: Издательство Михайлова В.А.
- Boulianne, S. (2009). Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research. *Political Communication*, 26 (2), 193–211.
- Brady, H., Verba, S., Schlozman, K. L. (1995). Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation. *American Political Science Review*, 89 (2), 271–294.
- Cho, J., Shah, D. V., McLeod, J. M., McLeod, D. M., Scholl, R. M., Gotlieb, M. R. (2009). Campaigns, Reflection, and Deliberation: Advancing an O-S-R-O-R Model of Communication Effects. *Communication Theory*, 19 (1), 66–88.
- Cohen, C., Kahne, J. (2012). *Participatory Politics: New Media and Youth Political Action*. Chicago: MacArthur Research Network on Youth and Participatory Politics.

- Curran, J. (2005). Mediations of Democracy. In Curran, J., Gurevitch, M. (eds.) *Mass Media and Society* (pp. 122–149). New York: Oxford University Press.
- Della Porta, D. (2014). Comment on Organizing in the Crowd. *Information, Communication & Society*, 17 (2). 269–271.
- Diani, M. (2000). Social Movement Networks Virtual and Real. *Information, Communication and Society*, 3, 386–401.
- Earl, J., Kimport, K. (2011). *Digitally Enabled Social Change*. Cambridge and London: The MIT Press.
- Friedman, D., McAdam, D. (1992). Collective Identity and Activism. Networks, Choices and the Life of a Social Movement. In A.D. Morris, C.M. Mueller (eds.) *Frontiers in Social Movement Theory* (pp. 156–172). New Haven, CT: Yale University Press.
- Horrigan, J., Garrett, K., Resnick, P. (2004). *The Internet and Democratic Debate*. Pew Internet and American Life Project.
- Kavada, A. (2009). Email Lists and the Construction of an Open and Multifaceted Identity. *Information, Communication and Society*, 12, 817–839.
- McAdam, D., McCarthy J. D., Zald, M. N. (1996). *Comparative Perspectives and Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing*. New York: Cambridge University Press.
- McCurdy, P. (2012). Social Movements, Protest and Mainstream Media. *Sociology Compass Blackwell Publishing*, 6 (3), 244–255.
- Medina, L. F. (2007). *A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Palfrey, J., Gasser, U. (2008). *Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books.
- Shirky, C. (2008). *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. New York: Penguin Press.
- Stekelenburg van, J., Klandermans, B. (2010). Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention. In B. Klandermans and C. Roggeband (eds.) *Handbook of Social Movements Across Disciplines* (pp. 157–205). New York: Springer.
- Tufekfi, Z. (2014). Capabilities of Movements and Affordances of Digital Media: Paradoxes of Empowerment. Режим доступа <http://dmlcentral.net/blog/zeynep-tufekci/capabilities-movements-and-affordances-digital-media-paradoxes-empowerment>

Статья поступила в редакцию 06.10.2018
Статья принята к публикации 11.11.2018

Для цитирования: Соколов А.В. Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 45–59.

CHARACTERISTIC FEATURES OF COLLECTIVE ACTIONS MOVEMENT IN MODERN RUSSIA AND THE AUTHORITIES' REACTION TO THEIR ACTIVITY

A.V. Sokolov

Aleksandr V. Sokolov, Demidov Yaroslavl' State University, 14, Sovetskaya Str., 150000, Yaroslavl, Russia. E-mail: alex8119@mail.ru. ORCID 0000-0002-7325-8374

Acknowledgements. This article is a result of the study supported by the Russian Foundation for Basic Research, research project No. 17-03-00132-ОГН: “Citizens’ collective actions on the protection and implementation of legal rights and interests in modern Russia”.

Abstract. The activation of the citizen’s collective actions has become a trend spanning various parts of the world. Russia is no exception. The Internet contributes to the growth of col-

lective actions, in that it facilitates intercommunication and coordination of joint actions. To analyze how collective actions are organized in modern Russia and to emphasize their specifics, the article presents the results of the original research based on a series of polls held in different regions of the Russian federation. The 2014 research covered 21 regions, in 2015, 14 regions were covered, and the 2017 research included data from 16 regions. The results of the research have revealed that the most active part in the social and political life of the regions belongs to coalitions of public associations and civic activists. However, they unite no more than two to three partners. At the same time, the most important principle that lies at the basis of their functioning is “common interest in civic activity”, “voluntary participation”, and “openness, and the development of external relations.” The research has enabled the author to detect the increase of collective actions in the Internet, as well as the decline of their effectiveness. At the same time, it has been revealed that the growth of protest activity in the regions is destabilizing their social and political life more and more. Special attention has been paid to the authorities’ reaction to collective actions. It has been observed that the role of the state in regulating the Internet environment in Russia is increasing. Yet it is emphasized that the state did not essentially influence the content of the citizens’ collective actions. State authorities in the regions and on the federal level are monitoring events and actions of civic activists and initiative groups. At the same time, the state is more lenient towards the citizens’ activity in the Internet than towards their off-line civic activity. The authorities in different subjects of the Russian federation react to their citizens’ off-line non-protest collective actions differently. But most often they either “support them to a very little degree” or “support them with a lot of enthusiasm proceeding from the positive results of their activity”; either “feel apprehensive and render the minimum of assistance to them” or “counteract them”.

Key words: collective actions, Internet, social networks, authorities, communication.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-45-59

References

- Boulianne, S. (2009). Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research. *Political Communication*, 26 (2), 193–211.
- Brady, H., Verba, S., Schlozman, K. L. (1995). Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation. *American Political Science Review*, 89 (2), 271–294.
- Cho, J., Shah, D. V., McLeod, J. M., McLeod, D. M., Scholl, R. M., Gotlieb, M. R. (2009). Campaigns, Reflection, and Deliberation: Advancing an O-S-R-O-R Model of Communication Effects. *Communication Theory*, 19 (1), 66–88.
- Cohen, C., Kahne, J. (2012). *Participatory Politics: New Media and Youth Political Action*. Chicago: MacArthur Research Network on Youth and Participatory Politics.
- Curran, J. (2005) Mediations of Democracy. In Curran, J., Gurevitch, M. (eds.) *Mass Media and Society* (pp. 122–149). New York: Oxford University Press.
- Della Porta, D. (2014). Comment on Organizing in the Crowd. *Information, Communication & Society*, 17 (2). 269–271.
- Diani, M. (2000). Social Movement Networks Virtual and Real. *Information, Communication and Society*, 3, 386–401.
- Earl, J., Kimport, K. (2011). *Digitally Enabled Social Change*. Cambridge and London: The MIT Press.
- Filatova, O. G. (2000). *Metodika i tekhnika sotsiologicheskogo issledovaniya: Konspekt lektsiy* [Methods and Techniques of Sociological Research: Summary of the Lectures]. SPb: Izdatel'stvo Mikhaylova V. A.
- Friedman, D., McAdam, D. (1992). Collective Identity and Activism. Networks, Choices and the Life of a Social Movement. In A. D. Morris, C. M. Mueller (eds.) *Frontiers in Social Movement Theory* (pp. 156–172). New Haven, CT: Yale University Press.
- Horrigan, J., Garrett, K., Resnick, P. (2004). *The Internet and Democratic Debate*. Pew Internet and American Life Project.

- Kavada, A. (2009). Email Lists and the Construction of an Open and Multifaceted Identity. *Information, Communication and Society*, 12, 817–839.
- Kupryashin, G. L., et al. (1996). *Vvedenie v politologiyu: slovar'-spravochnik* [Introduction into Political Science: a Reference Book]. M.: Aspekt Press.
- Maksimova, Ye. N. (2013). Politicheskiy protest kak faktor nestabil'nosti politicheskoy sistemy [Political Protest as Political System Instability Factor]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 3 (29), 105–108.
- McAdam, D., McCarthy J. D., Zald, M. N. (1996). *Comparative Perspectives and Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing*. New York: Cambridge University Press.
- McCurdy, P. (2012). Social Movements, Protest and Mainstream Media. *Sociology Compass Blackwell Publishing*, 6 (3), 244–255.
- Medina, L. F. (2007). *A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Palfrey, J., Gasser, U. (2008). *Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books.
- Pustoshinskaya, O. S. (2014). Kategoriya “politicheskiy protest”: osmysleniye s pozitsii dialektiki i skvoz' prizmu kontseptualizatsii [“Political Protest” Category: Comprehension From Dialectics Position and in the Light of Conceptualization]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 1 (39), 185–188.
- Shirky, C. (2008). *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. New York: Penguin Press.
- Stekelenburg van, J., Klandermans, B. (2010). Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention. In B. Klandermans and C. Roggeband (eds.) *Handbook of Social Movements Across Disciplines* (pp. 157–205). New York: Springer.
- Tufekfi, Z. (2014). Capabilities of Movements and Affordances of Digital Media: Paradoxes of Empowerment. Retrieved from <http://dmlcentral.net/blog/zeynep-tufekci/capabilities-movements-and-affordances-digital-media-paradoxes-empowerment>.

Received 06.10.2018

Accepted 11.11.2018

For citation: Sokolov A.V. Characteristic Features of Collective Actions Movement in Modern Russia and the Authorities' Reaction to their Activity.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 45–59.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ КНР В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Чжао Тяньтянь

Чжао Тяньтянь, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, 117198, Россия. E-mail: zhchao@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования имиджа КНР в российском обществе на современном этапе. Её актуальность обусловлена интенсивным развитием отношений между двумя странами. В научных исследованиях часто рассматриваются экономические, культурные, внешнеполитические аспекты их взаимодействия, однако оно ранее не рассматривалось в фокусе анализа имиджа. Методология исследования базируется на подходе к имиджеобразованию как к направленному процессу изменения и корректировки общественного мнения целевой группы. Целью исследования является уточнение исторических предпосылок складывания современного образа Китая, определение основных направлений и факторов имиджеобразования. Среди последних выделяются такие, как экономическое развитие КНР, пропаганда китайского языка и культуры в России. Затрагивается роль средств массовой информации в данном процессе. По итогам исследования автором был сделан вывод о позитивной динамике в формировании имиджа КНР в российском обществе, обусловленной симпатиями к модели и динамике её экономического развития. Основными каналами создания общественного мнения при этом являются китайские русскоязычные СМИ и российские СМИ, аудитория которых получает в основном положительно окрашенную информацию о внутренних процессах в КНР и российско-китайских отношениях. В то же время диагностируется относительно слабое знакомство россиян с китайской культурой, недостаточно детализированные представления о ней, что создает резерв для дальнейшего развития имиджевой составляющей взаимодействия. Результаты исследования могут быть использованы как для дальнейшего углубления представлений об исследуемой проблематике, так и для решения прикладных проблем, возникающих в российско-китайских отношениях на современном этапе.

Ключевые слова: национальный имидж, Китай, «мягкая сила», Институты Конфуция, внешняя политика.

В социально-гуманитарных науках проблема создания и поддержания имиджа страны является весьма актуальной. Перед любым государством стоит задача сделать свою политику одобряемой мировым сообществом, экономику — привлекательной для инвесторов, культурные достояния — интересными для туристов. С учетом вышеперечисленных целей становится очевидным, что имидж страны сейчас, в условиях мировой глобализации, следует считать крайне важным стратегическим ресурсом. Позитивное восприятие государства, его населения, уровня его экономики и особенностей культуры позволяет проводить более стабильную, продуманную и выгодную внешнюю и внутреннюю политику.

Вслед за рядом исследователей мы разделяем понятия «образ» и «имидж» по критерию стихийности / осознанности формирования. Образоформирование — это стихийно складывающееся восприятие, в нём отсутствует изначально заданная цель. Имидж формируется сознательно, хотя, конечно, не может являться полностью конструируемым образом и даже способен создавать впечатление «искусственности», «надуманности» в том случае, если усилия по его формированию слишком заметны и далеко расходятся с устоявшимися представлениями о стране (Мировая политика..., 2010). Итак, под имиджем Китая мы понимаем тот образ страны, который складывается в представлении большинства россиян на данном этапе и на который возможно целенаправленно повлиять либо напрямую, либо опосредованно.

Позитивный образ Китая в глазах россиян и России в глазах жителей Китая является необходимым условием для плодотворного сотрудничества двух стран во всех сферах. Наличие протяженной границы и постоянные продолжительные контакты, внешне- и внутриэкономический потенциал огромных по масштабам государств предполагают, что ясность и глубина взаимопонимания двух стран необходимы не только для внешнеполитических отношений, но и для благополучного внутреннего развития этих стран. Это и обуславливает возросший в последнее десятилетие интерес исследователей к тому образу Китая, который складывается в сознании граждан России.

Имидж страны всегда формируется посредством оценки ряда элементов: политика государства, экономика, социальная сфера, культура, география и др. Как верно замечает И. В. Сидорская, выделение наиболее значимого для имиджа элемента ситуативно и зависит как от целей и задач исследования, так и от целевой аудитории данного имиджа (Сидорская, 2015). Поэтому мы наметим основные векторы, по которым формируется национальный имидж Китая, но не будем стремиться выделить главнейший.

Одним из важнейших ресурсов формирования имиджа Китая является уровень его экономического развития. По словам заместителя руководителя исследовательского центра внешних связей CIPG Юй Юньцюань, улучшение национального имиджа Китая и экономическое развитие стран взаимозависимы (Обзор: улучшение..., 2015). Китай стоит на втором месте в мире — после США — в рейтинге стран по размеру ВВП (12237,7 млрд. дол.) и на первом по росту ВВП (6,6%). Следует отметить, что Россия находится в рейтинге на 13-м месте. По опросам российского Фонда «Общественное мнение» на вопрос «Какая страна развивается сегодня более успешно, Россия или Китай» 68% респондентов выбрали Китай, в успешности России уверено 18% процентов, а почти столько же, 16% опрошенных, затруднились с ответом (Китай. Представления россиян..., 2018). Китай является одним из важнейших экономических партнеров России, а в период современной нестабильности воспринимается и как один из самых надежных. На настоящий момент активно обсуждаются возможности осуществления концепции Большого Евразийского партнерства на базе евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс — один путь» (Матвеев, 2018, 268). Меняется и обыденное восприятие китайской экономики в России. Уходит то время, когда Китай ассоциировался с дешевыми, плохого качества товарами. Теперь всё чаще «китайское» означает «качественное и доступное». Так, на российском рынке смартфонов в середине 2018 г. впервые за 10 лет сменился лидер: корейский Samsung уступил первенство китайскому бренду Huawei. В целом следует сказать, что стратегия массированного продвижения, которую осуществляет сейчас китайский бизнес, вносит немалый вклад в создание позитивного имиджа Китая.

Весьма эффективным является использование в качестве инструмента создания положительного образа китайской культуры и китайского языка. В 2003 г. было подписано соглашение, в рамках которого КНР и РФ взяли на себя обязательства способствовать распространению интереса к языку державы-соседа. КНР прекрасно осознает, что сложность китайского языка является одной из причин формирования неполного, ущербного образа о КНР, поэтому всеми силами стремится восполнить этот пробел. Важнейшую роль в этом процессе играют Институты Конфуция и классы Конфуция. Они представляют собой глобальную сеть культурно-образовательных

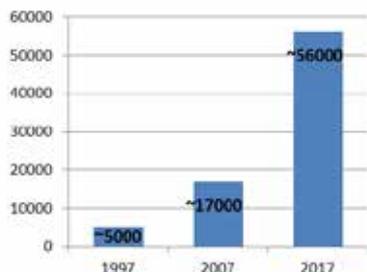

Рис. 1. Динамика прироста количества изучающих китайский язык в России, 1997–2017 гг.

Fig. 1. Growth dynamics of learners of Chinese in Russia, 1997–2017

Рис. 2. Основные образовательные площадки для изучения китайского языка в России

Fig. 2. Main educational sites for learning Chinese in Russia: schools; universities, courses, Confucius institutes

центров на базе зарубежных учебных заведений. В России на сегодняшний момент действует 21 центр. Институты не только проводят обучение китайскому языку, но также дают возможность пройти квалифицированный экзамен на знание китайского языка (Hanyu Shuiping Kaoshi), успешная сдача которого позволяет принять участие в стажировке на территории Китая. Кроме того, Институты Конфуция проводят различные конкурсы творческого характера, научные конференции, спортивные мероприятия, организуют творческие встречи и просветительские поездки в Китай. Формирование имиджа посредством Институтов Конфуция эффективно в том числе и потому, что нацелено на молодежь, поскольку ее мнение о Китае и будет чрезвычайно важным в следующие 10–15 лет. Как замечают исследователи (Леонтьева, Белокопытова, 2019), подобная политика является очевидным применением «мягкой силы» в долгосрочной перспективе и отвечает стратегическим планам КНР. Однако следует отметить, что в России деятельность Институтов Конфуция не всегда находит одобрение и поддержку (Расперова, 2013; Самойлова, Лобанова, 2017).

Стабильно растущий в российском обществе интерес к китайскому языку — еще одно проявление стратегии «мягкой силы» и свидетельство положительного восприятия и высокой оценки россиянами Китая, его культуры и растущего экономического влияния. По данным Регионального центра лингвистических исследований (РЦЛИ), в условиях упрочняющихся экономических отношений России с Китаем наблюдается повышение популярности китайского языка: за 20 лет количество изучающих китайский выросло более чем в 10 раз — с 5 тыс. в 1997 г. до 56 тыс. в 2017 г. (рис. 1) (Китайская грамота..., 2017). При этом популярность растёт на всех уровнях и формах обучения — в общеобразовательных школах (за 10 лет, с 2007 г. по 2017 г., с 10994 чел. до 17188), вузах (за 20 лет число изучающих китайский выросло в 10 раз), Институтах Конфуция, на языковых курсах (здесь подсчет затруднен отсутствием достоверно проверяемых статистических данных, но только в одной Москве за 10 лет с 2007 г. число курсов, предлагающих учащимся программы по китайскому языку, увеличилось в 5 раз), у частных репетиторов (рис. 2). Неудивительно, что наибольший прирост наблюдается в столице и в областях России, граничащих с КНР.

Более того, 2019 г. стал, в определенной степени, знаковым для китайского языка в России: китайский язык вошел в список дисциплин, по которым сдается Единый государственный экзамен.

Уровень культурной привлекательности Китая в глазах россиян можно проследить не только по увеличению популярности китайского языка. Китай остается весьма привлекательным с туристической точки зрения, хотя и продолжает уступать европейским странам. Данные аналитического агентства Турстат весьма оптимистичны: если в 2017 г. с туристическими целями в Китай выехало 2,003 тыс. российских граждан (+20% по отношению к 2016 г.), то в 2018 г. — 2,018 тыс. (Выездной туризм..., 2018; Итоги выездного туризма, 2017). Заметен небольшой, но постоянный рост, несмотря на экономические трудности в России и частичную переориентацию россиян на внутрироссийский туристический рынок.

Также постепенно растёт и интерес россиян к другим аспектам китайской культуры. Если в 2015 г., по данным ФОМ (Интерес россиян к Китаю..., 2015; Китай. Представления россиян..., 2018), на вопрос: «Вы когда-нибудь читали статьи или книги, смотрели фильмы, передачи, посвященные Китаю, или нет?» положительно ответили 47% респондентов, то в 2018 г. — уже 52%. Как отмечают некоторые исследователи, в последние годы власти КНР начали использовать и новый формат — создание и продвижение на мировой рынок, в том числе российский, фильмов, анимационных фильмов и онлайн-видеоигр (Койне, Франц, 2017). Однако на нынешний момент в официальном российском прокате картины китайского кинематографа представлены крайне скудно. Впрочем, интерес к китайскому кинематографу в России развивается и некоторыми не столь очевидными путями. Например, явно растёт популярность китайских сериалов — в России за последние 10 лет в разы выросло количество поклонников китайских многосерийных фильмов. На одном из самых популярных сайтов (doramav.ru) число китайских сериалов сейчас уже достигло 2118.

Еще одним направлением формирования положительного имиджа страны является политика Китая в медиа пространстве, в которой можно выделить две стороны. Первая — это русскоязычные СМИ КНР. С сентября 2015 г. создано несколько русскоязычных сетевых ресурсов: сайт на русском языке Китайского государственного информационного агентства «Синьхуа», сетевая версия газеты «Жэньминь Жибао», веб-портал «Китайский информационный интернет-центр. Russian.CHINA.ORG.CN», русская редакция международного радио Китая (russian.cri.cn), журнал «Китай», а также сайт Министерства иностранных дел КНР. Кроме того, функционирует русскоязычный канал «CCNV-Русский». Однако воздействие китайских СМИ на российскую аудиторию ограничено: целенаправленно, а не случайно, «CCNV-Русский» в России смотрят в большей степени на территориях, близких к китайской границе; та же ситуация с МРК, Международным радио Китая. Коммуникативная стратегия китайских СМИ направлена на формирование сильного и современного образа Китая в глазах России (Монастырёва, 2009). С одной стороны, она позволяет преодолеть негативные стереотипы русскоязычной аудитории, с другой — вызывает у этой аудитории подсознательное напряжение и внутреннее несогласие.

Вторая сторона — это деятельность российских СМИ на территории России, именно через них российские граждане получают информацию о Китае, на основе которой и выстраивается имидж КНР. Данный аспект имиджеформирования вызывает неугасающий интерес исследователей, что подтверждается количеством работ по этому вопросу (Чжан Хуэйцин, 2014; Юй Даньхун, Гу Цянь, 2015; Ду Цюаньбо, 2016). В целом, имидж Китая формируется в российских СМИ в зависимости от

информационной картины дня и следует за интересами тех источников, которые сообщают о событиях избирательно и не всегда объективно. Разброс в оценке Китая в российских СМИ огромен — от опасного врага, стремящегося захватить российские территории, до друга и товарища с высокоразвитой экономикой и тысячелетней культурой.

Факторы и методы формирования имиджа Китая в России не ограничиваются перечисленными, но позволяют составить достаточно полное представление об основных тенденциях образотворения Китая на современном этапе. Результаты же имиджевой политики Китая наиболее ярко видны на статистическом материале.

В рамках нашего исследования интересным представляется анализ статистических опросов, проведенных исследовательской организацией Pew Research Center в 2015–2018 гг. среди российских граждан (табл. 1) (Globally, More Name..., 2017; International Publics Divided on China, 2018; Views of China..., 2015).

Налицо уверенно высокий процент опрошенных респондентов, которые одобряют Китай, что явно свидетельствует о том, что имидж КНР в Российской Федерации в целом можно назвать стабильно положительным.

Близко к указанным итогам стоят и данные внутрироссийских статистических опросов. По данным ВЦИОМ, Китай в глазах жителей России остается партнёром и союзником, а прогноз российско-китайских отношений носит позитивную окраску (табл. 2) (Как Вам кажется..., 2017). Как было отмечено генеральным директором ВЦИОМ В. Федоровым, не последнюю роль в таких теплых отношениях играют напряженные отношения России с США, в условии которых Китай предстает как надежный друг, испытывающий те же сложности в отношении ряда стран Запада (Россия — Китай — США: отношения..., 2017).

В 2018 г. широкомасштабное исследование отношения россиян к Китаю провел Фонд «Общественное мнение», которое позволяет увидеть динамику отношения россиян к Китаю за пять лет, с 2014 г. по 2018 г. (результаты в таблице приведены в процентах, зафиксировано мнение, высказанное по отношению Китаю) (табл. 3) (Россия: друзья, враги..., 2018).

При этом количество россиян, хорошо или хотя бы на начальном уровне знакомых с китайской культурой, не так уж много. Как мы уже отмечали, всего 52% респондентов читали статьи, книги или смотрели фильмы, посвященные Китаю, 57% уверены, что русская и китайская культуры сильно различаются, россиянам больше интересна европейская, а не китайская культура (35% против 12% соответственно), а 68%, принявших участие в опросе, ни разу в жизни не общались с китайцами (Китай. Представления россиян..., 2018). Таким образом, можно констатировать, что на нынешний момент положительный имидж Китая в России в первую очередь формируется и зависит от экономической мощи и динамического развития КНР.

Итак, имидж Китая в современном российском обществе формируется в рамках стратегемы «мягкой силы» и является стабильно положительным. Образ Китая в России на данный момент улучшается благодаря целенаправленной политике КНР путем расширения знакомства граждан РФ с культурой, традициями и языком Китая. Однако наиболее существенной причиной положительного восприятия Китая в России был и остается уровень экономического развития КНР и потенциальные возможности партнерства двух стран.

Таблица 1. Отношение российских граждан к Китаю

Table 1. The Russian citizens' attitude to China

Год	«Одобряете ли вы Китай?» (в процентах) “Do you approve of China?” (%)
2014	64
2015	79
2017	70
2018	65

Таблица 2 Восприятие Китая россиянами

Table 2. The Russians' perception of China

1. Как Вам кажется, кем сегодня является Китай для России? (%)

1. What is China for Russia in your opinion?

	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2014 г.	2017 г.
Стратегический и экономический партнер <i>Strategic and economic partner</i>	34	36	41	49	50
Дружественное государство, союзник <i>A friendly state, an ally</i>	22	27	19	36	27
Экономический и политический соперник, конкурент <i>An economic and political rival; a competitor</i>	24	21	24	8	10
Враждебное государство, вероятный противник <i>A hostile state, a likely antagonist</i>	4	4	4	1	5
Затрудняюсь ответить <i>Hard to answer</i>	16	12	12	6	8

2. Как Вы думаете, в XXI в. Китай будет другом или врагом России? (%)

Will china be Russia's friend or enemy in the XXI century? (%)

	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2014 г.	2017 г.
Союзником, дружественным государством <i>An ally, a friendly state</i>	22	28	20	43	37
Близким партнером <i>A close partner</i>	26	24	27	36	38
Опасным соседом, соперником <i>A dangerous neighbor, contestant</i>	25	20	24	9	14
Противником, врагом <i>An antagonist, an enemy</i>	6	4	5	1	2
Затрудняюсь ответить <i>Hard to answer</i>	21	24	24	11	9

Таблица 3 Динамика отношения россиян к Китаю
 Table 3. The Dynamics of the Russians' attitude to China

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
С какими из стран, по вашему мнению, у России сейчас наиболее близкие, дружественные отношения? With what countries, in your opinion, does Russia have the closest and the most friendly relations?	54	60	56	62	58
Как вы считаете, сотрудничество с какими из стран сейчас важнее всего для российской экономики? Cooperation with what countries, in your opinion, is now most important for Russian economy?	56	60	49	48	48
Какая из стран, по вашему мнению, является для России самым нужным, самым ценным партнёром? What country, in your opinion, is the most necessary and valuable partner for Russia?	31	35	32	33	33

Библиографический список

- Выездной туризм из России в 2018. Рейтинг зарубежных стран российских туристов (2018). *Сайт ТурСтат*. Режим доступа <http://turstat.com/russianstopforeigntravel2018>
- Ду Цюаньбо (2016). Жанрово-стилистическое своеобразие имиджа Китая в российских Интернет-СМИ. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 4 (58), 12–14.
- Интерес россиян к Китаю: к Азии или к Европе ближе Россия по своим традициям и культуре? (2019). *Фонд Общественное мнение*. Режим доступа <https://fom.ru/mir/12150>
- Итоги выездного туризма. Россия 2017 (2017). *Сайт ТурСтат*. Режим доступа <http://turstat.com/outboundtravelstatisticsrussia2017>
- Как Вам кажется, кем сегодня является Китай для России? (2017). *Всероссийский центр изучения общественного мнения*. Режим доступа https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=15&q_id=739&date=29.01.2017
- Китай. Представления россиян о китайцах и китайской культуре (2018). *Фонд Общественное мнение*. Режим доступа <https://fom.ru/Mir/14071>
- Китайская грамота: тенденции распространения китайского языка в России (2017). *Региональный центр лингвистических исследований*. Режим доступа <https://rcli.ru/issledovanie/kitajskaya-gramota-tendentsii-rasprostraneniya-kitajskogo-yazyka-v-rossii/>
- Койне, О., Франц, В. А. (2017). Кинематограф как элемент системы «Мягкой силы» государства. *Дискурс-Пи*, 2, 154–162.
- Кортунов, С. В. (ред.) (2010). *Мировая политика в условиях кризиса*. М.: Аспект-Пресс.
- Леонтьева, Э. О., Белокопытова М. С. (2019). Институты Конфуция как элементы внешней политики КНР. *Регионалистика*, 5, 51–58.
- Матвеев, В. А. (2018). Новейшие тенденции развития российско-китайского сотрудничества в Большой Евразии. *Китай в мировой региональной политике: история и современность*, 23 (23), 261–274.
- Монастырёва, О. В. (2009). Специфика коммуникативной стратегии в программах на русском языке Международного радио Китая. *Портал научных исследований СМИ «Медиаскоп»*. Режим доступа <http://www.mediascope.ru/node/347>

- Обзор: улучшение национального имиджа Китая и экономическое развитие взаимообусловлены и взаимовыгодны (2015). *CHINA.COM*. Режим доступа <http://russian.china.com/news/reports/1793/20150323/325343.html>
- Расперова С.Ю. (2013). Институты Конфуция как культурная стратегия Китая в пространстве Российско-китайского взаимодействия в сфере образования. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 22 (682), 154–163.
- Россия: друзья, враги, отношение в мире. О ценных партнёрах России, близких нам народах и образе нашей страны в мире (2018). *Фонд Общественное мнение*. Режим доступа <https://fom.ru/Mir/14025>
- Россия-Китай-США: отношения в стратегическом треугольнике (2017). *Всероссийский центр изучения общественного мнения*. Режим доступа <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116055>
- Самойлова, М. П., Лобанова, Е. А. (2017). Правовое регулирование деятельности Институтов Конфуция в России. *Juvenis scientia*, 6, 29–31.
- Сидорская И.В. (2015). «Образ» или «имидж» страны: что репрезентируют СМИ. В В.В. Фролов (ред.) *Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики: сборник материалов научного семинара* (с. 64–84). Псков: Псковский государственный университет.
- Хуэйцзинь, Ч. (2014). Образ Китая в комментариях к новостям о Китае (на материалах портала Rambler), *Медиалингвистика*, 2, 82–94.
- Юй Даньхун, Гу Цянь (2015). К вопросу о негативном имидже Китая в российских СМИ. В О.В. Ильина (сост.) *Гуманитарные аспекты современных массмедиа: проблемы, противоречия: материалы Международной научно-практической конференции* (с. 50–52). Екатеринбург: Уральский федеральный университет.
- Globally, More Name U.S. Than China as World's Leading Economic Power (2017). *Pew Research Center*. Retrieved from <https://www.pewglobal.org/2017/07/13/more-name-u-s-than-china-as-worlds-leading-economic-power/>
- International Publics Divided on China (2018). *Pew Research Center*. Retrieved from <https://www.pewglobal.org/2018/10/01/international-publics-divided-on-china/>
- Views of China and the Global Balance of Power (2015). *Pew Research Center*. Retrieved from <https://www.pewglobal.org/2015/06/23/2-views-of-china-and-the-global-balance-of-power/>

Статья поступила в редакцию 18.04.2019

Статья принята к публикации 21.05.2019

Для цитирования: Тяньтянь Чжао. Национальный имидж КНР в России на современном этапе. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 60–69.

CHINA'S PRESENT-DAY IMAGE IN RUSSIA

Zhchao Tiantian

Zhchao Tiantian, RUDN University, 10/2, Miklukho-Maklai Str., Moscow, 117198, Russia
E-mail: zhchao@bk.ru

Abstract. The paper analyzes China's present-day image formation in Russia. Its topicality is conditioned by the intensive development of the relationships between the two states. Research papers usually concentrate upon economic, cultural and foreign policy aspects in their interaction. But they have never been studied at the image formation angle. The methodology of the research is based on the statement that image making is a directional process of changing and adjusting public opinion of a target group. The aim of the research is the clarification of historical prerequisites of the modern image of China formation, as well as defining basic trends and factors of image formation. The economic development of the PRC and the promotion of the Chinese language and culture are especially notable among the latter trends and factors. Besides, the role of mass media information is touched upon. The results of the

research have enabled the author to draw a conclusion about the positive developments in China's image formation in Russia that is stipulated by favoring the model and its dynamism. The main channels in creating a favorable public opinion are Chinese Russian-speaking mass media and Russian mass media whose audiences are faced mainly with positive information concerning the inner developments in China and in Russian-Chinese relationships. At the same time, the research has revealed the Russians' superfluous knowledge of the Chinese culture. Their sporadic images make it possible to further develop the image making component in the Russian-Chinese interaction. The results of the research might turn out useful both for a more profound study of the problem under discussion and for solving some applied problems that emerge in Russian-Chinese relationships at the present-day stage of their development.

Key words: national image, China, 'soft power', Confucius Institutes, foreign policy.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-60-69

References

- Du Cyuan'bo (2016). Zhanrovo-stilisticheskoe svoeobrazie imidzha Kitaya v rossijskih Internet-SMI [Genre and Stylistic Peculiarities of an Image of China in the Russian Internet-Media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 4 (58), 12–14.
- Globally, More Name U.S. Than China as World's Leading Economic Power (2017). *Pew Research Center*. Режим доступа <https://www.pewglobal.org/2017/07/13/more-name-u-s-than-china-as-worlds-leading-economic-power/>
- Huejcin', Zh. (2014). Obraz Kitaia v kommentariiakh k novostiam o Kitae (na materialakh portala Rambler) [The Image of China in the Comments on the News about China on Rambler Portal]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2, 82–94.
- Interes rossiyan k Kitayu: k Azii ili k Evrope blizhe Rossiya po svoim tradiciyam i kul'ture? [Interest of Russians to China: is Russia closer to Asia or to Europe in its Traditions and Culture?] (2019). *Fond obshchestvennoe mneniya* [Public Opinion Foundation]. Retrieved from <https://fom.ru/mir/12150>
- International Publics Divided on China (2018). *Pew Research Center*. Режим доступа <https://www.pewglobal.org/2018/10/01/international-publics-divided-on-china/>
- Itogi vyeznogo turizma. Rossiia 2017 [Outbound Travel statistics. Russia 2017] Russia 2017 TourStat: Website. Retrieved from <http://turstat.com/outboundtravelstatisticsrussia2017>
- Kak Vam kazhetsya, kem segodnya yavlyaetsya Kitaj dlya Rossii? [What do you Think is China Today for Russia?] (2017). *Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennoe mneniye* [Russian Public Opinion Research Center]. Retrieved from https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=15&q_id=739&date=29.01.2017
- Kitaj. Predstavleniya rossiyan o kitajcah i kitajskoj kul'ture [China. Representations of Russians about the Chinese and Chinese Culture] (2018). *Fond obshchestvennoe mneniya* [Public Opinion Foundation]. Retrieved from <https://fom.ru/Mir/14071>
- Koine, O., Franz, V. A. (2017). Kinematograf kak element sistemy "myagkoj sily" gosudarstva [Cinema as an Element of a State's Soft Power System]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2, 154–162.
- Kortunov, S. V. (Ed.) (2010). *Mirovaia politika v usloviakh krizisa* [World politics under crisis]. M.: Asrekt-Press.
- Leontyeva E. O., Belokopytov M. S. (2019). Instituty Konfuciya kak elementy vneshnej politiki KNR [Confucius Institutes as a Tool of China's Foreign Policy]. *Regionalistica* [Regionalistics], 5, 51–58.
- Matveev, V. A. (2018). Novejshie tendencii razvitiya rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva v Bol'shoj Evrazii [The Latest Trends in the Development of Russian-Chinese Cooperation in Greater Eurasia]. *Kitaj v mirovoj regional'noj politike: istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 23 (23), 261–274.
- Monastyreva, O. V. Specifika kommunikativnoj strategii v programmah na russskom yazyke Mezhdunarodnogo radio Kitaya [The Specific Communication Strategy Features of the Programmes

- in Russian Broadcast by the International radio of China]. *Mediascop* [Mediascope]. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/node/347>
- Obzor: uluchshenie natsional'nogo imidzha Kitaia i ekonomicheskoe razvitiye vzaimoobusloveny i vzaimovыgodny [Review: China's National Image Improvement and its Economic Development are Interdependent and Mutually Beneficial] (2015). *Website CHINA.COM*. Retrieved from <http://russian.china.com/news/reports/1793/20150323/325343.html>
- Rasperova, S. Yu. (2013). Instituty Konfutsiia kak kul'turnaia strategiiia Kitaia v prostranstve Rossiisko-kitaiskogo vzaimodeistviia v sfere obrazovaniia [Confucius Institutes as China's Cultural Strategy in Russian-Chinese Interaction in the Sphere of Education]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 22 (682), 154–163.
- Rossii: druz'ia, vragi, otnoshenie v mire. O tsennykh partnerakh Rossii, blizkikh nam narodakh i obraze nashei strany v mire [Russia: Friends, Enemies, the World's Attitude. On Russia's Important Partners, Close Peoples and Russia's Image in the World] (2018). *Fond obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Foundation]. Retrieved from <https://fom.ru/Mir/14025>
- Rossiya-Kitaj-SSHA: otnosheniya v strategicheskom treugol'nike [Russia-China-USA: Relations in the Strategic Triangle] (2017). *Vserossiiskij centr izucheniya obshchestvennoe mneniye* [Russian Public Opinion Research Center]. Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116055>
- Samoilova, M. P, Lobanova, E. A. (2017). Pravovoe regulirovanie deyatelnosti Institutov Konfuciya v Rossii [Legal Regulation of the Activities of Confucius Institutions in Russia]. *Juvenis scientia* [Juvenis Scientia], 6, 29–31.
- Sidorskaya, I. V. (2015). "Obraz" ili "imidzh" strany: chto reprezentiruyut SMI ["Image" or "Image" of the Country: What Do the Media Represent]. In V. V. Frolov *Aktual'nye problemy issledovaniya kommunikacionnykh aspektov PR-deyatelnosti i zhurnalistiki: sbornik materialov nauchnogo seminara* [Actual Problems of Researching Communication Aspects of PR Activities and Journalism: Collection of Materials of a Scientific Seminar] (pp. 64–84). Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi universitet.
- Views of China and the Global Balance of Power (2015). *Pew Research Center*. Режим доступа <https://www.pewglobal.org/2015/06/23/2-views-of-china-and-the-global-balance-of-power/>
- Vyezdnoi turizm iz Rossii v 2018. Reiting zarubezhnykh stran rossiiskikh turistov [Russia's Foreign Travel in 2018. Foreign Countries' Rating with Tourists from Russia]. Retrieved from <http://turstat.com/russianstopforeigntravel2018>
- Yu Danhong, Gu Qian (2015). K voprosu o negativnom imidzhe Kitaia v rossiiskikh [On the Issue of Negative Image of China in the Russian Media]. In O. V. Ilina (Comp.) *Gumanitarnye aspekty sovremennykh massmedia: problemy, protivorechiya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Humanitarian Aspects of Modern Mass Media: Problems, Contradictions: Materials of the International Scientific and Practical Conference] (pp. 50–52), Yekaterinburg: Ural'skii federal'nyi universitet.

Received 18.04.2019

Accepted 21.05.2019

For citation: Tian'tian' Zhchao. China's Present-Day Image in Russia. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 60-69.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС НА СОЛИДАРНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В. А. Сауткина

Сауткина Вера Алексеевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997, Россия. E-mail: vera-sautkina@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6891-7726

Аннотация. Во время переходных состояний, в условиях неопределенности и рисков в обществе усиливается потребность найти нечто общее, что побуждает разных людей держаться вместе. При отсутствии возможности реального сотрудничества в области решения проблем общественного благосостояния, в поисках новых целей и смыслов появляется потребность оглянуться назад, найти нужное в «хорошо забытом старом» и продвигаться вперед на этой основе. В такие времена в научном дискурсе актуализируется рассмотрение феномена солидарности в качестве главного фактора развития институтов взаимопомощи индивидов, социальных групп и сообществ. Изучение феномена солидарности усложняется тем, что он становится предметом самых различных дискурсов — идеологических и политических. При научной интерпретации факта присутствия или отсутствия данного явления в каждом конкретном событии социальной реальности важно не оказаться внутри одного из них. Из-за традиционно сложившегося факта смешения этих дискурсов такой подход становится одной из важных, но до сих пор трудно разрешимых методологических проблем. В данной статье поставлена задача: оценить перспективы гражданского участия и создания институциональной среды взаимодействия, в которой проявляется готовность к солидаристским практикам. В основу исследования положено предположение, что в условиях формирования нового вида социальной реальности, когда человек и целые группы людей существуют одновременно в двух измерениях — традиционно институционализированном и виртуальном, появляются иные механизмы производства солидарных действий. Применяя методологический подход рассмотрения феномена солидарности в трех плоскостях — социальной, политической и экономической, в работе мы показываем, как в онлайн-пространстве зарождаются его новые типы и формы, открывающие и возможности консолидации, и риски неоправданных ожиданий.

Ключевые слова: идейно-политическая солидарность, солидаризм, риск-солидарность, социальное пространство, приватное пространство, пространство гражданской солидарности, солидарная экономика.

Проблемы общественной солидарности нашли отражение в самых противоположных направлениях социальной мысли, а в интерпретации фактов зачастую доминировала не социологическая трактовка, а идеология и мировоззрение авторов. Вместе с тем разнообразие теорий и концепций социальной солидарности позволяет рассматривать возможности их влияния на процесс формирования общественного запроса и сопоставлять различные типы и формы солидарности, которые были реализованы в различных странах. Классики и современные исследователи концепта социальной солидарности традиционно тесно связывали его с решением конкретных проблем своего времени. Распад социальных связей и дезорганизация, возникающие в обществе во время перемен и трансформаций, сопровождаются ослаблением солидаристских настроений, обостряется антагонистичность интересов различных социальных групп, что усиливает конфликтный характер их взаимодействий. В такие времена важно показать преимущество социологической мысли относительно признания особой важности наличия в обществе запроса на единение в качестве ресурса стабилизации и развития.

Эволюция представлений об «обществе солидарности»

Разработанные в классической социологии концепты социальной солидарности и конфликта остаются актуальными и обе категории используются в обосновании возникающих в современном обществе проблем. В результате эволюции самого понятия, введенного О. Контом в середине XIX в., к настоящему времени и в западной, и российской социологической науке сформировалось многообразие трактовок самой идеи солидарности. О. Конт рассматривал солидарность в качестве универсального свойства природы в целом, которое в сообществе людей проявляется в форме феномена согласия между различными социальными группами, связывающего интересы различных страт и поколений посредством традиций и семейных ценностей (Конт, 1996).

Э. Дюркгейм, последовательно рассматривая формы солидарности в исторической ретроспективе, пришел к выводу о существовании двух ее форм: механической и органической. По мере усложнения общественных взаимосвязей недостаточность механической солидарности приводит к дезинтеграции семейных, политических и религиозных групп, что становится одной из главных причин глубокого кризиса таких сообществ (Дюркгейм, 1991). Возникновение органической солидарности он связывал с необходимостью функционирования более сложного социального организма, когда по мере углубления процесса разделения труда возникает общество дифференцированное.

Ценность процесса разделения труда Э. Дюркгейм видел не только в увеличении производительности труда, но и в том, что оно производит новые скрепы, необходимые обществу для нового уровня развития. Воззрения Э. Дюркгейма, особенно его идеи, связанные с трактовкой социальных последствий процесса разделения труда, изложенные в его первой книге «О разделении общественного труда. Этюды об организации высших обществ» широко обсуждались в российской научной среде. Эта тематика специально анализировалась в трудах Н.К. Михайловского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, В.М. Хвостова, Н.А. Рожкова, П.А. Сорокина и др. Акценты и предпочтения относительно форм солидарности, предложенные французским социологом и русскими мыслителями, существенно различались: его тезис об «органической» солидарности как «нормальном» следствии разделения труда был воспринят скептически.

Несмотря на идеологические размежевания между учеными, принимавшими участие в дискуссии, их отношение к разделению труда на тот момент было единым и явно составляло противовес воззрениям западных социологов, оценивающих этот процесс как благо. В российской социальной мысли преобладало мнение, что разделение труда разрушительно влияет на общество, уродует человеческую личность, порождает социальные антагонизмы. Идеалом человека для российских интеллектуалов того времени была не «специализированная» личность Дюркгейма, а «личность целостная» (Гофман, 2001).

Постепенно понятие солидарности практически повсеместно вышло за рамки научных рассуждений — его подхватили идеологи зарождающего рабочего движения. Анализируя исторический опыт Парижской коммуны, К. Маркс пришел к выводу, что в рабочий класс становится единственной силой, способной к «общественной инициативе», которая выходит за границы конкретных государств (Маркс, 1960). По мере нарастания проблем неравенства, абсолютного и относительного обнищания значительной части населения это понятие связывается с социальным вопросом и становится ядром марксистской идеологии.

В поисках того, что могло удержать общество от негативных последствий надвигающейся революции, социологическая мысль начала прошлого столетия значительное место отводила идее возможности социалистического пути дальнейшего общественного развития. Л. Буржуа, продолжая мысль своих предшественников об универсальном характере солидарности, в качестве единственного способа преодоления нарастающих в мире социальных дисбалансов видел развитие институтов взаимопомощи. Л. Буржуа считал, что государство обязано гарантировать всем гражданам право на труд, защиту от безработицы, болезни, доступ к образованию и пенсионному обеспечению (Буржуа, 1899). В 1895 г., пребывая на посту премьер-министра, ему удалось провести во Франции социальные реформы, в результате которых были введены значительные государственные гарантии: обязательное социальное страхование, расширено число рабочих-пенсионеров. Таким образом, социология становилась наукой, представители которой своевременно откликнулись на самые злободневные проблемы общества, которое они изучали.

Выявление причин, побуждающих людей объединяться, занимало значительное место в научном творчестве П.А. Сорокина. Его изыскания привели к выводу о том, что концепция Э. Дюркгейма об исторической тенденции перехода от механической солидарности к органической в реальности нигде не подтверждается. В каждом отдельном случае проявления совместных действий действует целая комбинация факторов, решающим же всегда является система ценностей и норм вовлеченных сторон. В целях достижения общегражданской солидарности в больших, этнически разнообразных сообществах П.А. Сорокин предлагал не путь «плавильного котла», но напротив, продвигал идею «единства в разнообразии» стимулирования и развития специфических черт и ценностей меньшинства наряду с формированием фонда ценностей, общих и для меньшинства, и для большинства (Сорокин, 1947).

По мере снижения остроты проблемы общественной дифференциации внимание исследователей переключается на вопросы о том, какие ценности и установки позволяют держаться вместе неравным в материальном отношении людям, что позволяет интегрировать самые различные моральные стандарты отдельных индивидов и формировать гражданское единство нации в целом. Расширяется исследовательское поле ресурса солидарности и его общественной значимости. Рассуждая в этом направлении, Т. Парсонс обратил внимание на то, общие ценности и установки, которые могут быть навязаны или отторгнуты, недостаточно объединяют людей. Выводить такое единение на более высокий уровень может лишь моральная ответственность за целостность системы. Понятие солидарности связывается им с системой определенных совместных действий, «которые требуются в интересах сохранения целостности самой системы, а другие — как действия, несовместимые с этой целостностью, в результате чего это определение становится осью, вокруг которой организуются санкции» (Парсонс, 1991).

В обществе, в котором реализуется данная модель деятельной солидарности, сограждане помимо общих ценностей связаны между собой и обязанностями, так как находятся на политически контролируемой территории определенного государства с его правом на легитимное насилие. Общество-государство, состоящее из совокупности коллективов, скрепленных внутренней сплоченностью, интеграция которых должна подкрепляться принуждением извне, вполне соответствовало социальной реальности середины 1950-х гг., которую описывал Т. Парсонс.

Новый поворот в развитии концепта солидарности был предложен Н. Луманом, он один из первых обратил внимание, что по мере умножения коммуникационных возможностей публичное общественное пространство расширяется, а устойчивость общественных систем может обеспечить усиление конфликтного потенциала в формах, которые не наносили бы ущерба социальным структурам (Луман, 2005). В условиях формирования новых общественных систем, отличающихся все более атомизированной социальной структурой и доминирующей в них идеологией индивидуализма, появляется необходимость нового уровня взаимного контроля. Казалось бы, управляя «индивидуализированным обществом» (Бауман, 2005), легче им манипулировать, но отстранение все большего числа граждан от участия в процессе принятия общественно важных решений неминуемо усиливает его нестабильность.

Размышляя о последствиях дефицита солидарности в разобщенном обществе, Н. Луман пришел к выводу, что *именно в условиях противостояния индивидуализму и зарождается запрос на солидарность*. Лишившись государственной поддержки, люди приступают к самопомощи и начинают объединяться. Н. Луман разводит понятие общества и территориального государства и рассматривает феномен солидарности за рамками привычных формул. Не поддерживая революционный путь в целом, считал возможным создание организаций, которые выдвигая властям требования расширения социальных гарантий, не отказывались от забастовок и других форм протеста (Луман, 1996).

Последующая эволюция концепта солидарности сопрягается с разработкой теории «общества риска». В работах Э. Гидденса, Н. Лумана и У. Бека раскрывается, каким образом рискогенные ситуации порождают мотивацию индивидов к самоорганизации и становятся мощным фактором трансформации социальной структуры общества. Социальные движения, сформированные на основе общности настроений «жертв рисков», побуждают к поиску «социальной и личной идентичностей и связей» (Бек, 1992). Устоявшиеся институты солидарности разрушаются, а новые, образующиеся на почве беспокойства и страха, способны инициировать мощные политические силы.

Данное направление активно разрабатывается и в российской социологии. Появляется новое понятие «риск-солидарность», теоретические рамки которого опираются одновременно как на активистскую парадигму социологии, где критериями выступают общность ценностей, социальной идентичности и плотности сетей взаимодействия, так и на конструктивистское направление в данной отрасли. В процессе исследования различных видов и форм «риск-солидарностей» был сделан вывод о том, что сосуществование и взаимосвязь уже устоявшихся и вновь образующихся форм объединения людей, даже и с ярко выраженным протестным мотивом, становится не отклонением, а нормой социальной жизни. Любой аспект идентичности различных субъектов может послужить основой солидаризации с представителями одной из них против другой. С усилением конфликтности современных сообществ появляется необходимость исследовать вопрос: в какой степени социальная солидарность обеспечивает стабильность социальной системы и является ли ресурсом ее обновления (Яницкий, 2011).

Такой подход представляется особенно важным в связи с тем, что в отечественной социологии преимущественно разрабатывается проблематика конфликта. По образному выражению А. Б. Гофмана, «...социология много и основательно

занималась и занимается тем, что в социальной жизни плохо. И это хорошо. Но она слишком мало занималась тем, что в социальной жизни хорошо. И это плохо» (Гофман, 2013).

В целом теоретическая ретроспектива раскрывает преемственность идей классической социологии в современных исследованиях социальной солидарности. Противостояние различных направлений продолжается в рамках признания, что полифония современных сообществ усложняет задачу проявления солидарности в форме не только пассивного сочувствия, но и реальных действий ради достижения общих целей. Весь предшествующий опыт солидаризации на фундаменте общих интересов, ценностей и институтов позволяет говорить о многообразии существующих форм и сфер, в которых она проявляется. Причем их разнородность при условии их объединения в целях достижения общественного развития способна дать синергетический эффект.

Современные типы и формы общественной солидарности

Дальнейшее усложнение общественного устройства значительно затрудняет описание и интерпретацию происходящих в нем процессов взаимодействия между отдельными людьми и социальными группами. Возможность виртуального общения людей в режиме реального времени меняет саму природу производства солидарных действий. Механизмы производства солидарности дополняются воздействием на расстоянии, когда оно направлено не на конкретного индивида или группу, а рассредоточено на их неопределенное множество (Луман, 2005).

Спектр новых систем взаимоотношений (интеракций) не укладывается в ранее сложившиеся рамки института солидарности. Появляется необходимость ввести понятийное различие между солидарностью, возникающей в общностях и интеракциями, с помощью которых она реализуется. Новые технологии, становясь как бы частью самого человека, позволяют ему участвовать в совместных действиях, преодолевая барьеры времени и пространства. Более всего это относится к новым поколениям, для которых средства коммуникации не только образуют важную сферу их жизненного пространства, но и являются как бы органической частью их естества (как новый член их организма). Этот феномен становится предметом исследования нового научного направления — медиаантропологии (*media anthropology*) (Малькова, Тишкова, 2016).

В целях теоретического осмысления эмпирических наблюдений динамики распространения данного явления и связанных с ним новых коммуникационных возможностей в рамках Европейской ассоциации социальных антропологов образована медиаантропологическая сеть, направленная на содействие международному сотрудничеству в области исследований антропологии средств массовой информации (*Media Anthropology Network, European Association of Social Anthropologists — EASA*).

В условиях нарастания неопределенности и нелинейности процесса смешения взаимодействия между старыми и новыми формами коммуникаций требуется и переосмысление традиционных для науки методологических приемов их описания, интерпретации и существующих представлений о том, в каком направлении современное медиапространство трансформирует социальный порядок (Шредер, 2017). В отечественной социологической науке формируется значительный задел для концептуализации и проработки аналитического инструментария исследований современного пространства социальных взаимодействий в контексте новых

возможностей, возникающий в условиях информационного общества. Разрабатываются подходы рассмотрения «infomodernity» как новой социальной реальности, организованной интерактивными сетевыми формами виртуального общения (Лапкин, Семененко, 2013).

Эта новая реальность не укладывается в рамки типологий и классификаций, пригодных для описания и интерпретации традиционных институтов. В рамках данных рассуждений становится востребованным термин «фронт» («подвижная граница»), употребляемый в случаях, когда речь идет о необходимости выработки новых подходов для объяснения процессов, происходящих в условиях «текущей современности» (the liquid modernity) (Бауман, 2008). Концептуальные идеи теории фронта применительно к социальному пространству были положены в основу исследований новых оснований кооперативных (солидарных) действий сетевых сообществ. Появляется понятие «сетевой фронт», которое обозначает подвижную границу пространства контакта, взаимовлияния и взаимопроникновения различных практик, объединяющих усилия граждан для совместного решения социально значимых проблем (Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2016).

Таким образом, мы можем наблюдать процесс расширения границ социальных взаимосвязей от «тесной вовлеченности» до публичного пространства направленных на достижение поставленных целей в рамках идейно-политической, гражданской, профессиональной, этнической, конфессиональной, культурной и множества других видов солидарности (Гофман, 2013). Исследовательское поле расширяется, и в качестве объекта наблюдения появляются разнообразные переплетения традиционных и новых форм солидарности, перемещающихся из виртуального мира в реальный. В рамках наших рассуждений рассмотрим некоторые из этих направлений, условно разделив их на два уровня — общегражданский и локальный.

Идейно-политическая солидарность. Стремительный процесс распада иерархичности прежнего мироустройства послужил началом возникновения тенденции деонтологизации картины мира. В процессе формирования запроса на новые интерпретационные модели и программы дальнейшего мироустройства актуализируется проблема согласования и солидаризации ценностей и интересов всех участников общественных отношений, что требует своего идеологического сопровождения. Однако процесс диффузий множества разновидностей, течений национальных и глобальных вариантов, значительно усложняет задачу.

В данном контексте, в качестве одного из таких примеров, можно рассмотреть современное позиционирование идей солидаризма. Путем сопоставления его концептуального ядра с содержанием наиболее известных на политической карте идеологий можно выявить то общее и особенное, что позволяет судить о перспективах их востребованности. Учитывая традицию определять ту или иную идеологию в координатах правых или левых, место солидаризма оказывается неопределенным. С позиции самоидентификации идеологов солидаризма, данный вопрос остается нерешенным из-за того, что многие из них предпочитают оставаться вне сферы данных координат (Пушкарев, 2003).

Современные приверженцы данного направления считают, что их убеждения позволяют проявлять солидарность с представителями самых различных направлений, выступая в одних вопросах заодно, а в других отстаивая другую точку зрения (Окара, 2010). Казалось бы, такая установка на открытость может способствовать организации общих конкретных солидарных действий, направленных на достиже-

ние тех или иных общественно значимых задач. Однако такое смешение зачастую приводит к конфликту личной идентичности, особенно если человек вынужден участвовать в различных комбинациях ценностных установок и связанных с этим действиях. Будучи лояльно настроенным по отношению к государству, человек может состоять с ним в конфликте относительно традиционных культурных и религиозных ценностей.

Рассмотрение конкретных форм и способов проявления идейно-политической солидарности различных субъектов (личностей, групп, движений, партий) показывает, что в реалиях современной жизни они тесно сопряжены с феноменом гибридной политической идентичности. Происходит микширование политических коммуникаций с обыденными контактами, которые все больше связывают самые различные социальные слои. Граждане, оказавшись вне сферы влияния традиционных легитимных форматов, постепенно начинают «вписываться» в совершенно новый политический ландшафт, включающий в себя партии нового типа. Такие объединения частично исполняют функции и традиционных партийных образований, и сетевых, получив благодаря этому названия «антиистеблишментских» или «неоистеблишментских», в зависимости от уровня их институализации (Морозова, 2014).

Находясь в состоянии противоречий и смешения идеологий трудно принимать решения во время избирательных компаний. В результате на политическом поле появляется так называемый «колеблющийся» электорат. Запутавшись в сетях, расставленных на рынке современных идеологий, многие предпочтут совершать свой электоральный выбор, «руководствуясь прагматическими соображениями, соотносящимися с политической конъюнктурой», т.е. усиливается ситуационный фактор (Холодковский, 2017). Процессы происходят с таким ускорением, что правящие элиты большинства современных государств не справляются с задачей их концептуализации.

Возможности и риски социальных взаимодействий в современном политическом пространстве постоянно видоизменяются вслед за появлением технических новинок. Один из последних этапов был охарактеризован как «миграция в мессенджеры», которые становятся и источником информации, и платформой для ведения блогов, открывающей новые возможности для свободы самовыражения. Благодаря увеличению количества операций посредством чат-ботов и добавлению некоторых социальных элементов, расширяющих возможности для поиска новых контактов, мессенджеры все активнее вытесняют социальные сети.

Как конкретно используются эти новые «инструменты общения» в момент принятия важных политических решений, удалось показать исследователю в области медиаантропологии Дж. М. Баттину. Во время проведения референдума 2015 г. в Греции был проведен опрос среди молодых людей, которые непосредственно присутствовали на митингах в Афинах и участвовали в них в режиме онлайн, находясь в различных концах мира. Участники событий виртуозно владели своими мессенджерами, которые, по образному выражению автора, стали частью их самих до такой степени, что любая техническая поломка вызывала состояние схожее с феноменом «фантомного лимба» (Баттин, 2016).

Перед участием в референдуме Ципраса люди обратились к своим мобильным устройствам, чтобы получить и обсудить информацию об экономической нестабильности страны и возможного эффекта выхода ее из еврозоны. По свидетельству

участников опроса, Facebook стал одним из надежных источников, так как туда стекались оценки ситуации от известных политиков и экономистов. Не менее важным оказалось и мнение людей из определенного социального круга, которые оставляли комментарии после прочтения той или иной статьи. В реальном режиме можно было посмотреть, какая сторона собирает наибольшую поддержку именно от своих друзей и единомышленников.

Все опрашиваемые говорили о том, что они попали как бы в единый поток, захвативший их желанием всеми силами выразить чувство единства и солидарности со всеми греками, успешно преодолевая барьеры расстояния и времени. Чувство отождествления себя с нацией, с Афинами древними и настоящими подкреплялось желанием иметь гарантии продолжения своей истории. Такие настроения не только доминировали внутри страны, но охватили греческие общины во всех регионах мира, о чем красноречиво свидетельствовали их голоса в социальных сетях. По мнению Дж.М. Баттина, референдум 2015 г., решая финансовые проблемы, превратился в демонстрацию силы национального единства и солидарности греческого мира перед лицом угрозы его разрушения.

В русле дискуссий о современных рисках и возможностях Интернета важное место отводится проблемам социальной мобилизации, влиянию феномена межличностных взаимодействий в режиме реального времени на политику и социальную динамику в целом. В рамках проекта (World Internet Project — Switzerland raschwirp-CH Assembly) в Швейцарии несколько лет проводится представительский опрос населения по поводу использования Интернета и его влияния на различные сферы общественной жизнедеятельности. По результатам этих обследований был представлен специальный доклад «Интернет и политика, интернет-приложения и их использование», данные которого свидетельствуют о некотором скептицизме относительно «цифровой демократии» и не слишком больших ожиданиях граждан в отношении возможности улучшения политической системы Швейцарии благодаря возможностям расширения публичного интернет-пространства (Латцер, Бючи, Фестик, Джаст, 2017).

Многие исследователи предостерегают от опасности завышенных ожиданий от расширения возможностей гражданского участия в политических процессах (Мирошниченко, Морозова, 2017). С одной стороны, множество каналов, обеспечивающих разнообразие ландшафта современной медиасреды, значительно расширяет возможности граждан реально участвовать в принятии жизненно важных социально-политических решений. Вместе с тем современные технологии позволяют обеспечить и более жесткий контроль над реакциями и поведением потенциальных участников политического процесса. В массивном потоке информационных сообщений человеку все труднее становится уловить момент, когда манипуляции со стороны заинтересованных сил начинают управлять его настроением, а в итоге и политическим выбором.

В этой связи Ник Коулдри, британский специалист по медиа-коммуникациям, отмечает, что «пространство существования» современного человека становится все более конвергентным. Взаимодействия с этим пространством (от участия в коллективном действии, политическом или социальном, до сообщения (в форме check-in'a в социальной сети) и визуальной коммуникации (селфи в контексте города)) являются отнюдь не индивидуальными, но медиатизированными действиями. Поставщиком этой сети является совокупность участников экономической,

культурной и социальной деятельности, от телекомпании до городских властей, обеспечившей лицензию и доступ на рынок. Современный медиа-потребитель уже не может существовать в отрыве от коммуникационной сети, предоставляющей ему возможность такого взаимодействия (Коулдри, 2012).

Широкое распространение цифровых технологий ведет не просто к очередной смене технологического уклада и общественного устройства, но и кардинально меняет сознание и мировоззренческие позиции современного человека (Садовая, 2018). Учитывая всю совокупность факторов подобного рода влияний, формируются способы наблюдения за процессами формирования активных политических сообществ в социальных сетях, разрабатывается методология анализа их деятельности в онлайн-пространстве (Рябченко, Катермина, Гнедыш, Малышева, 2018).

Вследствие ослабления авторитета социальных институтов традиционного общества, дефицита механизмов социальной самореализации и гражданской активности, из-за разрыва между обещаниями политиков, полностью заполнявшими публичное пространство, и реальной жизнью граждан в обществе появляется готовность осваивать новые модели жизненных стратегий. Можно предположить, что в рамках этого процесса совершается делегирование полномочий представлять интересы людей, утративших свое доверие к традиционным общественным структурам, группам «одного требования». Эти сообщества носят нестабильный характер и, переходя от решения одной социальной проблемы к другой, зачастую намеренно «уходят» от попытки тех или иных структур их политизировать (Садовая, Сауткина, 2015).

Социальные сети становятся источником других ресурсов, составляющих основу социального капитала граждан. Проходит эпоха пространственного господства, порождающего различные формы манипуляции, и постепенно сменяется периодом неопределенности, чреватой возникновением социальных рисков, что способствует переносу социальных ожиданий на микроуровень (Бурдые, 2005). В направлении исследования потенциала солидарности современных сообществ применение понятия социального пространства связывается с рассмотрением взаимодействия социальных акторов как на макро-, так и на микроуровнях. В контексте идентификации различных групп, заполняющих значительную часть современного социального пространства, возникает необходимость определения уровня их взаимодействия, выработки эффективной модели адаптации граждан к самореализации в условиях этой новой реальности.

Гражданская солидарность — ресурс новой модели социального взаимодействия. Под влиянием структурных изменений начинается процесс конструирования приватного пространства, движущей силой которого становится субъективный фактор, когда доминируют индивидуальные интересы и опора на собственные силы. Границы «невмешательства государства» расширяются, публичное пространство отступает или конкурирует с приватным, обладающим своими уникальными характеристиками и свойствами.

Исследователи, рассматривающие приватное пространство как качественно новую реальность относительно прежних норм, правил и образцов достижения целей, устоявших прежде в публичном пространстве, усматривают в этом направленность общества на мобилизацию собственных ресурсов и положительно оценивают по отношению к традиционному патернализму в плане готовности осваивать новые модели социального действия. Таким образом, концепт приватного пространства в настоящее время связывается с кризисом, фрагментацией публичного простран-

ства и приобретает иной исследовательский аспект, позволяющий исходить из того, что приватное пространство не атомизирует общество, как было принято считать, а формирует иной вид социальных взаимодействий (Волков, 2017).

Опираясь на межличностную коммуникацию, мобильную связь, мессенджеры, блоги и ЖЖ у массы людей, появилась возможность не только сочувствовать, но и использовать знания ситуации на местах для организации срочной адресной помощи на собственные средства. *Формируется пространство гражданской солидарности, где активно практикуются способы взаимопомощи все в меньшей степени зависимые от необходимости обращения к официальным СМИ и государству.* Появляются «сети гражданской мобилизации» (СГМ), которые при необходимости могут вступать во взаимодействие с государственными структурами для решения конкретных социальных задач в рамках существующего правового поля (Усачева, 2012).

Для этих целей во всем мире широко применяется институт коллективных петиций. При помощи использования специального ресурса в сети Интернет после получения необходимого числа подписей те или иные требования граждан отправляют для обязательного рассмотрения властей. Вновь раскрывшиеся возможности содержат и новые проблемы. В их числе не только риски различных манипуляций в целях достижения каких-то групповых интересов, но возможность провала самых лучших начинаний из-за юридически неграмотного оформления и последовательности прохождения всех необходимых процедур. В целях предотвращения возможных контрдействий со стороны властей зачастую возникает необходимость обращаться к специалистам, чтобы переводить свои инициативы на юридический язык.

В качестве примера можно привести деятельность глобальной платформы Change.org, которая специализируется на формировании и продвижении петиций. Предоставляя своим пользователям инструменты и ресурсы для продвижения своих петиций, организаторы помогают реализовать важные для них перемены, в основном за счет широкого публичного оповещения, когда власти под давлением общественного мнения вынуждены принимать решения. Как правило, поданные петиции не имеют юридической силы, так как не всегда возможно точно указать число подписавших (из-за возможности «накруток»). В целом число «победивших» петиций выше всего в США, а в странах ЕС этот показатель ниже, чем Российской Федерации (Савелов, 2016).

Способность гражданского общества, включая его организации и отдельных людей, оперативно используя сетевую мобилизацию всех имеющихся ресурсов, решать проблемы в условиях бедствия проявилась во время лесных пожаров 2010 г., охвативших значительную часть РФ. Инертность властей, действующих в режиме ручного управления, стала толчком реальной активности граждан, проявивших свою солидарность с терпящими бедствие людьми. Изучая последствия лесных пожаров непосредственно в местах пострадавших от этой катастрофы, социологи пришли к выводу, что после тушения наступает не менее трудный и ответственный период — «фаза реабилитации». Для полного восстановления требуется не только значительные финансовые затраты, но и усилия в целях эффективного использования ресурсов со стороны большого числа специалистов и добровольцев (Яницкий, 2010).

События 2010 г. дали значительный толчок для объединения граждан, желающих и в дальнейшем использовать полученный опыт и на безвозмездной основе уча-

ствовать в ликвидации последствий различных катастроф. Появляется «Сообщество добровольцев чрезвычайного реагирования», члены которого не только активно участвуют в работе в случае ЧП по всей стране, но и поддерживают и укрепляют свое единство в совместных акциях и мероприятиях. Для оперативного реагирования сообщество имеет свой сайт (<https://pozar-ru.livejournal.com/>), где размещается вся необходимая информация.

Полученный в России опыт, а также изучение реакции местных властей на внезапные природные катаклизмы в других регионах мира, позволили исследователям выделить особую роль «локального знания» в налаживании эффективных контактов между жителями и государственными структурами в экстремальных условиях (Ирвин, 2001). Благодаря современным технологиям эффект «локального знания» значительно усиливается: появление онлайн-сетей расширяет возможности солидарных действий. В условиях бедствия различные организации, официальные лица и местные жители на городских и региональных форумах, в блогах и ЖЖ имеют возможность координировать свои действия режиме реального времени.

Знакомство с конкретными делами тех людей, которые доказали свою готовность на солидарные действия ради общего блага, показывает, что в обществе есть запрос на восстановление порушенных стихиями рынка межличностных связей и взаимного доверия, без которых трудно рассчитывать на созидание и развитие.

Солидарная экономика. В поисках новых ростков развития важно обращаться к самым различным формам солидарности — не только к совместным выступлениям против принятия очередных антисоциальных законов, но и к поиску новых ниш совместного хозяйствования. В процессе разложения прежних структур, происходящего в результате кризисных явлений, формируются новые образования, появляются самоуправляющиеся сегменты, где различные кооперативы, банки времени, параллельные валюты вращаются в отличном от прежней рыночной системы ритме. Наблюдения за развитием данных тенденций привели и ученых экономистов, и практиков к идее необходимости возрождения солидарной экономики.

Иновационный стержень данного проекта заключается в том, чтобы вновь создаваемые объединения оставались уникальными на своей земле, а не тиражировались, превращаясь в нечто стандартное, унифицированное. В настоящее время уже множество союзов, действующих на основе самых разных способов управления общими ресурсами, на практике показали свою жизнеспособность. В результате принципы, на которых базируется солидарная экономика, стали основополагающими для целого движения, распространившего на все континенты. Со временем раскрываются его новые направления: вслед за какой-то оригинальной идеей рождается способ ее реального воплощения.

Помимо родовых черт, присущих кооперативной форме ведения хозяйства, каждая новая форма имеет особые характеристики, обусловленные отраслью ее функционирования. Однако таким предприятиям трудно вступать во взаимодействие со структурами, работающими по старой схеме. Процесс проходит сложно и противоречиво: новые социальные предприятия представляют собой живой организм, спонтанно рождающийся на локальном уровне, который не терпит «нажима» сверху, но в тоже время нуждается в поддержке со стороны общества и государства.

В настоящее время такой вид хозяйствования с его возможностями приспосабливаться и заполнять самые различные ниши и пустоты мирового рынка

становится важным стабилизирующим звеном в экономике самых развитых стран. Особенно интенсивно развивает кооперация в сельском хозяйстве. В США около 84% молочной продукции производят именно кооператоры. По данным статистики в Европе в целом на всех предприятиях, работающих на основе принципов солидарной экономики, трудится 129 504 780 чел., что обеспечивает устойчивость и стабильность жизни и всех остальных членов их семей (Егоров, Штоль, Иншаков, 2017). Французская статистика подтверждает наличие устойчивой тенденции к возрождению этой модели развития: на долю солидарной экономики там приходится 10% валового национального продукта. Такой масштаб данной экономической модели во Франции позволяет решать с ее помощью наиболее болезненные проблемы современного общества: неравенство доходов, загрязнение окружающей среды, угнетение и загнивание тех территорий, которые из-за последствий глобализации оказались на периферии общенационального развития (Сауткина, 2017).

В настоящее время сфера деятельности таких институтов в значительной мере расширилась. Это — общественные организации и общества взаимопомощи, кооперативы, фонды, профессиональные объединения социальной направленности. Существуют и четко обозначенные принципы, которые объединяют все эти структуры: совместное администрирование и управление; ограничение размеров прибыли; запрет на спекуляцию долевыми паями предприятия. Кроме того, есть и моральные установки: приверженность принципам солидарности и взаимопомощи.

Возникновение множества успешных предприятий, работающих на принципах солидарной экономики, а также глобальных сетей, объединяющих единомышленников в поиске новых связующих нитей между социумом и экономикой, позволяет надеяться на возрождение к жизни пространств «затерянных» в глобальном мире. Движение за возрождение солидарной экономики становится одним из значительных явлений, подтверждающих живое участие граждан в поисках альтернативы социального развития.

Накопленный человечеством опыт совместных действий, анализ и интерпретация их последствий показывает, что наличие или отсутствие в обществе запроса на солидарность ярче всего проявляется в период кризиса, когда под давлением самых разнообразных вызовов, не просто ухудшающих положение граждан, но составляющих реальную угрозу их существования, появляется необходимость солидарного поведения. В этих условиях все больше людей осознают необходимость поступиться своими интересами и примкнуть к той группе людей, которые именно в действиях, основанных на принципах солидарности, видят единственный способ решения своих насущных проблем. Каждое конкретное время рождает свои формы и способы объединиться, но всегда именно способность к солидарным действиям помогает народам не просто выжить, но и выйти на новый этап своего развития.

Библиографический список

- Бурдые, П. (2005). *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя.
- Буржуа Л. (1899). *Солидарность*. М.: А. А. Никитин.
- Волков, Ю. Г. (2017). Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидарностского потенциала новой социальной реальности. *Социологические исследования*, 12, 20–29. DOI: 10.7868/S0132162517120030.

- Гофман, А. (2001). *Эмиль Дюркгейм в России: Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли*. М.: ГУ ВШЭ.
- Гофман, А. (2013). Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции. *Социологический ежегодник*, 1, 97–167. Режим доступа <https://rucont.ru/efd/476559>
- Добренков, В. (ред.). (1996). *Западно-европейская социология XIX века. О. Конт, Д. С. Милль, Г. Спенсер: Тексты*. М: Международный университет бизнеса и управления.
- Дюркгейм, Э. (1991). *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука.
- Егоров, В. Г., Штоль, М. В., Иншаков, А. А. (2018). Сельскохозяйственная кооперация: вопросы теории, региональный аспект. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*, 3 (55). Режим доступа <https://eee-region.ru/article/5501/>.
- Лапкин, В. В., Семененко, И. С. (2013). «Человек политический» перед вызовами «infomodernity». *Полис. Политические исследования*, 6, 64–81.
- Луман, Н. (1996). Общество, интеракция, социальная солидарность. *Человек*, 3, 100–107.
- Луман, Н. (2005). *Реальность массмедиа*. М.: Праксис.
- Луман, Н. (2005). *Эволюция*. М.: “Логос”.
- Малькова, В. К., Тишкова, В. К. (ред.) (2016). *Антропология медиа: теория и практика*. М.: ИЭА РАН.
- Маркс, К. (1960) Гражданская война во Франции. В К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*. Изд. 2. М: Государственное издательство политической литературы (с. 347–348). Москва: Политиздат.
- Мартынова, Е. Директор Change.org Дмитрий Савелов: «Каждый день выигрывает одна петиция». *Новые известия*. Режим доступа <https://newizv.ru/news/society/14-10-2016/247944-direktor-shangeorg-dmitrij-savelov-kazhdyj-den-vyigryvaet-odna-peticija>
- Мирошниченко, И. В. Морозова, Е. В. (2017). Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. *Политические исследования*, 2, 82–102. Режим доступа <https://dlib.eastview.com/browse/doc/48608489>
- Морозова, Е. В. (2014). Гибридные субъекты публичной политики: антиистеблишментские партии. *Вестник ВГУ Серия: История. Политология. Социология*, 4, 90–93.
- Пушкарев, Б. (2003). Российский солидаризм: вчера и сегодня. *Посев*, 4, 11–18.
- Рябченко, Н. А., Катермина, В. В., Гнедаш, А. А., Малышева, О. П. (2018). Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19 (3), 139–162.
- Садовая, Е. С. (2018) Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19 (3), 6–20.
- Садовая, Е. С., Сауткина, В. А. (2015). *Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект*. М.: ИМЭМО РАН.
- Сауткина, В. А. (2017). Возрождение солидарной экономики: попытка реализации утопии или реальная мотивация к развитию? *Мировая экономика и Международные отношения*, 61 (1), 63–71.
- Усачева, О.А. (2012). Гражданское общество и правовое государство. *Общественные науки и современность*, 6, 35–42.
- Яницкий, О. Н. (2010). Модернизация и реабилитация после пожаров и наводнений. *Вестник Института социологии*, 1, 364–377.
- Яницкий, О. Н. (2011). Риск солидарности в критической ситуации. *Социологический ежегодник*, 1, 143–161.
- Battin, J. M. (2005). The Essence That Is Belonging Together: Identity, Embodiment, and Skillful Coping During the 2015 Greek Referendum. Retrieved from <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244017717300>

- Beck, U. (1992). *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: SAGE.
- Couldry, N. (2012). *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*, Malden, MA: Polity. Press. Retrieved from: file:///C:/Users/User/Downloads/3472-13971-1-PB%20(1).pdf
- Irwin, A. (2001). *Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Malden, MA: Polity. Retrieved from <https://trove.nla.gov.au/work/16029354?q&versionId=46553503>
- Latzer, M., Büchi, M., Festic, N., Just, N. (2001). *Internet und Politik in der Schweiz 2017*. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/321288050>
- Sorokin, P. (1947). The Roles of Similarity and Dissimilarity in Social Solidarity and Antagonism. In Sorokin P.A. *Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology* (pp. 132–144). N.Y.; L.: Harper a. bros.
- Schroeder, R. (2017). Towards a Theory of Digital Media. *Information, Communication & Society*, 21 (2), 1–17. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1289231

Статья поступила в редакцию 04.04.2019

Статья принята к публикации 25.04.2019

Для цитирования: Сауткина В. А. *Общественный запрос на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность.* — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 70–85.

PUBLIC REQUEST FOR SOLIDARITY: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERN REALITY

V.A. Sautkina

Vera A. Sautkina, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia. E-mail: vera-sautkina@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6891-7726

Abstract. It is assumed that in the present-day individualized and culturally diverse society there is an urgent need for a new form of solidarity to bring people together. During transitional periods the need for people to stick together is increasing. Losing the opportunity for real cooperation in solving problems in the sphere of social well-being and in searching for new goals and purposes, makes people look back, discover new senses in the long-forgotten past, and move ahead. At such times, the phenomenon of solidarity is becoming the major factor in the development of mutual aid institutions for individuals, social groups and communities, which is well traced in scientific discourse. The research of the solidarity phenomenon is becoming all the more complicated because it is discussed across the most diverse types of discourse, including ideological and political ones. While interpreting the phenomenon of solidarity in every concrete event of social reality, whether it is registered or not, it is important not to be involved into only one or the other. Since it is a well-established fact that ideological and political discourses are often confused, this approach seems an important methodological problem, most difficult to solve. The article is aimed at assessing the prospects of civic participation and at creating an institutional environment of interaction in which readiness for solidarity practices is manifested. The research is based on the assumption that at the time when a new social reality is being created and when individuals and groups of people simultaneously exist in two dimensions (traditionally institutionalized and virtual), there appear some new ways of causing joint actions. With the help of the methodological approach whose aim is to examine the phenomenon of solidarity from three angles (social, political and economic) the research demonstrates the birth of new types and forms of solidarity that open up new vistas for consolidation, as well as risks of undue risks.

Keywords: ideological and political solidarity, solidarism, risk-solidarity, social space, private space, civil solidarity space, solidary economy.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-70-85

References

- Battin, J. M. (2005). The Essence That Is Belonging Together: Identity, Embodiment, and Skillful Coping During the 2015 Greek Referendum. Retrieved from <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244017717300>
- Beck, U. (1992). *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: SAGE.
- Bourdieu, P. (2005). *Sociologija social'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space] SPb.: Aletejja; M.: Institut eksperimental'noj sociologii.
- Bourgeois, L. (1899). *Solidarnost'* [Solidarity]. Moskva: A. A. Nikitin.
- Couldry, N. (2012). *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*, Malden, MA: Polity. Press. Retrieved from: [file:///C:/Users/User/Downloads/3472-13971-1-PB%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/3472-13971-1-PB%20(1).pdf)
- Dobren'kov, V. (Ed.) (1996). *Zapadno-evropejskaya sotsiologiya XIX veka*. O. Kont, D. S. Mill', G. Spenser: *Teksty*. [Western European sociology of the XIX century. O. Kont, J. S. Mill, G. Spencer: Texts]. M.: Mezhdunarodnyi universitet biznesa i upravleniya.
- Durkheim, E. (1991). *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society. Method of Sociology]. M.: Nauka.
- Egorov, V. G., Shtol', M. V., Inshakov, A. A. (2018). Sel'skokhozyaistvennaya kooperatsiya: voprosy teorii, regional'nyi aspekt. [Agricultural Cooperation: Theoretical Issues, the Regional Dimension]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal], 3 (55). Retrieved from <https://eee-region.ru/article/5501/>.
- Gofman, A. (2001). *Emil' Dyurkgeim v Rossii: Retseptsiya dyurkgeimovskoi sotsiologii v rossiiskoi sotsial'noi mysli* [Émile Durkheim in Russia: Reception of Durkheimian Sociology in Russian Social Thought]. M.: GU VShE.
- Gofman, A. (2013). Solidarnost' ili pravila, Dyurgeim ili Khaiek? O dvukh formakh sotsial'noi integratsii [Solidarity or Rules, Durheim or Hayek? On Two Forms of Social Integration]. *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook], 1, 97–167.
- Irwin, A. (2001). *Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Malden, MA: Polity. Retrieved from <https://trove.nla.gov.au/work/16029354?q&version-Id=46553503>
- Lapkin, V. V., Semenenko, I. S. (2013). "Chelovek politicheskii" pered vyzovami «infomodernity» ["A Person Political" before the Challenges of "Infomodernity"]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Researches], 6, 64–81.
- Latzer, M., Büchi, M., Festic, N., Just, N. (2001). Internet und Politik in der Schweiz 2017. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/321288050>
- Luman, N. (1996). Obshchestvo, interaktsiya, sotsial'naya solidarnost' [Society, Interaction, Social Solidarity]. *Chelovek* [Human], 3, 100–107.
- Luman, N. (2005). *Evolutsiya* [Evolution]. M.: "Logos".
- Luman, N. (2005). *Real'nost' massmedia* [Reality of the Media] M.: Praxis.
- Mal'kova, V. K., Tishkova, V. K. (Eds.) (2016). *Antropologiya media: teoriya i praktika* [Media Anthropology: Theory and Practice] M.: IEA RAN.
- Martynova, E. Direktor Change.org Dmitriy Savelov: "Kazhdyy den' vyigryvaet odna peticiya". [Dmitriy Savelov, Change.org Director: "One Petition Wins Every Day"]. *Novye izvestiya* [Novye Izvestia]. Retrieved from <https://newizv.ru/news/society/14-10-2016/247944-direktor-shan-georg-dmitrij-savelov-kazhdj-den-vyigryvaet-odna-peticija>
- Marx, K. (1960) *Grazhdanskaya voina vo Frantsii*. [Civil War in France.]. In K. Marks, F. Engel's. *Works*. 2nd impression (347–348). M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Miroshnichenko, I. V. Morozova, E. V. (2017). Setevaya publichnaya politika: kontury predmetnogo polya. [Network Public Policy: Outlines of Subject Field]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political Studies], 2, 82–102 .

- Morozova, E. V. (2014). Gibrnidnye subʹekty publichnoi politiki: antiestablishmentskie partii [Hybrid Agencies of Public Policy: Antiestablishment Parties]. *Vestnik VGU Seriya: istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 4, 90–93.
- Pushkarev, B. (2003). Rossiiskii solidarizm: vchera i segodnya [Russian Solidarity: Yesterday and Today]. *Posev* [Posev], 4, 11–18.
- Ryabchenko, N. A., Katermina V. V., Gnedash, A. A., Malysheva, O. P. (2018). Politicheskii kontent sotsialʹnykh dvizhenii v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv: metodologiya analiza i issledovatelʹskaya praktika [Political Content of Social Movements in the Online Space of Modern States: Methodology of the Analysis and Research Practices]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsialʹnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 19 (3), 139–162.
- Sadovaya, E. S. (2018). Chelovek v tsifrovom obshchestve: dinamika sotsialʹno-trudovykh ot-noshenii. [People in a Digital Society: Dynamics of Social and Labor]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsialʹnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 19 (3), 6–20.
- Sadovaya, E. S., Sautkina, V. A. (2015). *Transformatsiya printsipov sovremennogo miroustroistva: sotsialʹnyi aspekt* [Transformation of the Principles of the Modern World Patterns: the Social Aspect]. M.: IMEMO RAN.
- Sautkina, V. A. (2017). Vozrozhdenie solidarnoi ekonomiki: popytka realizatsii utopii ili realʹnaya motivatsiya k razvitiyu? [A Revival of Solidarity Economics: Attempt at Implementing or a Real Motivation to Develop?]. *Mirovaya ekonomika i Mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 61 (1), 63–71.
- Schroeder, R. (2017). Towards a Theory of Digital Media. *Information, Communication & Society*, 21 (2), 1–17. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1289231
- Sorokin, P. (1947). The Roles of Similarity and Dissimilarity in Social Solidarity and Antagonism. In Sorokin P.A. *Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology* (pp. 132–144). N.Y.; L.: Harper a. bros.
- Usacheva, O. A. (2012). Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo [Civil Society and the Rule-of-Law]. *Obshchestvennye nauki i sovremennostʹ* [Social Sciences and Modernity], 6, 35–42.
- Volkov, Yu. G. (2017). Privatnoe prostranstvo: opyt sotsiologicheskoi refleksii solidarstskogo pogtentsiala novoi sotsialʹnoi realʹnosti [Private Space as a Research Problem of Sociological Reflection of the Solidarist Potential for New Social Reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 12, 20–29. DOI: 10.7868/S 0132162517120030.
- Yanitskii, O. N. (2010). Modernizatsiya i rehabilitatsiya posle pozharov i navodnenii [Modernization and Aftercare Following Fires and Floods]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 1, 364–377.
- Yanitskii, O. N. (2011). Risk solidarnosti v kriticheskoi situatsii [The Risk of Solidarity in a Critical Situation]. *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook], 1, 143–161.

Received 04.04.2019

Accepted 25.04.2019

For citation: Sautkina V.A. Public Request for Solidarity: Historical Retrospective and Modern Reality.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 70–85.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

NEW TENDENCIES IN TURKISH MIGRATION TO GERMANY AT THE TURN OF THE XX CENTURY: SOCIAL AND DEMOGRAPHIC ASPECTS

C. B. Dogan, Ya. V. Rakacheva

Chagla Berivan Dogan, E-mail: cagla.dogan@mail.ru. ORCID 0000-0002-3910-1234

Yaroslava V. Rakacheva, E-mail: soccenter.kubsu@gmail.com. ORCID 0000-0003-0540-6408

Kuban State University, 149, Stavropol'skaia Str., Krasnodar, 350040, Russia

Abstract. The article deals with the urgent problem of migration from the Republic of Turkey to Germany in 1960–2000. In 1950, still struggling along considerable economic problems caused by the lack of workforce after WW2, Germany implemented a program to attract workers from a number of European and Mediterranean countries. A considerable share of those migrants were the citizens of Turkey that was experiencing a deep social, economic and political crisis. Initially, Germany's migration program assumed that the labor migrants would stay temporarily, without the right to permanent residence. However, over several decades, the major part of Turkish labor migrants were admitted to citizenship, and Turkish diaspora in Germany has become one of the most powerful and consolidated communities in Europe. The paper is focused on the social and demographic aspects of this migration flow including its dynamism, scales of migration, and its gender, age and professional structures. The research has shown how socio-economic and political situation change the direction, the structure and intensity of migrations and how they themselves transform under their influence. The article studies the background of the phenomena and gives a detailed analysis of its present state. The research is supported by the statistic data borrowed from the Federal Statistical Department of Germany (Statistisches Bundesamt), the International Organization for Migration (IOM), the Turkish Statistical Institute, the Statistical Office of the European Communities, etc. The article has emphasized radical changes in the character and the scale of contemporary Turkish migration to Germany.

Key words: migration, labor migration, adaptation, integration, Turkey, Germany, migration background, migration flow.

Introduction

Due to its geopolitical location, Turkey has a diverse migration history that can be divided into the Ottoman period and the Turkish-republican period which began in 1923 after the formation of the Republic of Turkey. These two periods are radically different, both in their strategic tasks and the general context of state ideology. The events analyzed in the research are closely connected with the latter period.

A complicated socio-economic and political situation in Turkey in the second half of the 20th century used to prod and is still prodding the most active groups of population into migrating abroad. One of the mass migration flows over several decades was the Turks' migration to Germany.

It was caused by the fact that still struggling along considerable economic problems caused by the lack of workforce after WW2, in the 1950s Germany implemented a program to attract workers from Southern Europe and the Mediterranean region. The contracts were signed with Italy (1955), Spain and Greece (1960), Turkey (1961), Morocco (1963), Portugal (1964) and Tunisia (1965) (Masumova, 2009). The project was based on the principle of temporary labor migration without admitting guest workers (Germ. Gastarbeiter) to German citizenship.

Migrant laborers from the Turkish republic made up the largest number of all guest workers. That number did not change, and up to the 1990s (Al'pautov, 2009) Turkey was officially termed "the country of migrants". It was conditioned, in the first place, by the socio-economic and political factors (called "traditional" in theoretical literature) that

stood behind migration flows from the Republic of Turkey. Both the country's official policy and the legal system were led by those factors and worked to facilitate the export of labor force. At the turn of the XX century the situation changed radically: Turkey went through a variety of international migration flows.

Germany's migration policy has also changed. The country has acknowledged the fact that migration oriented from the start at the temporary stay of guest workers is still going on and has become an important element of the state program. Since 2000, Germany has at last positioned itself as an emigration state after decades of denying immigration reality. This resulted in the change of the migration paradigm. From the support of immigration and unilateral integration requirements it was aimed at intentional encouragement of specific immigration and to social responsibility for integration that was named "the policy of catching up with integration" (Vlasov, 2008).

The combination of these two factors (the pushing out Turkish and the attracting German) is extremely important in understanding the migration processes taking place in Germany and in the EU at large. This specific situation has defined the goals, tasks and the logics of the research.

Theoretical Background of the Research

The sentience need of migration phenomenon dates back to active migration flows at the turn of the XIX century and is one of the topical theoretical and practical issues of present-day social sciences. During more that a hundred-years of its history, migration has been studied at various angles including economic, sociological, legal, and demographic approaches, etc. Each of them interprets the phenomenon as a concept with its different aspects (factors, types, forms, etc.) in their own way.

There exist a sufficient number of theoretical papers on Turkish immigration. This particular paper is oriented towards the research of historical, political and legal situation that existed in Turkey in the second half of the XX century. It is these circumstances that gave impetus to mass emigration of the Turkish citizens and made it the object of the research.

The problems of Turkish migration were touched upon by a number of Western researchers (G. Sheffer, H. Genscher, K. Heinz, M. Braun, M. Kremer, M. Kohls, S. Rühl, M. Sauer, H. U. Brinkmann, Y. Erim, B. Glier). They were mostly oriented towards the study of the Turkish migrants' integration, the economic aspects and the impact the migration from Turkey had on Germany and the EU, as well as on the cultural influence of the Turkish diaspora and its place in European community.

The problems of Turkish emigration and the Turks' adaptation abroad were also studied by the researchers in Russia (N.N. Ksendzyk, T.S. Kondrat'eva, I.S. Novozhenova, S.V. Pogorel'skaia, E.K. Kadirov, N.R. Masumova, V.V. Slobodeniuk, I.V. Akulova, N.S. Gubanova etc.). Russian researchers mostly concentrate on analyzing the experience of integration and cultural interaction of the Turkish diaspora with the receiving European community.

Quite a few Turkish researchers dealt with the same problem (S. Erder, A. Kaya, F. Kentel, M. Gür, N. Abadan-Unat, A. Icduygu, A. Gokdere, K. Kirisci, A. Nassehi, etc.). Of special interest in their works is the research of the Turkish migrants' life experience, their interaction with the receiving community, their legal status in Germany, et al.

The above-mentioned problems remain topical and are actively developed in modern theoretical literature. This fact is accounted for by the changes in migration flows (in their structure and directions), as well as by the changes in the public mood and consequently in the migration policy in the receiving countries.

Methodology and goals of the research

This paper is aimed at analyzing the dynamics of migration flows from Turkey to Germany at the turn of the XX century including their scope, structure and their aftermath for the demographic and socio-political development of the receiving community. Sparsely touched upon in the early researches, these aspects of Turkish migration should be studied thoroughly. This approach is important because objective (both physical and demographic) characteristics of migration and migrants underlie the situations and processes that become apparent in the reaction of the receiving community.

Theoretical and methodological foundations of the study are made up of sociological, historical, statistic, economic researches carried out by domestic and foreign authors who wrote about the problems of migration, adaptation and interaction of the migrants with the receiving communities.

In our analysis of socio-demographic aspects of the Turkish migration to Germany we followed the basic principles of the migration transition theory, migratory nets, synthetic theory of migration, new economic theory of migration and the theory of segmented market because they help to account for the changes in the structure of migration flows, the migrant's motivation, et al.

The empirical foundations of the research are the data of the Federal Statistics Department of Germany (Statistisches Bundesamt) on emigration, the International Organization for Migration (IOM), the Turkish Statistical Institute, the Statistical Office of the European Communities, et al. The topicality, the scope and the multi-layered foundation of the research have enabled the authors to reach the set goals.

The Background of the Research

The institution of the Republic of Turkey in 1923 determined new directions of migration flows. Outward travel was limited by law. Some considerable migration flows were caused by consolidation movement in Turkish society. Besides, turkization of public life resulted in forcing out a number of non-Turkish groups of the population, e.g., the Greeks, the Armenians, the Jews, et al.

WWII brought changes into global migration policy. It is accounted for by a complicated demographic situation in Europe as well as by the collapse of the world colonial system. Because of this, all the leading countries felt the necessity for labor resources, to this or that extent. In most countries, the problem was settled through migration from former colonies. Having lost its influence and power as a result of WWII and not being a colonial state, Germany had no such source of work force. As a result, it introduced the policy of attracting work force from other countries.

In 1961, a new Constitution of the Republic of Turkey was adopted. In accordance with the standards of international relations, the Constitution guaranteed every citizen the right to free entry and exit. This article of the Constitution became the starting point in mass emigration of the Turks abroad. Simultaneously, the Turkish government signed a number of treaties with the European countries thus ensuring their right of entry to work "on invitation".

The beginning of mass emigration coincided with the implementation of the state programs aimed at economic development. The export of work force from Turkey to the developed countries was part of the program and presupposed that new knowledge and competences will contribute to the development of Turkish economy after the migrants return home.

According to experts, the Turkish citizens who worked abroad in the 19603–1970s sent currency home. That was the main source of currency receipts for Turkey and it facilitated its economic development (Mel'nikov, 1988). Since 2002 the volume of currency inflow has grown shorter, to 0,2% (Kudriashova, 2010).

The export of labor force from Turkey was stipulated mostly by the receiving countries, although the interest was mutual.

In 1961 Turkey signed its first agreement with West Germany, so Germany was the first receiving country for Turkish work force. Then bilateral agreements were signed with Austria, France, Holland (the Netherlands) and Sweden (Al'pautov, 2009).

Germany's interest in attracting this kind of work force was conditioned by economic and demographic factors. Under growing depopulation the country received cheap foreign labor force, that was basically unskilled and could not compete with the local population in getting well-paid jobs; moreover, their jobs were not covered by the majority of social programs (Vlasov, 2008). Some researchers consider that the real reason behind this kind of policy was the critical demographic situation in Germany after WWII enhanced by the crisis in economy. Hence a considerable effect of the foreign work force (Kireev, 2002).

The situation on the labor-market in Turkey was critical and was complicated by the agrarian over-population, the increasing level of unemployment (another acute social problem), the cost of living increase under inflation, price spiraling, low wages, et al. In this situation the government encouraged the export of labor force (Slobodeniuk, 2011). Eventually, the export of the Turkish work force to European countries became a state policy (Kudriashova, 2010).

According to the Turkish Employment Agency data, the following numbers of the Turkish citizens were sent to work abroad in 1961–1973: 648,000 to Germany, 200 to Saudi Arabia, 900 to the Lebanon, 140, 800 to other countries. According to official reports, the total figure was 790,300 persons. In 1974–1989 the migrants flows were reallocated. Germany curbed the number of the Turkish migrants. The Bureau sent only 10,000 workers to Germany while far more migrants went to the East. 252,600 were sent to Saudi Arabia, 200,400 to the Lebanon, 95,400 to other Eastern countries (the total of 558,400). The 1990–1998 also registered low numbers of Turkish migrants to Europe, and to Germany, in particular (14,100). At the same time, the number of Turkish migrants to other countries was increasing: (203,800 went to Saudi Arabia, 26,800 to the Lebanon, 199,800 to other countries (the total of 444,500). Thus, the Turkish Bureau of Employment sent 672,100 to Germany, 456,900 to Saudi Arabia, 228, 100 to the Lebanon and 436, 100 to other countries. All in all, about 2,000,000 official Turkish migrants have worked outside Turkey since 1961 (Erder, 2002).

However, these numbers are official statistics data and they do not coincide with the real number of Turkish citizens who went abroad. The working migrants were followed by their families. Initially, in accordance with the agreement, the status of the migrants was temporary, but since 1964 the temporary resident's status was substituted for a longer stay.

The 1973 oil crisis affected economic relations in Europe and told on the numbers of labor migrants as the recruiting quotas were seriously limited. It affected the structure of migrant flows, and the main channel of "official" migration from Turkey was immigration for family reunification (Trudovaia migratsiia and..., 2016). At the same time, considerably fewer labor migrants settled in Saudi Arabia and the Lebanon because of some legal and political reasons.

One more important factor to influence Turkish immigration was political. In the second half of the XX century Turkey went through a number of military coups that were followed by the prohibition of some political parties and political movements and by criminal prosecution of certain political and cultural figures. These persecutions resulted in immigration of thousands of Kurd separatists and Islamites, et al, whose activity was banned in Turkey and who sought asylum outside the country (Chulkovskaia, 2014).

Since 1980, when labor migration was officially limited and exit visas were more difficult to get, the migrant flow has grown at the expense of asylum seekers and pseudo-tourists. Political refugees were, basically, covert economic immigrants. According to statistics data, the total number of Turks seeking asylum in Western European countries came up to 330,000 in 1994 (Vlasov, 2008).

The labor migrants' families, political refugees, et al, facilitated the growth of Turkish diaspora in European countries, especially, in Germany.

According to 1999 data, 3,131,900 Turkish citizens resided in European countries (1,044,900 of them worked); 2,110,200 lived in Germany (740,500 of labor force). Of all Turkish citizens living abroad 90,5% fell to the share of Western Europe (86,6% of them were labor migrants); 60,9% and 61,4% respectively went to Germany. In the Persian Gulf countries, there resided 128,500 Turkish citizens (121,900 of them were labor migrants): respectively, 3,7% of all Turks living abroad and 9,5% of all Turks working abroad. In other countries, there were 201,800 Turkish migrants (5,8%) including 39,200 working migrants (3,3%). Out of this number, 85,500 Turks resided in the USA (2,5%), 49,300 Turks resided in Australia (1,4%) including 12,900 working migrants (1,1%), 13,000 resided in CIS countries (0,4%) including 10,500 working migrants (0,5%). Totally, by the beginning of New Millennium about 3,500,000 (3,462,200) Turks resided outside Turkey including 1,206,100 working migrants (Erder, 2002).

As the statistics shows, the number of the Turkish residents in Western European countries is far higher than the number of those working. It was conditioned by many factors: the low level of return, family reunification and family business not covered by statistics. The number of Turkish citizens living outside Europe was, on the contrary, far lower, as they returned home after their work visas had expired. Thus, according to official statistics data, the total number of the Turks sent to work in CIS countries made up about 200,000 since 2000 but the real number of working migrants is about 10,000 (Masumova, 2009).

Thus, a number of factors contributed to the mass flow of the Turkish population to European countries. According to 2006, 3,400,000 Turks lived abroad (52,1% in Germany, 12,75% in France, 11% in Holland). From 1972 to 2006, 732,500 Turks were admitted to citizenship in Germany; from 1946 to 2005, 228,300 Turks got citizenship in Holland; from 1985 to 2006, 129,500 Turks were admitted to citizenship in Belgium. In total, 1,480,300 Turks were admitted to foreign citizenship as of 2006. Traditionally, Germany is the leader among other states as to the number of Turks-residents. Nowadays, the Turkish diaspora amounts to 2–3 mln people and is the most numerous among all the other groups of immigrants.

Present-day state of the problem

In the last few years Germany has become one of the most important havens of international migration. This can be accounted for by two determining factors. Firstly, the flow of migrants from other EU member-states is increasing due to the end of the transition period agreements on free movement of workers; secondly, intra-European migration

has risen as a result of economic and financial crisis in Europe. On the other hand, the number of the Third World countries' migrants, particularly the refugees, is constantly growing. This growth spreads over other immigration channels (Fon Leffel'khol'ts, 2016).

Under these conditions, Germany has become the primary destination for migration flows to EU. Its № 1 status among the receiving countries has brought about the situation when every fourth resident in Germany has some experience in migration or, according to the present-day German official terminology, 'migration background' (Vlasov, 2008).

While in 1993 the migrants' share in the population structure of Germany came up to 8, 5%, by 2003 it had grown insignificantly and equaled to 8, 9% (Semenenko, 2006), the next years witnessed a considerable growth of migration flows. The peak of migration fell to 2015, when the number of migrants arriving in Germany reached almost 2 mln (1, 8 mln) and the net immigration was about 1, 1 mln. Over the next few years the flow distinctly sank. In 2017 the migration balance in Germany was equal to 534, 900 (1, 18 mln arrivals and 0, 64 mln departures). It was a considerable decrease in comparison with 2016 when the positive migration balance equaled to 642, 900. In comparison with 2015, the migration balance shrank 2.3 times (International Migration Report, 2017).

As a result of active migrations, 16, 4 mln people out of 80, 9 mln who lived in Germany in 2015 (practically, every fifth person) had a migration background (International Migration Report, 2017). Statisticians include into this category all foreign residents who were admitted to German citizenship. Besides, here belong ethnic Germans who arrived in Germany after 1949 and those citizens of the FRG, if at least one of their parents was a foreigner. A person has a migration background if he / she himself / herself or at least one of their parents is alien born.

According to 2017 Federal Statistics Department of Germany (Statistisches Bundesamt) microcensus, there were 19,3 mln migrants, which makes almost a quarter (23, 6%) of all private households (Statistisches Bundesamt, 2018).

In 2017–2018, Germany is in the top ten countries in terms of international migrants' numbers and comes third after the USA and Russia. According to Federal statistics, there are 12 mln migrants besides the 19, 3 mln with the migration background (Total number of international migrants, 2017).

The IAW report on 2016–2017 migration data, drawn up by the FSDG (Statistisches Bundesamt) on migration and refugees, the main relocations take place inside the EU; the migrants' exchange between Germany and other European countries ranks first. At the same time, in 2016 the number of Turkish immigrants who entered Germany was 41, 300 (2, 2% of all those who came to Germany). In comparison with 2015, the migration flow grew by 26, 3%. In 2017 the share of the Turkish immigrants in the general migration flow equaled 3, 1% out of 47, 800 of all the immigrants. At the same time, 30, 500 (2016) and 27, 000 (2017) persons went back to Turkey. Thereafter, the migration balance of the exchange was 10, 800 in 2016, and 20, 700 in 2017 (Migrationsbericht der Bundesregierung 2016/2017, 2019).

Thus, in the XXI century Turkish immigration to Germany remains topical as both the size of the migration flow and the migration balance have been growing.

Changes in the scale of migrations take place against the background of changes in the structure of migration flows. According to FSDG (Statistisches Bundesamt) data, fewer asylum applications are submitted, i.e. this category is being reduced. 722. 400 asylum applications were handed in in 2016. Next year, there were only 198, 300 such petitions. On the whole, it testifies to the fact that Germany managed to cope with the high level of

Table 1. Migration from Turkey to Germany in accordance with § 18 of Residency Act (Stay for Paid Work), people

Year	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Total, people	1473	1133	1115	1111	1189	1376
Women	177	158	183	180	176	170
Women,%	12,0	13,9	16,4	16,2	14,8	12,4

migration. However, the number of Turkish migrants seeking asylum in Germany in 2017 grew by 15, 6% with relation to 2016 ((Total number of international migrants, 2017).

In 2017, the majority of the Turkish migrants came to Germany for family reasons (7, 700, or 27%). In 2016 the figure was 31, 9%, i.e. 4, 9% less. Another 1, 600 Turks came to Germany with exploratory aims in view: language courses and schooling (90), other kinds of training (37); 2, 200 Turks came in search of jobs; 1, 500 Turkish citizens were invited by the organizers of humanitarian programs; 453 persons came for other reasons (Migrationsbericht der Bundesregierung 2016/2017, 2019).

Out of all arrivals, 2, 400 were granted permission to settle, 357 got leave to stay and 4, 400 were accorded residency status (Migrationsbericht der Bundesregierung 2016/2017, 2019).

According to AZR data, in 2007, 15366 Turks came to Germany for over a year period; in 2008 their number was 14, 536; in 2009–14, 749; in 2010–15, 140; in 2011–16, 535, in 2012–15, 168; in 2013–15, 282; in 2014–16, 444; in 2015–18, 019; in 2016–24, 962. Among all foreigners in Germany staying for more than a year, the Turks come third (2, 7%) after the migrants from Rumania and Syria (International Migration Report, 2017).

An important constituent part in the structure of present-day migration flows is female representation. In 2017, 10, 900 women (38, 3%) arrived in Germany (Migrationsbericht der Bundesregierung 2016/2017, 2019).

Among the Turkish migrants from 2012 to 2017, the share of women is comparatively stable but rather low (Table 1). Compare it with 2017, when out of all Ukrainian migrants, working women made up 68, 7% and working women from Russia made up 65, 4% (Statistisches Bundesamt, 2018). It is highly probable that working women from Turkey are underrepresented in official statistics as the majority of them come to Germany for family reasons.

It is extremely significant that in the last few years the number of Turkish citizens who get permanent residency status as qualified specialists is noticeably growing, as it is for migrants from India, China and Japan. Out of all Turkish migrants who were accorded residence permits in Germany on the basis of work in 2016 there were 197 (16, 6%) qualified specialists and 38 (3, 2%) qualified public interest professionals. In 2017 the share of the former shortened to 14, 2% (196 persons), while the share of the latter grew up to 83, 6% (1151 persons). The share of the public interest professionals reduced to 21% (29 persons) (Statistisches Bundesamt, 2018).

The number of Turkish female migrants who were granted residence permits in connection with the need for unskilled labor is a little larger than the number of qualified specialists. However, their share in the respective categories is microscopic in comparison with male migrants. It is especially noticeable with reference to female migrants from other countries (Table 2). En masse, the data prove that female migration from Turkey still remains family reunification oriented (Migrationsbericht der Bundesregierung 2016/2017, 2019).

Table 2. Getting Residency Status in Germany in 2017 in accordance with Work Permit by Skill Level

Country	Unskilled work			Skilled work			Skilled work in the sphere of public		
	Total	Including women		Total	Including women		Total	Including women	
		чел.	%		чел.	%		чел.	%
China	235	183	77,9	1796	406	22,6	16	6	37,5
Japan	305	146	47,9	1500	218	14,5	6	2	33,3
Turkey	196	19	9,7	1151	145	12,6	29	6	20,7
Ukraine	596	481	80,7	263	111	42,2	9	4	44,4
Canada	451	206	45,7	342	138	40,4	12	4	33,3
Russia	361	311	86,1	367	170	46,3	15	5	33,3

In 2017, in accordance with § 20 of the Federal Act on Accommodation that regulates the entry of scientists from Third World countries, 877 researchers (52 of them Turkish citizens, including 22 women) arrived into Federal territory and were granted residency permits (Migrationsbericht der Bundesregierung 2016/2017, 2019).

The number of self-employed immigrants who got residency status (§ 21 of the Federal Living Act) grew twice as much in 2017 in comparison with 2016 and equaled 112 persons (31 women), which makes 6,3% of all those who entered Germany on the same basis (Migrationsbericht der Bundesregierung 2016/2017, 2019).

The number of Turkish students who come to Germany to study has grown from 747 in 1999 to 3,500 in 2017 (Statistisches Bundesamt, 2018).

The total amount of Turkish students is competing with the number of students from India and Russia. The most popular specialties are engineering, law, economy and social sciences (Table 3).

Judging by the table, the figures of official labor migrants from Turkey are practically insignificant in the general flow of migrants who came to Germany in the last few years. The most characteristic feature of the present-day Turkish labor migration is the predominance of migrants who come for a certain period of time enough to carry out some project and who are recruited by Turkish or foreign companies stationed abroad. This practice is most characteristic of Saudi Arabia, Kuwait, the Lebanon, Israel, and / or the CIS countries. However, this migrant flow is temporary and narrow in scope in that it is restricted to certain professionals, so that it is radically different from former labor migration to Western European countries. Permanent settlement and family reunion are not allowed for these migrants, and the future of this form of migration will depend on the number of firms that win contracts abroad and on whether they will prefer to recruit Turkish workers (Erder, 2002).

Of late, contract employment has been supported and developed by the National Employment Service (NES) of the Republic of Turkey. In 2007, for example, the NES sent abroad 70,000 persons on a contract basis, while there were only 13,600 persons in 2000. 58,5% of holders of the negotiated contracts went to the CIS countries, 34,2% went to the Middle East countries, and only 6,8% were sent to Western European countries (International Migration Report, 2017).

This situation is facilitated, to a certain degree, by some objective circumstances that prevent Turkish migration to Europe. First of all, it is the aggravation of economic situa-

Table 3. Foreign Students in Germany (2017). According to Subject Groups and the Countries of Origin

Country	Students, total	Including in subject groups							
		Total	Humanities	Law, economy, public sphere	Maths, natural sciences	Engineering	Medicine, science, health	Art and culture	Other
China	6999	6581	5571	489	681	3184	122	418	129
India	3178	3154	31	354	377	2258	48	19	54
Turkey	3956	834	70	229	113	342	22	39	19
Russia	2560	2076	338	891	206	415	39	136	48

tion in the receiving countries that was caused by the 2008 economic crisis. It resulted in the substantial growth of unemployment and, consequently, to criticism of the European integration policy. Because of this, the re-distribution of labor resources inside the EU, as well as the drift of labor from outside was no longer topical.

The integration of the Republic of Turkey with the EU was slowing down, even though Turkey had been the applicant for the entry since 2000. In this situation, the Turkish political elite become aware of the comparatively low probability of the integration in the nearest future, yet they are aware of the growing geopolitical role of Turkey in the region.

The changing political and economic climate the world over and a growing number of local conflicts resulted in powerful migration flows. This fact influenced the strategic priorities of the Republic of Turkey that was becoming the country of both migration and immigrations since 1990s. In the last decade, the intake of refugees and forced migrants has grown significantly due to migration restrictions introduced by Western European countries.

New ways of territorial migration were aggravated by political processes, such as the neighboring countries' opening borders. The collapse of the socialist camp contributed to Turkey's building up new vistas and contacts and expanding its economic ties. It is well reflected in its interrelations with the countries of the former socialist camp, first and foremost with Russia. To name but a few joint projects: the new pipeline "The Turkish Stream", the nuclear power plant (NPP) "Akkuyu", and the participation of the Turkish business and professionals in the economic programs on the territory of Russia. The influence of Turkish economy is rather strong in some former Soviet republics, especially in Central Asia, which broadens the Turkish business potential in winning new markets and makes labor migration to Europe less pronounced.

After the artificial restrictions of international mobility for the world population had disappeared or had been significantly narrowed, new ways of migration flows began to form in the region. Alongside the remaining traditional immigrants' groups there appeared and continued to grow migrations of tourists, students, researchers, businessmen, et al, which is accounted for by the formation of new economic, political and cultural ties and interrelations.

Conclusion

To sum up, it can be stated that over several decades Turkish migration to Germany had a variety of forms. It started with labor migration to be followed by family reunion

immigration and political refugees and suchlike forms of migration. Nowadays, there is direct evidence of the new situation in Turkish migration to be formed; its scale and direction, as well as its structure, are changing. On the one hand, the migration channel to Germany and Western Europe at large is still very important for Turkish migrants due to established ties and strong enough position of the Turkish diaspora in the German society. On the other hand, the problem of the immigrants' integration with the receiving society is not settled yet. The transition to new adaptation model in 2000, repealing legal bans and the introduction of multiculturalism into Germany's ethnic and racial policy did not help solve the problem either. The Turkish diaspora in Germany remains rather closed. The connections between the "German" Turks and Turkey are strong enough and are kept up thanks to family ties, religious affiliation and some other factors.

To prove that the identity and the close ties of the German Turks with their historical homeland are still strong, it is enough to mention their active participation in the referendum on amendments to the Constitution of the Republic of Turkey that expanded presidential rights. The incumbent President Erdogan's initiative has got a wide support of the citizens of Turkey who reside in Europe. According to German sociologist A. Nassehi, the very fact of support demonstrates a high level of the Turkish national identity and of the ties between the German Turks (the European Turks at large) and their historical homeland. In this connection, President Erdogan's appeal to "Turkish identity" and "Turkish solidarity" and his words that "every Turkish citizen should share his homeland's problems, and those who said "Yes" supported national consolidation under new political realities" are revealing (Nassehi, 2017).

At the same time, the Turkish diaspora in Germany finds itself at the new stage of its development that can be characterized as the stage of qualitative renovation. The scope of the Turkish diaspora's activity is widening, in that medicine, architecture, science, management and other directions that require qualified professionals are covered by it.

References

- Abadan-Unat, N. (1995). Turkish migration to Europe. In Cohen R. (Ed.) *The Cambridge Survey of World Migration* (pp. 279–285). Cambridge: Cambridge University Press.
- Akpınar, A., Baylan, D., Kavuştu, Z. (2018). *Ülgen Ailesi ve Almanya'ya içi göçü*. İbrahim Mert Öztürk, HIST 200–9, 3.
- Alpautov, R. S. (2009). Turki v Germanii Problemnie immigranti [The Turks in Germany: Problem immigrants]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 12, 38–40.
- Bekar N. (2018). Avrupa Birliği Ülkelerinde Yabancı Düşmanlığı ve Avrupa Güvenliğine Etkisi, *Bilge Strateji*, 10 (18), 111–142.
- Bolshova, N. N. (2012). Politika regulirovaniya intellektualnoi migracii v sovremennoi Germanii [Policy of Regulation of Intellectual Migration in Modern Germany]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 6, 226–237.
- Chulkovskaya, E. E. (2014). *Tureckaya diaspora Germanii: mezhdunarodnoye sootnosheniye Ankaroy i Berlinom* [Turkish Diaspora in Germany: between Ankara and Berlin]. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka.
- Demoskop Weekly: Elektronnaya versiya byulletnya "Naselenie i obshchestvo" [Demoskop Weekly: "Population and Society" Bulletin] (2007, September). № 299–300.
- Erder, S. (2002). Novye tendencii mezhdunarodnoj migracii v Turcii [New Tendencies in International Migration in Turkey]. *Demoskop Weekly: Elektronnaya versiya byulletnya "Naselenie i obshchestvo"* [Demoskop Weekly: "Population and society" Bulletin], 79–80. Retrieved from <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/079/analit04.php>

- Grosheva, G. V. (2014). K voprosu o periodizacii processa transformacii nacional'noj identichnosti v Germanii vtoroj poloviny XX–XXI vv. (po materialam rossijskoj istoriografii) [Periodization of National Identity Formation in Germany in the Second Part of The 20th – 21st Century, Russian Historiography]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 1, 33–48.
- International Migration Report (2017, December). *Department of Economic and Social Affairs/Population Division. United Nations*. Retrieved from <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017.pdf>
- Ivancov, V. P. (2005). *Mezhdunarodnaya trudovaya migraciya* [International Labor Migration]. Moskva: MGU.
- Kadirov, E. K. (2009). Problemy social'noj adaptacii immigrantov v Germanii [Problems of the Immigrants' Social Adaptation in Germany]. In *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stole-tiya. Obshchestvennye nauki: sb. st. po mat. VI mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.* [Students' Theoretical Community of the XXI Century. Social Studies: A Collection of Articles: Materials of the VIth International Theoretical and Practical Conference] Retrieved from <https://sibac.info/studconf/social/vi/30482>
- Karachurina, L. (2008). Immigracionnaya politika Germanii: uspeshnyj — neuspeshnyj opyt [Immigration Policy of Germany: Successful – Unsuccessful Experience]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 7, 50–60.
- Kireev, N. G. (2002). Tureckaya diaspora na Zapade [The Turkish diaspora in the West]. In *Musul'mane na Zapade* [The Muslims in the West] (pp. 47–88). Moskva: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka
- Kudryashova, Yu. S. (2010). *Turciya i Evropejskij soyuz: istoriya, problemy i perspektivy vzaimodejstviya* [Turkey and European Union: History, Problems and Perspectives of Interplay]. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka.
- Leffelholz fon, G. D. (2016). Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti vysokokvalificirovannyh inostrannyh rabotnikov v Germanii: zakonodatel'stvo i praktika primeneniya [Legal Regulation of Foreign Skilled Workers' Activity in Germany: Legislation and Practice]. In *Trudovaya migraciya i politika integracii migrantov v Germanii i Rossii* [Labor Migration and the Policy of the Migrants' Integration in Germany and Russia] (77–96). SPb.: Centr grazhdanskih, social'nyh, nauchnyh i kul'turnyh iniciativ "STRATEGIYA"; Skifiya-print.
- Logutenkov, E. Yu. (2005). *Rol' tureckoj diaspory v Germanii v voprose o vstuplenii Turcii v Evropejskij Soyuz* [The Role of The Turkish Diaspora in Germany in the Issue of Turkey's Accession to the European Union]. Retrieved from https://studylib.ru/doc/4141108/e.yu.-logutenkov-rol._-tureckoj-diaspory-v-germanii-v-voprose
- Masumova, N. R. (2009). Migraciya tureckoj rabochej sily v strany Zapadnoj Evropy [Turkish Labour Migration to Western Europe]. *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo* [Global and National Economy]. 2 (9). 65–69.
- Mel'nikov, I. A. (1988). *Sud'by rabochih-immigrantov v stranah Zapada* [The Fate of Immigrant Workers in Western Countries]. Moskva: Znanie.
- Migrationsbericht der Bundesregierung 2016/2017* (2019). Retrieved from <http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Migrationsberichte/migrationsbericht-2016-2017.pdf>
- Nassehi, A. (2017). Türkische und westeuropäische Varianten desselben Elends. Retrieved from <https://www.tagesspiegel.de/politik/soziologe-armin-nassehi-tuerkische-und-westeuropaeische-varianten-desselben-elends/19688856.html>
- Ne uchish' nemeckij – vozvrashchajsysya na rodinu [Do not Learn German – Return Home] (2010). *Internet-gazeta "Russkaya Germaniya"* [Internet Newspaper "Russian Germany"]. Retrieved from <http://www.rg-rb.de/2010/44/1.shtml>
- Official Site of United Nations. Retrieved from <https://www.un.org/en/>
- Rožanova, M. S. (2016). *Trudovaya migraciya i politika integracii migrantov v Germanii i Rossii* [Labor Migration and the Policy of Migrants' Integration in Germany and Russia] (2016). SPb.: Centr grazhdanskih, social'nyh, nauchnyh i kul'turnyh iniciativ "STRATEGIYA"; Skifiya-print.

- Sadykova, L. R. (2013). Istoricheskie predposylki formirovaniya musul'manskoj obshchiny v Germanii i ee harakteristika v XXI veke [Historical Background to the Formation of the Muslim Community in Germany and its Characteristics in the XXI century]. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnyh issledovanij Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnyh otnoshenij (Universiteta) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii* [The Yearbook of the Institute for International Research of the MGIMO University], 3, 84–89.
- Semenenko, I. S. (2006). Integraciya inokul'turnyh soobshchestv v razvityh stranah. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 10, 58–68; 11, 57–71.
- Sheffer, G. (1995). The Emergence of New Ethno-National Diasporas. *Migration*, 28 (2), 5–28.
- Slobodenyuk, V. V. (2011) Prichiny migracii turok v FRG vo vtoroj polovine HH — nachale HHI vv [Causes of the Turkish citizens' Migration to the FRG at the Turn of the XX Century]. *Sborniki konferencij NIC Sociosfera* [Collection of conferences SIC. Sociosphere], 5, 104–108.
- Starchenkov G.I. (2012). Islamskij faktor v Zapadnoj Evrope. In N. Yu. Ulchenko, P.V. Shlykov (Eds.) *Turciya v period pravleniya partii spravedlivosti i razvitiya* [Turkey during the Rule of the Justice and Development Party] (157–167). Moskva: Institut Blizhnego Vostoka.
- Statistisches Bundesamt (2018). Pressemitteilung Nr. 282 vom 1. August 2018. Retrieved from https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2018/08/PD18_282_12511.html;jsessionid=912C13336384C81A5F286B79D5E789CD.InternetLive1
- Timann, R. (2001). Turki v Germanii: Novoe issledovanie ob ispol'zovanii sredstv massovoj informacii i yazykovej kompetencii [The Turks in Germany: New Research on the Use of Mass Media Information and Language Competence]. *Mezhdunarodnaya politika* [International Politics]. Retrieved from <http://www.interaffairs.ru/>
- Total number of international migrants (2017). Retrieved from https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2017
- Ul'chenko, N. Yu., Shlykov, P. V. (Eds.) (2012). *Turciya v period pravleniya partii spravedlivosti i razvitiya* [Turkey During the Rule of the Justice and Development Party]. Moskva: Institut Blizhnego Vostoka, Institut Vostokovedeniya RAN.
- Vlasov, N. A. (2008). *Germaniya v nachale XXI veka* [Germany at the Beginning of the XXI century]. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Yurdakul, A. (2018). Almanya'da Yaşayan Üçüncü Nesil Türkiye Kökenli Göçmenlerde Kimlik Algısı. Yönetim, Ekonomi, Edebiyat, *İslami ve Politik Bilimler Dergisi*, 3 (1), 141–163.
- Zhukova, T. V. (1990). Sud'by semej inostrannyh rabochih v stranah Zapadnoj Evropy [The Fates of the Foreign Workers' Families in Western Countries]. *Migracii i migranty v mire kapitala: istoricheskie sud'by i sovremennoe polozenie* [Migrations and Migrants in the World of Capital: Historical Destinies in Modern Reading] (pp. 134–146).

Received 15.03.2019

Accepted 25.05.2019

For citation: C. B. Dogan, Ya. V. Rakacheva. New Tendencies in Turkish Migration to Germany at the Turn of the XX century: Social and Demographic Aspects. – *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2019. Vol. 2. № 2. Pp. 86-98.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТУРЕЦКОЙ МИГРАЦИИ В ГЕРМАНИЮ НА РУБЕЖЕ ХХ–ХХІ ВВ.: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ч. Б. Доган, Я. В. Ракачева

Доган Чагла Бериван, E-mail: cagla.dogan@mail.ru. ORCID 0000-0002-3910-1234

Ракачева Ярослава Владимировна, E-mail: soccenter.kubsu@gmail.com.
ORCID 0000-0003-0540-6408

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме — миграции из Турецкой Республики в Германию в 1960–2000-х гг. Испытывавшая значительные экономические трудности в связи с недостатком трудовых ресурсов после Второй мировой войны, Германия с 1950-х гг. реализует миграционную программу по привлечению рабочих из ряда европейских и средиземноморских стран. Существенную долю среди этих мигрантов составили граждане Турции, которая находилась в этот период в состоянии глубокого социально-экономического и политического кризиса. Миграционная программа Германии изначально предполагала временное пребывание трудовых мигрантов, без возможности их постоянного проживания в стране. Однако за несколько десятилетий значительная часть турецких трудовых мигрантов становится гражданами Германии, а турецкая диаспора в этой стране — одной из наиболее мощных и консолидированных в Европе. Фокус нашего анализа обращен на социально-демографические характеристики данного миграционного потока, рассматривается динамика, масштабы миграции, гендерная, возрастная и профессиональная структуры мигрантов. В статье предпринят экскурс в историю вопроса и детально анализируется его современное состояние, показано как социально-экономические и политические условия меняют направление, структуру и интенсивность миграций, но одновременно сами трансформируются под ее влиянием. С опорой на актуальную статистическую базу, основу которой составили данные Федерального статистического управления Германии (Statistisches Bundesamt), Международной организации по миграции (ИОМ, The International Organization for Migration), Статистического института Турции (Turkish Statistical Institute), Статистического управления ЕС (Statistical Office of the European Communities) и др., сделан вывод о кардинальном изменении характера и масштабов современной турецкой миграции в Германию.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, адаптация, интеграция, Турция, Германия, миграционный фон, миграционный поток.

Статья поступила в редакцию 15.03.2019
Статья принята к публикации 25.05.2019

Для цитирования: Доган Ч.Б., Ракачева Я.В. Новые тенденции турецкой миграции в Германию на рубеже XX–XXI вв.: социально-демографический аспект. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 86–98.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВЛИЯНИЕ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)¹

А. П. Романова, М. С. Топчиев, Д. А. Черничкин, В. С. Дрягалов, А. В. Рогов

Романова Анна Петровна. E-mail: aromanova_mail@mail.ru. ORCID 0000-0001-8537-4893

Топчиев Михаил Сергеевич. E-mail: ceo.gfn@gmail.com. ORCID 0000-0001-8296-6631

Черничкин Дмитрий Алексеевич. E-mail: chernichkin95@mail.ru.
ORCID 0000-0002-9647-7916

Дрягалов Вячеслав Сергеевич. E-mail: helios82@yandex.ru. ORCID 0000-0001-5441-6966

Рогов Александр Владимирович. E-mail: alexr.89@mail.ru. ORCID 0000-0002-3512-8317

Институт исследований проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, Астрахань, 414056, Россия

Аннотация. В последнее время современное виртуальное пространство оказывает непосредственное влияние практически на все сферы человеческой жизнедеятельности. Религиозная идентичность на постсоветском пространстве России опять становится важной частью этнической идентичности и проявляется в том числе и в виртуальном пространстве. Российское религиозное виртуальное пространство обладает целым рядом особенностей. Это пространство ограничено в использовании наличием русского контента, что объясняется преобладанием русскоязычных пользователей. Оно используется преимущественно молодежной аудиторией, что связано как с недостаточным владением российским старшим поколением новыми технологиями, так и со спецификой традиций православия, где в отличие от маркетингово-ориентированного виртуального пространства доминируют идеи нестяжательства, искупления и покаяния. В российском виртуальном пространстве отсутствует регламентация и не определены масштабы его использования для самих священнослужителей. Тем не менее российская молодежь более, чем старшее поколение вовлечена в виртуальный мир. Основная цель исследования — выявить факторы влияния виртуального пространства на религиозную идентичность в российской студенческой среде. Основные методы исследования: контент-анализ религиозного виртуального пространства и комплексное социологическое исследование: социологический опрос, фокус групповые и экспертные интервью, которые позволили проанализировать опыт участия респондентов в сетевых религиозных проектах, изучить ценностные ориентации людей, использующих эти ресурсы, а также оценить степень влияния этих ориентаций на формирование религиозной идентичности. Исследование представляет собой оригинальный комплексный контент, в котором, исходя из типологии К. Хелланда, было структурировано российское религиозное пространство, обозначены преимущественные формы сетевого общения в этом пространстве и показано его влияние на формирование религиозной идентичности.

Ключевые слова: виртуальное пространство, религиозная идентичность, онлайн религия, религия онлайн, студенческая молодежь, Юг России.

Введение

В последние десятилетия исследования, связанные с трансформацией идентичности, становятся все более актуальными в зарубежной и отечественной науке. Процессы глобализации не упрощают траектории идентификации ни отдельных индивидов, ни социальных групп. Напротив, они превращают современные исследования

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10064) «Трансформация механизмов формирования пострасгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

идентичности в мозаичное поле, в котором разные элементы мозаики не просто складываются в определенный узор, сосуществуя рядом друг с другом, но пересекаются, находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Это сопряжено со многими факторами и прежде всего с тем, что в последнее время традиционные паттерны культурной жизни изменяются под воздействием глобализационных процессов периода вступления в эру виртуальной культуры. В условиях глобализации тенденция формирования некой универсальной нивелированной идентичности уравнивается процессами глокализации, направленными на сохранение культурных особенностей регионов. Поэтому так сложно, даже практически невозможно создать стабильную и завершенную «карту идентичностей», и тем важнее и интереснее процесс ее осмысления с современных позиций, особенно по отношению к молодому поколению. Многообразие и сложность сосуществования и взаимодействия идентичностей, их текучесть и способность к трансформации, отмечают многими исследователями. Сама фундаментальность проблемы идентичности поднимается во многих зарубежных и отечественных исследованиях, в том числе и в энциклопедических (Jackson II & Hogg, 2010; Семенов, 2017). В «Российской энциклопедии» под редакцией И. Семенова была осуществлена попытка концептуализации и осмысления с современных позиций проблематики многогранности категории «идентичность». Наличие большого количества вариативных производных от идентичности категорий (политическая идентичность, этническая идентичность, цивилизационная идентичность и т.д.), которые не имеют между собой четких границ как в теории, так и в реальности, только подчеркивает сложность современного процесса идентификации. Еще одна сложность, одновременно намечающая новые горизонты исследования, заключается в том, что идентичность не является законченным продуктом социальной деятельности, поскольку это динамическая структура, направленность и изменения которой зависят от множества факторов. Даже на личностном уровне она анализируется не как устоявшаяся константа, а как процесс. (Семенов, 2017). Мы можем говорить о неоднократной корректировке идентичности индивида на протяжении всей его жизни. Следуя в русле парадигмы сложности Э. Морена (Morin, 1977), нельзя не учитывать тот факт, что конструирование идентичности не может рассматриваться только как суммирование различных идентичностей личности или как проявление тождественности идентичностей членов данной общности. Сложность определения и концептуализации идентичности заключается еще и в том, что она лежит в плоскости между индивидуальным и коллективным, включая и то, и другое. Однако несмотря на это, некоторые исследователи настаивают на необходимости формирования единой общечеловеческой идентичности, которая в сочетании с местными культурными особенностями способна сохранить существующую цивилизацию (Som, 2019). Как фактор такого сохранения цивилизационных и культурных особенностей можно рассматривать и религиозную идентичность. Существует достаточное количество вариантов ее определения, в том числе и словарных. «Религиозная идентичность описывает, каким образом индивид или группа понимают, ощущают, формируют религиозную принадлежность, обусловленную предшествующими сформированными психологическими, социологическими, политическими и иными фактами религиозной принадлежности» (Jackson II & Hogg, 2010). Суммируя дефиниции предложенные российскими исследователями, можно сказать, что под религиозной идентичностью понимается процесс сознательного отнесения себя к какой-либо религиозной группе или религиозному мировоззре-

нию, отождествление себя с данной конфессией и принятие факта наличия Бога или сверхъестественной силы (Крылов, 2014; Забияко, Красников, Элбакян, 2006). Много внимания российские исследователи также уделяли общетеоретическим вопросам, связанным со спецификой религиозной идентичности (Мчедлов, 2008), дифференциацией между конфессиональной и религиозной идентичностью (Мчедлова, 2017)

Религиозную идентичность рассматривают и с позиции ее места в культурных процессах разных стран (Różycka-Tran, 2017), (Bilalia, Iqbala, Çelikb, 2018) и отдельных групп населения (Thumma, 1991), в том числе возрастных (Kim, Wilcox, 2014), ее влияния на различные формы поведения (Benjamin, Choi, Fisher, 2010). Особое место в этих исследованиях занимает процесс трансформации религиозной идентичности (Jones, Cox, 2017) как в диахронном, так и в синхронном аспектах. В российской исследовательской традиции подход к религиозной идентичности преимущественно комплексный (Крылов, 2014; Патырбаева, 2012), поскольку Россия исторически складывалась как страна с поликонфессиональными традициями. На фоне доминирующего православия в Российской империи как традиционные рассматривались и ислам, и буддизм, поскольку этносы, исповедующие эти религии, являлись неотъемлемой частью российской истории. Российских ученых (Ляшова, Нагой, 2009; Балич, 2015 и т.д.) интересует прежде всего место религиозной идентичности в современном культурном процессе, ее формирование и изменение под влиянием глобальных тенденций. Особый интерес российских исследователей также направлен на процессы трансформации этнических, религиозных и конфессиональных идентичностей, их взаимодействие со светскими идентичностями под влиянием глобализационных процессов и формированием нового цифрового общества (Петров, Абдувалиева, 2018; Горбунова, 2017; Ереско, 2006). Не вдаваясь в детали конфессиональных различий, мы будем употреблять именно термин «религиозная идентичность», поскольку он больше соответствует задачам исследования.

В данной статье мы объединяем два поля исследования — религиозную идентичность российского студенчества, выросшего на постсоветском пространстве, и российское религиозное виртуальное пространство. Студенчество Юга России в данном исследовании является наиболее близкой нам исследовательской площадкой, поскольку на данный момент мы не ставим перед собой задачу выявить специфику ее религиозной идентичности, нас скорее интересует общая тенденция. Отсюда и формулировка целей и задач исследования.

Цели и задачи

Основная цель исследования — выявить факторы влияния современного виртуального пространства на формирование религиозной идентичности студенческой молодежи на Юге России (преимущественно на примере Астраханской области).

Для этого необходимо решить следующие задачи:

- охарактеризовать специфику российского религиозного виртуального пространства;
- определить уровень вовлеченности молодежи в российское виртуальное пространство на Юге России;
- оценить степень отношения к религиозному виртуальному пространству как молодежи, так и священнослужителей;
- показать вектор изменения религиозной идентичности молодежи под влиянием виртуального пространства.

Гипотеза

Под влиянием виртуализации культуры в среде современной студенческой молодежи Юга России, относящейся к поколению миллениалов, происходит трансформация религиозной идентичности, что приводит к нарушению привычных каналов связи и трансляции религиозного опыта в рамках традиционных для России конфессий.

Методы и процедура исследования

Для анализа религиозного виртуального пространства был проведен контент-анализ сайтов и сервисов приложений для мобильных устройств с целью выявления и систематизации контента с ярко выраженной религиозной тематикой. В рамках подтверждения предложенной нами гипотезы было проведено комплексное социологическое исследование, основной задачей которого стало выявление региональной специфики формирования религиозной идентичности студенческой молодежи в современном виртуальном пространстве. Используемыми социологическими методами являлись:

1) опрос в форме раздаточного анкетирования (количественный метод) — опрос № 1. Объем выборочной совокупности составил 350 студентов Астраханского государственного университета — жителей города Астрахани и Астраханской области, из которых 25% — студенты первого курса бакалавриата АГУ, 25% — студенты четвертого курса бакалавриата АГУ, 50% — студенты магистратуры АГУ; из них: 38,1% — юноши, 60,9% — девушки. Выборка: целенаправленная, квотированная по полу, курсу и факультету обучения. Метод получения первичной социологической информации: раздаточное анкетирование. Погрешность выборки — 3%. Инструментарий и матрица исследования разработаны авторами исследования. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 21. В ходе анализа полученных данных были установлены уровень религиозности и вовлеченность студенческой молодежи в виртуальное пространство;

2) опрос в форме раздаточного электронного анкетирования (количественный метод) — опрос № 2. Объем выборочной совокупности составил 531 студент вузов Юга России (Астраханской, Ростовской, Волгоградской областей, республик Дагестана, Ингушетии, Чечни, Калмыкии), из них: 38,1% — юноши, 60,9% — девушки. Выборка: целенаправленная на основе метода отбора типичных представителей. Метод получения первичной социологической информации: раздаточное электронное анкетирование по средствам использования платформы Google Forms. Инструментарий и матрица исследования разработаны авторами исследования. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 21. В ходе анализа полученных данных был установлен уровень религиозности студенческой молодежи, определена конфессиональная структура студенческого населения региона и информированность студенческой молодежи о религиозном виртуальном пространстве;

3) фокус-групповое интервью (качественный метод). В ходе комплексного исследования были проведены 2 фокус-группы по 8 человек каждая. Продолжительность групповой дискуссии составляла 90 минут. Гайд фокус-группового интервью был разработан авторами исследования. Первая фокус-группа была сформирована из студенческой молодежи одной национальности, вторая — из представителей

разных национальностей. В каждой фокус-группе был сохранен гендерный баланс по 50% юношей и девушек. Рекрутирование участников фокус-группового интервью происходило согласно установленным задачам исследования на основе стихийного отбора. После проведения экспресс-анкетирования кандидат приглашался для участия в фокус-групповом интервью. Фокус-групповое интервью включало ответы на вопросы модератора и открытые дискуссии, а также ответы на закрытые вопросы карточек, раздаваемых модератором. Проведенные фокус-групповые интервью позволили определить уровень информированности студенческой молодежи о наличии виртуальных религиозных образований в русскоязычном сегменте Интернета, а также определить их отношение к подобным новообразованиям;

4) экспертное интервью (качественный метод). В ходе комплексного исследования были проведены 4 экспертных интервью. Гайд экспертного интервью был разработан авторами исследования. По всем выделенным индикаторам была задана серия вопросов. Вопросы гайда биографического интервью были разделены на тематические блоки, отвечающие требованиям задач исследования. После транскрибирования интервью были составлены полноформатные текстовые транскрипты. Для реализации поставленных задач исследования применялся целенаправленный отбор респондентов-священнослужителей из различных наиболее массовых в данном регионе конфессиональных групп: православие, ислам, иудаизм, адвентизм, выступивших в качестве экспертов. При ограничении поиска в рамках целенаправленного отбора использовалась методика «снежного кома», целью которого являлось нахождение новых участников интервью путем ссылки на них уже участвовавших в интервью. Обработка качественных интервью производилась путем транскрибирования голосовых интервью с указанием интонационных элементов с последующим содержательным анализом и «плотным» описанием результатов, а также применением метода триангуляции.

Религиозная идентичность современной российской студенческой молодежи

Молодежная студенческая среда всегда была наиболее прогрессивной и одновременно подверженной всевозможным мировоззренческим влияниям. Она наиболее неустойчива, поскольку находится в стадии формирования и постоянных изменений. Лабильность, гибкость, восприимчивость молодежи обусловлена и социальной нестабильностью постсоветского общества (Головчин, Микоян, 2018). Формирование постсоветской молодежи происходило под влиянием традиционных общечеловеческих ценностей, таких как семья, любовь и здоровье, которые постепенно вытеснили коммунистические идеалы. Значительное влияние на нее начинает оказывать и религиозная сфера. Современная студенческая среда сформирована уже полностью постсоветским пространством, свободным от идеологического диктата и насильственной атеизации, но не свободным от активного влияния медиaprостранства. Представители нынешнего поколения российской молодежи в большинстве своём являются активными пользователями мировой глобальной сети, что, естественно, не может не отражаться на особенностях формирования их ценностной картины мира, форме и стиле общения, восприятию, получении и усвоению информации.

Для современного молодого поколения характерно активное создание и продвижение своего цифрового профиля (не всегда это точная копия отражения реальности) в социальных сетях, что является довольно времязатратным процессом и может

приводить к добровольной изоляции и отказу от физического общения с друзьями, родителями и обществом в целом, т.е. снижению социальной активности в реальном мире. Именно подверженность малоизученным формам виртуальной социальной активности позволяет относить современную молодёжь к представителям новой виртуальной культуры и ставит перед исследователями множество новых задач, одна из которых — проблема изучения формирования идентичности у молодёжи в целом и религиозной в частности с учетом характера ее пребывания в виртуальном пространстве. Это не означает, что носителями религиозной идентичности являются преимущественно представители старшего поколения россиян. Они как раз в большинстве своем как личности были сформированы в советскую эпоху или в ранний период перестройки (1980-е гг.), когда в обществе преобладало атеистическое мировоззрение. Ломка идеологических барьеров и снятие запретов в постсоветскую эпоху сделала религию предметом повышенного интереса. В 1990-е гг. возрос интерес к нетрадиционным и мистическим культурам. В стране были открыты новые религиозные организации, хлынули иностранные проповедники. В XXI в. этот процесс упорядочился и государство стало оказывать поддержку прежде всего традиционным религиям: православию, исламу, буддизму. В период с 1990 по 2009 г. доля россиян, заявивших о своей вере в Бога, как установил ВЦИОМ, увеличилась почти в три раза — с 25 до 73%. Фактически социологический мониторинг зафиксировал мировоззренческую революцию, «взрыв» (Овчаров, 2012).

Это не могло не отразиться и на молодом поколении. Исследования, проводимые в г. Санкт-Петербург среди студенческой молодежи в 1995 г. (530 респондентов) и 2000 г. (460 респондентов), показали, что на тот момент верующими в той или иной степени считали себя 84 и 89% респондентов, хотя большинство из них признавались, что не соблюдают обрядности (Клинецкая, 2004). Но даже сам факт причисления себя к верующим, пусть и посредством формулировки «скорее да, чем нет», говорит о наличии у них религиозной идентичности. Однако постперестроечная эйфория от религиозной свободы постепенно начала проходить, и более молодое поколение перестает воспринимать веру как сопротивление советским идеологическим барьерам и запретам.

Исследования религиозной идентичности молодёжи, проведенные авторами статьи в рамках различных проектов в 2015 г. (Topchiev, Dryagalov, Yakushenkova, 2016) и 2018 г. (Кудряшова, Дрягалов, Черничкин, Рогов, 2019), при объеме выборочной совокупности равной 433 респондентам в первом случае и 350 респондентам во втором, продемонстрировали динамику снижения числа респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, относящих себя к людям, исповедующим какую-либо религию, с 65,3% до 56,8% (табл. 1).

Кроме того, в рамках исследуемой проблематики важно отметить, что среди молодёжи увеличилось количество неопределившихся с выбором с 6,7% до 15,3%. Снижение уровня религиозности в молодёжной среде субъективно ощущается и представителями молодого поколения, проживающими на Юге России. В частности, участники фокус-групп из числа студенческой молодёжи преимущественно из Астраханской области отнесли к религиозным и воцерковленным пожилое поколение, к религиозным, но не воцерковленным, людей среднего возраста, а к нерелигиозным — молодёжь, т.е. своих сверстников.

Важность данной проблематики подтверждается и на уровне экспертов. В частности, представитель РПЦ указывает на серьезные сложности общения с молодёжью

Таблица 1. Религиозность. Опрос № 2

Table 1. Religiousness. Poll № 2

Относите ли Вы себя к людям, исповедующим какую-либо религию?	2015 г.	2018 г.
Да	65,3%	56,8%
Нет	28%	27,9%
Затрудняюсь ответить	6,7%	15,3%

как на региональном, так и на всероссийском уровне: «...да я доподлинно знаю, что сегодня существует, во всех случаях у РПЦ серьезные сложности общения с молодежью. Мы не знаем нашу молодежь, она не знает нас, и это подтверждается тем, что активно пытаются принять новую концепцию работы с молодежью в церкви, то есть какой-то новый документ выходит. В общем, тем самым признается, что работа за последние 10–15 лет ни к чему не привела...» (Эксперт, представитель православия). Представитель адвентизма также говорит о проблемах оттока молодежи из церквей. Он связывает этот процесс с чрезмерной вовлеченностью молодежи в виртуальные социальные сети, которые, по его словам, замещают все общение и отнимают много времени: «...Это проблема всемирная. Когда речь идет о совмещении общения — это хорошо... другой вопрос — время. Когда Интернет забирает время от чего-то полезного и нужного, то это проблема...» (Эксперт, представитель адвентизма). Практически все эксперты, опрошенные в рамках проекта авторами статьи, сходятся во мнении, что темпы развития самих религиозных систем не успевают за развитием уровня сознания молодежи. Священнослужителям постоянно приходится приспосабливаться под постоянно ускоряющиеся темпы развития общества, в том числе и в виртуальном пространстве, чтобы хоть как-то заинтересовать молодежь религией.

Мы предполагаем, что происходящее постепенное снижение религиозности в среде студенчества, мы берем в данном случае как пример молодежь Юга России, связано в том числе и с особенностями российского религиозного виртуального пространства.

Российское религиозное виртуальное пространство

В связи со всеобщим государственным атеизмом в СССР, немного запоздалой компьютеризацией, дороговизной и медленным ростом интернет-сетей российское виртуальное пространство начало формироваться позже, нежели на Западе. По сути, только в последние несколько лет, благодаря удешевлению технологий, начинается относительно массовое использование российским населением гаджетов, имеющих доступ в Интернет. Естественно, что на лидирующих позициях по времени и опыту использования подобных продуктов и услуг находится молодежь, что подтверждают и результаты нашего исследования. Если еще 7–10 лет назад среди российского студенчества был достаточно высокий процент лиц, не имеющих компьютера и домашнего Интернета, то сейчас 99% опрошенных нами студентов заявили об использовании компьютеров и различного типа электронных гаджетов. Кроме того, экспертные интервью показали, что священнослужители, которые принимали участие в исследовании, в большинстве своём не только хорошо разбираются в современных информационных технологиях, но также активно ими пользуются в своей религиозной деятельности. Полученные данные позволяют говорить о том, что на данный момент уже сформирована техническая база для

дальнейшего развития религиозного виртуального пространства, и оно обладает целым рядом объективных характеристик. Прежде всего, это пространство ограничено наличием преимущественно российского и переводного контента в связи с доминированием русскоязычных пользователей, плохо владеющих иностранными языками, что приводит к низкой посещаемости пользователями рунета непереводаемых проектов англоязычного сегмента Сети. Виртуальное религиозное пространство используется преимущественно молодежной аудиторией, что обусловлено недостаточным владением старшим поколением российских граждан новыми технологиями и спецификой традиционных для России религий, где в отличие от маркетингово ориентированного виртуального контента доминируют идеи нестяжательства, искупления, покаяния и внутреннего совершенствования. В российском виртуальном пространстве отсутствует регламентация и не определены масштабы его использования для самих священнослужителей, что и определяет специфику его функционирования. Российское виртуальное религиозное пространство мозаично прежде всего в связи с исторической традиционной поликонфессиональностью. Опираясь на концепцию К. Хелланда (Helland, 2002) при описании полученных результатов исследования, мы используем два базовых типа религиозных ресурсов в Сети: религии онлайн и онлайн религии.

Религия онлайн

Пространство религии онлайн в России представлено прежде всего всеми традиционными для нее религиями и используется преимущественно как дополнительный инструментарий. К онлайн ресурсам относятся религиозные сайты, странички, аккаунты в социальных сетях, программы — приложения для гаджетов. Наиболее весомым в этом сегменте являются виртуальные сервисы православия, ислама и буддизма — традиционных для России исторических религий. В православии это, например, такие общероссийские ресурсы, как сайт РПЦ МП (www.patriarchia.ru), сайт храма Христа Спасителя (new.xhc.ru), официальный сайт Сретенского монастыря (www.pravoslavie.ru) и др.; в исламе — официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации (www.dumrf.ru), сайт Совета муфтиев России (www.muslim.ru), официальный сайт Московского муфтията (rosmuslim.ru) и др.; в буддизме — официальный сайт Буддийской традиционной сангхи России (sangharussia.ru), сайт Калмыцкого Буддийского центра духовности (khurul.ru), официальный сайт Иволгинского дацана (ivolgdatsan.ru) и т.д.; в иудаизме — сайт Федерации еврейских общин России (www.feor.ru), сайт Московской хоральной синагоги (centralsynagogue.ru), сайт Централизованной религиозной организации ортодоксального иудаизма (keroor.com) и т.д.

Для определения опыта использования молодежью виртуальных ресурсов с ярко выраженной религиозной тематикой во время проведения нашего исследования респондентам был задан вопрос: «В каких источниках информации вы чаще сталкиваетесь с новостями на религиозные темы?» (табл. 2). Наиболее популярными источниками стали «социальные сети в Интернете» — 22,1% и «телевидение» — 22,0%. Вариант «родители, родственники» выбрали 16,2% опрошенных, «друзья, знакомые» — 10,6% респондентов.

Чтобы выявить наиболее популярные социальные сети с точки зрения молодежи, респондентам предлагалось оценить степень популярности социальных сетей, функционирующих на территории России. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 2. Источники информации на религиозные темы. Опрос № 1

Table 2. Sources of information on religious topics. Poll № 1

Вопрос	Вариант	Ответ,%
Отметьте, пожалуйста, в каких источниках информации Вы чаще сталкиваетесь с новостями на религиозные темы. (Инструкция: возможно выбрать несколько вариантов)	Телевидение	22,0
	Газеты, журналы	7,3
	Радиостанции	2,9
	Социальные сети в Интернете	22,1
	Специализированные сайты	4,9
	Друзья, знакомые	10,6
	Родители, родственники	16,2
	Представители религиозных организаций	8,7
	Другое (впишите ниже самостоятельно)	1,8
	Затрудняюсь ответить	3,5

Как видно из представленных данных, наиболее популярными среди молодежи являются такие социальные сети, как «ВКонтакте» (4,4 балла) и Instagram (4,5 баллов). Можно предположить, что в данных социальных сетях наиболее распространены ресурсы с ярко выраженной религиозной тематикой. Меньшей популярностью среди респондентов пользуются Twitter и Facebook. Стоит отметить, что ни один из проинтервьюированных нами экспертов не упомянул в процессе интервью социальную сеть Instagram, которая широко используется в современной молодежной среде. Возможно, данная неосведомленность среди священнослужителей связана с их возрастной группой, а также некой ортодоксальностью самих религиозных систем. Также при составлении данного вопроса авторы не использовали варианты Whatsapp, Telegram и Viber. Но даже при такой высокой популярности главной социальной сети на территории России («ВКонтакте»), лишь малая часть молодых респондентов имеет опыт общения в группах с ярко выраженной религиозной тематикой (табл. 4).

Опыт использования мессенджеров с целью контакта с паствой имеется у большинства священнослужителей. «...В моем случае с моими прихожанами общение проходит по большей части в социальных сетях (ВКонтакте, Facebook). Большое количество людей пишут в Whatsapp или Viber, Telegram, потому что они просто удобнее и проще для использования. Еще я заметил, что в этих приложениях чаще всего используются голосовые сообщения, смс совсем редко, телефонные разговоры еще реже...» (Эксперт, представитель православия). В то же время подобное использование ресурсов для связи священника и прихожан у мусульманской общины практически отсутствует. Как пояснил эксперт, он использует по большей части личное, живое общение: «...я всегда лично общаюсь с прихожанами...» (Эксперт, представитель ислама). Однако несмотря на редкое использование мессенджеров для контактов с прихожанами, он использует мобильные приложения с исламской тематикой: «...у нас в Интернете ходят очень много приложений по учению Корана, мне ученики иногда показывают подобные приложения, после службы прихожане советуют друг другу некоторые приложения...» (Эксперт, представитель ислама). Не отстают в использовании мобильных приложений и адвентисты, которые считают, что практически любой позитивный интернет-продукт можно адаптировать под себя и использовать в религиозной де-

Таблица 3. Популярность социальных сетей. Опрос № 1

Table 3. The popularity of social networks. Poll № 1

Вопрос						
Оцените, пожалуйста, популярность социальных сетей с Вашей точки зрения. Каждую ценность по пятибалльной шкале, где 1 – не популярная, 5 – имеет высокую популярность (обведите кружочком, соответствующую оценку). В каждой строке по одной оценке).						Среднее значение
Вариант	Ответ, %					
	1	2	3	4	5	
1. ВКонтакте	7,4	1,4	5,4	12,3	73,4	4,4
2. Facebook	17,1	18,6	30,3	18,0	16,0	3,0
3. Одноклассники	30,3	20,6	29,7	10,9	8,6	2,5
4. Instagram	6,3	1,7	5,1	9,1	77,7	4,5
5. Twitter	18,3	10,0	27,7	24,6	19,4	3,2
6. Мой Мир	59,7	16,6	14,6	3,7	5,4	1,8

Таблица 4. Опыт общения. Опрос № 1

Table 4. Communication experience. Poll № 1

№	Вопрос			
11	Имеется ли у Вас опыт общения в группах социальных сетей с ярко выраженной религиозной тематикой? (Инструкция: в каждой строчке возможно выбрать только один ответ)			
Вариант	Ответ, %			
	1. Да	2. Нет	3. Затрудняюсь ответить	4. Не пользуюсь данной социальной сетью
1. ВКонтакте	15,7	71,1	10,6	2,6
2. Facebook	2,3	63,1	8,0	26,6
3. Одноклассники	2,3	58,3	7,4	32,0
4. Instagram	7,7	74,9	9,4	8,0
5. Twitter	1,7	63,1	7,7	27,4
6. Мой Мир	1,1	56,9	7,1	34,9

ательности: «...во-первых, это Библия (приложение), конечно же, различные молитвы, толкования. Все, что есть в Интернете, может использоваться и в религиозной жизни, в том числе и специальные религиозные приложения для детей, почему бы и нет, мои дети используют такие приложения...» (Эксперт, представитель адвентистов). Экспертами-священнослужителями в качестве подтверждения своих слов были названы такие приложения, как: «Библия», «MyBible», «Библиотека ЦС», «dropprogrammer», «Your version», «Коран», «Время намаза», «Ориентация на Мекку», «Толмуд», «Шабат», «Времена молитв» и «Тора».

Таблица 5. Мобильные приложения для религиозные цели. (M.S. Topchiev and etc., 2018)
 Table 5. Mobile applications for religious purposes

	Название	Изображение	Известно,%
Какие из предложенных мобильных приложений для религиозных целей Вам известны?	1. Молитвослов HD		13,3%
	2. Православная библиотека		12,2%
	3. Muslim Pro		28,9%
	4. 200 вопросов по вероучению Ислама		11,1%
	5. Мудрость Будды — цитаты и притчи		10,0%

Использование мобильных приложений религиозного содержания является одним из факторов, влияющий на формирование виртуального религиозного пространства как Юга России, так и России в целом. В нашем предыдущем исследовании, которое было проведено в апреле – мае 2018 г. (выборка: 300 респондентов от 18 до 27 лет) (M.S. Topchiev, D.A. Chernichkin, V.S. Dryagalov, 2018), 91,3% респондентов указали, что имели опыт использования мобильных приложений. К активным пользователям мобильных приложений для религиозных целей отнёс себя каждый десятый опрошенный. Наиболее известные респондентам мобильные приложения представлены в табл. 5.

Респондентов, чью религиозную идентичность можно обобщенно назвать христианской (41% респондентов), попросили отметить услуги, которыми они пользовались при посещении онлайн представительств церквей христианского толка. К наиболее востребованным были отнесены: возможность поставить свечку (17,1%), посещение храма (при помощи прямой трансляции) (16,4%), связь с Богом (молитва) (16,2%), пожертвование на нужды церкви (12,1%) (M.S. Topchiev and etc., 2018).

Проведённое авторами проекта исследование одного из ведущих сервисов по продаже и распространению приложений для мобильных устройств на базе «Google Play» показало, что тематика и назначение религиозных приложений весьма разнообразна. По причине того, что подобных приложений оказалось довольно много, нами было проведено разделение их на тематические рубрики:

- тексты священных писаний (в текстовых и аудио форматах);
- словари (энциклопедические, толковые, расшифровывающие различные термины и понятия, связанные с той или иной системой вероисповедания);
- приложения-помощники (религиозный календарь, расписание молитв, время постов, описание обрядов и т.п.);
- развлекательно-образовательные (обои для рабочего стола и мобильных устройств, стрим-каналы, радио, журналы, викторины);
- новостные;
- детский контент (игры, раскраски, религиозная литература);
- карты расположений культовых мест и сооружений.

После этого был составлен список наиболее популярных (учитывалось количество скачиваний) приложений (табл. 6).

По словам представителя адвентистов, помимо региональных сайтов их церквей, существуют группы в различных социальных сетях. К примеру, в социальной сети «ВКонтакте» имеется группа их поместной (астраханской) церкви², причем, как отмечает сам эксперт, данная группа работает активнее всего. В этой группе постоянно выкладываются различные новости религиозной тематики, оповещения о дате и времени проведения ближайших богослужений и т.д. Также в данной группе выкладываются фото и видеоматериалы о проведенных служениях. Представитель еврейской религиозной организации также рассказал про деятельность их группы³ в социальной сети Facebook: «Я выбрал для себя одну социальную сеть, через которую общается наша молодежь, я их прошу, чтобы они на моей странице все курировали. У нас есть человек, который ответственен за группу в Facebook, он выкладывает на нашу страничку, всю информацию, которую я ему скидываю...» (Эксперт, представитель иудаизма) Отвечая на данный вопрос, представитель РПЦ объяснил, что: «...примерно 7–8 лет назад высшее руководство требовало, чтобы у каждого прихода был свой сайт. Даже сейчас есть сайт (prihod.ru), можно на него зайти и смоделировать самому себе сайт, запустить, бесплатный хостинг и т.п. ...» (Эксперт, представитель православия). Он также отметил, что сам пытался запустить сайт своего прихода, но впоследствии все ограничилось только группой⁴ в социальной сети.

Между религией онлайн и онлайн религией

Как отдельный феномен российского религиозного сетевого пространства, не относящийся напрямую ни к религии онлайн, ни к онлайн религии, можно выделить ресурсы традиционных религий, не трансформирующие и не искажающие содержание канонического вероучения, но функционирование и распространение которых возможно только в Сети. Они сформированы вокруг реальных или мифологизированных персон как ресурс особого характера. Как один из примеров создания харизматической атмосферы вокруг реальной персоны приведем группу в социальной сети в «ВКонтакте» «Позитивный батюшка на секретном острове» — сообщество, созданное настоятелем православного храма Благовещения на острове Городомля озера Селигер (Тверская епархия, Московский Патриархат) Антонием Русакевичем. Еще одним примером является ресурс зарегистрированного в социальных сетях «ВКонтакте»²⁵ и «Facebook»²⁶, давно почившего Пандито Хамбо-ламы Д. Д. Итигелова, мумифицированное тело которого было обнаружено в 2002 г., и, по словам верующих буддистов, является «нетленным» и находится в нирване. Таким образом, виртуальное пространство (в частности, социальные сети) дает возможность сделать харизматической персоной и реальным участником религиозной жизни не только действующего священнослужителя, как в случае с Позитивным батюшкой, но и практически такой мифологизированный персонаж, как лама Итигелов. Этот сегмент Интернета требует особых исследований.

² Адвентисты Астрахани. Социальная сеть ВКонтакте. Режим доступа: <https://vk.com/club60317247> (дата обращения 10.03.2019)

³ Еврейская община Астрахани. Социальная сеть Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/jewishastrakhan/> (дата обращения 07.03.2019)

⁴ Храм св. прп. Сергия Радонежского (с. Оранжеви). Социальная сеть «ВКонтакте». Режим доступа: <https://vk.com/agiossergeos> (дата обращения 20.03.2019)

Таблица 6. Популярные приложения для религиозных целей

Table 6. Popular applications for religious purposes

Ислам	• Muslim Pro — Время молитв, азан, Коран и кибла (скачиваний — 10 млн. +) ⁵
	• ИСЛАМ и новый миллионер (скачиваний — 100 тыс. +) ⁶
	• Обучение Намазу (скачиваний — 50 тыс. +) ⁷
	• 200 вопросов по вероучению Ислама (скачиваний 10 тыс. +) ⁸
Право- славие	• Дети в Исламе (скачиваний 10 тыс. +) ⁹
	• Православный календарь (скачиваний 500 тыс. +) ¹⁰
	• СПАС (скачиваний 500 тыс. +) ¹¹
	• Поучения Оптинских старцев (скачиваний 100 тыс. +) ¹²
Буддизм	• Воцерковление для начинающих (скачиваний 10 тыс. +) ¹³
	• Библейская викторина (скачиваний 10 тыс. +) ¹⁴
	• Буддизм викторины (скачиваний 500+) ¹⁵
	• Буддийская Ом-мантра (скачиваний 10 тыс. +) ¹⁶
Иудаизм	• Понятие буддизма (скачиваний 10 тыс. +) ¹⁷
	• Буддийский календарь (скачиваний 5 тыс. +) ¹⁸
	• Буддийское пение: медитативные мелодии для чакр (скачиваний 1 тыс. +) ¹⁹
	• Танах / Тора (русский иврит) (скачиваний 10 тыс. +) ²⁰
Иудаизм	• Толдот.ru (скачиваний 10 тыс. +) ²¹
	• Пятикнижье Моисея Тора книга (на русском языке) (скачиваний 5 тыс. +) ²²
	• Мессианский Сидур (скачиваний 1 тыс. +) ²³
	• Шаббат обои (скачиваний 1 тыс. +) ²⁴

⁵ Muslim Pro. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.bitsmediaandroid.muslimpro> (дата обращения 14.03.2019)

⁶ ИСЛАМ и новый миллионер. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=az.ustad.dinimillioner> (дата обращения 14.03.2019)

⁷ Обучение Намазу. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=kz.com.ws.namazgu> (дата обращения 14.03.2019)

⁸ 200 вопросов по вероучению Ислама. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=jmapps.questions200> (дата обращения 14.03.2019)

⁹ Дети в Исламе. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.salafforum.aulad.AOVYCDMRTUEDBLBACJ> (дата обращения 14.03.2019)

¹⁰ Православный календарь. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=oleksandr.kotyuk.orthodoxcalendarfree> (дата обращения 12.03.2019)

¹¹ СПАС. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.spastv.ru>

¹² Поучения Оптинских старцев. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.mav.optinskiestartsi> (дата обращения 12.03.2019)

¹³ Воцерковление для начинающих. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.appmk.book.AOUZTERJLRLBVSDJJ> (дата обращения 12.03.2019)

¹⁴ Библейская викторина. Сервис Google Play. Режим доступа: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.appbuilder.juan_valero_b.TrivialRUS (дата обращения 12.03.2019)

Онлайн религия

Еще одним важным сегментом российского религиозного пространства является виртуальные онлайн культы. Под ними мы понимаем религиозные ресурсы и культы, не традиционные для России, возникшие в Интернете и существующие в Сети, которые позднее могут получить оформление и в реальной жизни или, наоборот, переносят свое существование преимущественно в Сеть. Российский сегмент данного пространства можно условно разделить на несколько типов. Это российские версии западных культов (Русское пастафарианство) или течений, которые называют то религиями, то субкультурами. Они могут быть связаны и с вымышленными киногероями (Джедаизм) или синтезированными поп-айдолами-вокалоидами (Хатсунизм). Существуют и российские религиозные онлайн продукты. Чаще всего это культы, в центре которых находится новоявленный харизматический лидер, нередко они и создаются этими людьми — С. Шидловским (Движение искателей бога), А. Поповым (Церковь бога Кузи). Группа может избрать известную персону, даже из уже умерших, таких как артист Александр Абдулов (Абдуловера), или ныне существующих (Свидетели пришествия Владимира Путина). Особняком в этом ряду стоит Русская пиратская церковь (Пиратенизм), которая не является харизматическим культом и обожествляет не персону, а информацию²⁷. Не имея пантеона в классическом варианте, его место занимают законы информатики и физики или сложные системные закономерности, которым могут быть приданы личностные характеристики. У церкви есть своя философия, принципы и проекты. Церковь зарегистрирована в 2013 г. как

¹⁵ Буддизм викторины. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.BuddhismTriviaFun> (дата обращения 17.03.2019)

¹⁶ Буддийская Ом-мантра. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.mediapps.buddhistom> (дата обращения 17.03.2019)

¹⁷ Понятие буддизма. Сервис Google Play. Режим доступа: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.do_apps.catalog_361 (дата обращения 17.03.2019)

¹⁸ Буддийский календарь. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=ru.tyv.calendar> (дата обращения 17.03.2019)

¹⁹ Буддийское пение: медитативные мелодии для чакр. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.selfhealing.buddhachakra> (дата обращения 17.03.2019)

²⁰ Танах / Тора (русский иврит). Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.ik.torahoffline> (дата обращения 23.03.2019)

²¹ Толдот.ru. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.koshe.rdev.toldot> (дата обращения 23.03.2019)

²² Пятикнижие Моисея Тора книга (на русском языке). Сервис Google Play. Режим доступа: https://play.google.com/store/apps/details?id=appinventor.ai_aaoruchka.TORA (дата обращения 23.03.2019)

²³ Мессианский Сидур. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.appgress.siddur> (дата обращения 23.03.2019)

²⁴ Шаббат обои. Сервис Google Play. Режим доступа: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.igoapp.ShabbatNewWallpapersThemes> (дата обращения 23.03.2019)

²⁵ Хамбо Лама Даши-Доржо Итигэлов. Социальная сеть «ВКонтакте». Режим доступа: <https://vk.com/etigelov> (дата обращения 10.03.2019)

²⁶ Итигэлов Хамбо Лама. Социальная сеть Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/etigelov/> (дата обращения 10.03.2019)

²⁷ Русская пиратская церковь. Режим доступа: <http://pirate-church.org/news-article-faq.html> (дата обращения 27.03.2019)

Таблица 7. Информированность об онлайн-религиях среди участников исследований. Опрос № 2

Table 7. Awareness of online religions among poll participants. Poll № 2

№ п/п	Вопрос	Не могли бы ли Вы назвать «виртуальные религии»?			
		Вариант ответа*	Кол-во упоминаний	% ответов респондентов	% от всех ответов (сумма = 100%)
1	Пастафарианство		21	3,9	56,8
2	Абдуловера		3	0,6	8,1
3	Миссионерская церковь копимизма		3	0,6	8,1
4	Джедаизм		2	0,4	5,4
5	Русская пиратская церковь		1	0,2	2,7
6	Хатсунизм		1	0,2	2,7
7	Церковь бога Кузи		1	0,2	2,7
8	Церковь Илона Маска		1	0,2	2,7
9	Церковь недомудреца		1	0,2	2,7
10	Церковь Хандзомейнеров		1	0,2	2,7
	Итого		37	6,8	100

* Из числа респондентов, знакомых с «виртуальными религиями».

религиозная организация и имеет, исходя из статистических данных от 16 марта 2019 г., около 3684 подписчиков, состоящих преимущественно из мужчин. В целом возникает ощущение, что многие российские онлайн культы напоминают большой вселенский розыгрыш, причём некоторые из них (Церковь бога Кузи, Абдуловера, Пиратеизм) для изложения своих концепций весьма активно используют ненормативную лексику.

Однако данный сегмент российского религиозного пространства не востребован молодого поколения. На вопрос «Знакомы ли Вам «виртуальные религии», которые сформировались и функционируют в сети Интернет?» (табл. 7), лишь 6,8% из тех, кто пользуется Интернетом, ответили положительно. Возможно, это связано с нежеланием респондентов сталкиваться с подобным контентом в виртуальной сети и отсутствием интереса к данному феномену либо закрытостью подобных религиозных объединений от посторонних. Несмотря на то, что менее 7% опрошенных осведомлены об онлайн религиях, по его результатам была составлена таблица информированности.

Проведенные в рамках комплексного социологического исследования фокус-групповые интервью позволили подтвердить уровень информированности студенческой молодежи об онлайн религиях и отношение к таким религиозным объединениям. Надо сказать, что участники первой фокус-группы проявили в основном безразличное к ним отношение.: «...безразлично; равнодушно; я с одной стороны, нормально к этому отношусь, а с другой — это странно для меня, главное, чтобы это никому вред не приносило; безразлично, нейтрально...» (фокус-группа № 1).

Причиной такого отношения, на наш взгляд, является слабая осведомленность информантов и низкая распространенность подобных онлайн религий в русскоязычном сегменте Интернета. Возможно, это связано с небольшим количеством сторонников, а также с сильным влиянием традиционных религий на различные сферы жизни. По мнению информантов, такие религиозные системы существуют как страницы или порталы в социальных сетях и не имеют материального воплощения: «Ну, например, какой-то портал...; какой-то виртуальный источник...; сайт или страница в социальных сетях...» (фокус-группа № 2).

Однако обращение к такой религии принимается участниками фокус-групп как нейтральный или положительный фактор только в случае, если это не является переходом из традиционных для России религий. «...Если хорошо относилась, то и буду хорошо относиться дальше...; ...если бы он не исповедовал ранее никакую религию, то мне бы было все равно. А если бы исповедовал, то я бы подумала, что это, мягко говоря, странно. Я бы его не поняла...; ...я бы тоже его не поняла, конечно, я относилась бы, как и прежде, не думаю, что осудила бы его, но всё равно для меня это странно...» (фокус-группа № 1). Анализ экспертных интервью подтвердил достаточно низкую осведомленность священнослужителей и их паствы об онлайн религиях и не сформированность оценочных суждений. Практически все эксперты слабо осведомлены о наличии виртуальных религиозных объединений в российском сегменте Интернета и не имеют возможности конкретно назвать их виды. Представитель православия, например, указывает на обреченность подобных ресурсов: «...я думаю, что будущего нет... Уходить полностью в виртуальное пространство невозможно, так как должно оставаться что-то человеческое, какой-то контакт...» (Эксперт, представитель православия).

Выводы

Результаты социологических исследований, которыми оперируют авторы статьи, получены в рамках выполнения первого этапа проекта, поддержанного Российским научным фондом (РНФ). Одной из целей проекта является многофакторный анализ современного религиозного пространства, в силу чего исследуются такие важные процессы, как характер религиозной идентичности на постсоветском пространстве, трансгрессивные процессы, которые происходят с молодыми людьми под влиянием глобализации, глокализации, вступления общества в цифровую эпоху и т.д.

На первом этапе проекта были сформированы базовые векторы исследования, в рамках которых ставились следующие вопросы: Какова вовлеченность студенчества (на примере обучающихся в учебных заведениях Юга России) в российское религиозное виртуальное пространство? Какова степень его информированности о ресурсах, компьютерных программах и мобильных приложениях с соответствующей тематикой. Изучался и опыт использования подобных ресурсов, и уровень потенциальной заинтересованности в развитии данного сегмента Рунета.

Для решения поставленных задач, нами был осуществлен первичный контент-анализ наиболее популярных интернет-ресурсов религиозной тематики, ориентированных на русскоязычных пользователей, что позволило провести структуризацию российского религиозного виртуального пространства в первом приближении, исходя из дополненной авторами статьи типологии К. Хелланда. Это было необходимо не только для того, чтобы выявить специфику отечественного виртуального религиозного пространства, но и прояснить: какие именно его сегменты оказывают

наибольшее влияние на молодежь. Проведённый анализ был дополнен комплексными социологическими исследованиями.

Рассматривая трансформационные процессы, связанные с религиозной идентичностью студенческой молодежи, на основе приведенных в нашем исследовании данных мы пришли к выводу, что с начала XXI в. произошло определенное снижение общей религиозности молодежи. Наши собственные исследования подтверждают это предположение. Только за последнее пятилетие (2015–2019 гг.) на Юге России на 15% снизилось количество студентов, идентифицирующих себя с какой-либо религией.

В данном исследовании мы не проводили факторный анализ, отражающий связь между изменением характера (религиозной) идентичности студентов и трансформацией религиозного виртуального пространства, поскольку это является одной из задач следующего этапа исследования. Однако полученные результаты позволяют сделать определённые выводы.

В российском виртуальном религиозном пространстве, с одной стороны, представлены как оригинальные российские разработки (сайты, группы в социальных сетях, приложения), которые создавались в рамках традиционных для России религиозных объединений, а также программистами-энтузиастами. С другой стороны, можно выделить целый ряд легитимно используемых зарубежных разработок, имеющих переводные версии, адаптированные для использования русскоязычными пользователями.

Таким образом, эти факты позволяют говорить о наличии такого явления, как религии онлайн, и весьма значимый процент опрошенных нами студентов информирован о его существовании. Кроме того, как показывают исследования, практически четверть опрошенных нами респондентов (22,1%) получает религиозную информацию преимущественно из сетей.

Этот сегмент сетевого пространства, как следует из результатов экспертных опросов священнослужителей, используется преимущественно профессиональными религиозными институтами. Однако и здесь основными непрофессиональными пользователями является молодежь. Именно она наиболее активно откликается на любые нововведения в данной области. Следует отметить, что по нашим данным, наиболее востребованы онлайн ресурсы мусульманской направленности, хотя на региональном уровне, исходя из экспертного интервью, они используются еще недостаточно активно.

Надо заметить, что остальные сегменты религиозного виртуального пространства, такие, например, как онлайн религии и то, что мы обозначили выше как ресурсы «между онлайн религией и религий онлайн», известны молодежи гораздо меньше и оказывают на нее незначительное влияние, хотя в определенной степени (6,8% опрошенных) они владеют такой информацией. Возможно, в силу слишком ирреальных и часто абстрактных идей, которые пропагандирует большинство таких объединений, в сознании большинства пользователей они не воспринимаются серьёзно, поскольку ассоциируются с развлекательными фейковыми проектами, которыми наполнено интернет-пространство. Но исходя из результатов фокус-групповых исследований, принадлежность к таким объединениям воспринимается респондентами нейтрально только в случаях, если не было ситуации религиозной трансгрессии из традиционных для России религий.

На данный момент мы видим постепенный рост религиозного сегмента виртуального пространства, причем каждый религиозный институт формирует свою систему уникальных сервисов, часть из которых адаптирована только под нужды

интернет-пользователей. Гипотетически это должно было бы привести к росту религиозности молодежи, практически живущей в Интернете и позитивно откликающейся на любые новации, однако этого не произошло. Причины такого протекания процессов формирования религиозной идентичности на современном этапе и выявление траекторий ее трансформации станет задачей следующего этапа исследований.

Библиографический список

- Балич, Н. Л. (2015). Религиозная идентичность в культуре современного общества. *Социологический альманах*, 6, 234–243. Режим доступа <http://socio.bas-net.by/sotsiologicheskij-almanah/>
- Головчин, М. А., Мкоян, Г. С. (2018). Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 11 (3), 215–229. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14
- Горбунова, Е. С. (2017). Влияние СМИ на межэтническую толерантность и национальную идентичность. В М. С. Ткачева (ред.) *XXV Страховские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции в рамках Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ* (с. 55–59). Режим доступа <https://www.sgu.ru/research/nauchnye-izdaniya-sgu/prodolzhayushchiesya-izdaniya/strahovskie-chteniya/arhiv/strahovskie-chteniya-materialy-xxv-vserossiyskoj>
- Ересько, М. Н. (2006). Взаимодействие светских и религиозных идентичностей как социологическая проблема. *Вестник Тюменского государственного университета*, 1, 110–117.
- Забияко, А. П., Красникова А. Н., Элбакян Е. С. (2006). *Религиоведение. Энциклопедический словарь*. М.: Академический проект.
- Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (2017). Под ред. И. С. Семеновича. М.: Весь Мир.
- Итигэлов Хамбо Лама (2019, Март 10). Социальная сеть Facebook. Режим доступа <https://www.facebook.com/Itigelov/>
- Клинецкая, Н. В. (2004). Религиозность молодежи в современном мире. *Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 6: философия, политология, социология, психология, право, международные отношения*, 4, 75–86.
- Крылов, А. Н. (2014). *Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве*. М.: Издательство ИКАР.
- Кудряшова, Е. В., Дрягалов, В. С., Черничкин, Д. А., Рогов, А. В. (2019). Социокультурный анализ виртуальной религиозной активности студентов Астраханского государственного университета. В *Астраханские Петровские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Устойчивое развитие Каспийского региона: экологические, экономические, социальные аспекты (к 100-летию образования первого университета в Астрахани)*, (с. 48–50), Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет».
- Ляушева, С. А., Нагой, А. А. (2009). Религиозная идентичность в современной культуре. *Вестник Адыгейского государственного университета, серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 1, 195–198.
- Мчедлов, М. П. (2008). Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). В М. П. Мчедлов (ред.) *Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа* (с. 13–33), Москва: Институт социологии РАН.
- Мчедлова, М. М. (2017). Религиозная и конфессиональная идентичность. В И. С. Семеновича (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 334–339). М.: Весь Мир.

- Овчаров, Д. А. (2012). Групповая религиозная идентичность и практики повседневности: социологическое измерение конфликта. *Знание, понимание, умение*, 1, 115–119.
- Патырбаева, К. В. (2012). *Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография*. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т.
- Петров, И. К, Абдувалиев, А. Х. (2018). Этническая идентичность и этнические группы в социальных сетях. *Современные научные исследования*, 5 (22), 460–463.
- Русская пиратская церковь (2019, Март 27). Режим доступа <http://pirate-church.org/news-article-faq.html>
- Benjamin, D. J., Choi, J. J., Fisher, G. (2010). Religious Identity and Economic Behavior. *Review of Economics and Statistics*, 98 (4), 617–637. DOI: 10.1162/REST_a_00586
- Bilalia, R., Iqbal, Y. & Çelikb, A. B. (2018). The Role of National Identity, Religious Identity, and Intergroup Contact on Social Distance Across Multiple Social Divides in Turkey. *International Journal of Intercultural Relations*, 65, 73–85. DOI: 10.1016/j.ijintrel. 2018.04.007
- Helland, C. (2002). Surfing for Salvation. *Religion*, 32 (4), 293–303. DOI: 10.1006/reli.2002.0406
- Jackson, II, R. L., Hogg, M. A. (2010). *Religious Identity*. In *Encyclopedia of Identity*, 2. Thousand Oaks, Calif., SAGE Publications. DOI: 10.4135/9781412979306.n203
- Jones, R. P., Cox, D. (2017). America`s Changing Religious Identity. Findings from the 2016 American Values Atlas. Washington D. C., Public Religion Research Institute (PRRI). Retrieved from <https://www.prii.org/research/american-religious-landscape-christian-religiously-unaffiliated/>
- Kim, Y., Bradford Wilcox, W. (2014). Religious Identity, Religious Attendance, and Parental Control. *Review of Religious Research*, 56 (4), 555–580. DOI:10.1007/s13644–014–0167–0
- Morin, E. (1977). *La Méthode t.1. «La nature de la nature»*. Paris: Éditions du Seuil.
- Różycka-Tran, J. (2017). Love thy neighbor? The Effects of Religious In/Out-Group Identity on Social Behavior. *Personality and Individual Differences*, 115, 7–12. DOI: 10.1016/j.paid.2016.11.009
- Som, S. M. (2019). Common Identity as a Step to Civilization Longevity. *Future*, 106, 37–43. DOI: 10.1016/j.futures.2018.08.002
- Thumma, S. (1991). Negotiating a Religious Identity: The Case of the Gay Evangelical. *Sociology of Religion*, 52 (4), 333–347. DOI: 10.2307/3710850
- Topchiev, M. S., Chernichkin, D. A. & Dryagalov, V. S. (2018). Religious Networks Consumerization in Russian Virtual Space. *Social Sciences and Arts SGEM. Section: Cultural Studies*, 5, 387–395. Sofia, Bulgaria, Alexander Malinov. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/6.2/S26.048
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S. & Yakushenkova, O. S. (2016). The Problem of the Youth's Religious Identity Formation in the Frontier Territories of the Northern Caspian Sea Region: Contemporary Aspect. *Man In India*, 96 (12), 5481–5502.

Статья поступила в редакцию 12.04.2019

Статья принята к публикации 15.05.2019

Для цитирования: Романова А.П., Топчиев М.С., Черничкин Д.А., Дрягалов В.С., Рогов А.В. Влияние виртуального пространства на формирование религиозной идентичности студенческой молодежи (на примере Юга России). — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 99–120.

VIRTUAL SPACE INFLUENCE ON THE FORMATION OF YOUNG STUDENTS' RELIGIOUS IDENTITY (THE CASE OF SOUTH OF RUSSIA)

A.P. Romanova, M.S. Topchiev, D.A. Chernichkin, V.S. Dryagalov, A. V. Rogov

Anna P. Romanova. E mail: aromanova_mail@mail.ru.

ORCID 0000-0001-8537-4893

Mikhail S. Topchiev. E mail: ceo.gfn@gmail.com.

ORCID 0000-0001-8296-663

Dmitriy A. Chernichkin. E mail: chernichkin95@mail.ru.

ORCID 0000-0002-9647-7916

Vyacheslav S. Dryagalov. E mail: helios82@yandex.ru. ORCID 0000-0001-5441-6966

Aleksandr V. Rogov. E mail: alexr.89@mail.ru. ORCID 0000-0002-3512-8317

Institute of Southern Russia and Caspian Region Studies, Astrakhan State University, 20A
Tatishchev St., 414056, Astrakhan, Russia

Acknowledgements. This article is a result of the study supported by RNF project 18-78-10064: “Transformation of mechanisms of formation of post-transgress model of religious identity in the modern information space.”

Abstract. In the last few years, virtual space has had a direct impact on almost all spheres of human life activity. Religious identity in post-Soviet Russia is becoming an important part of national identity for many ethnic groups again, and it is reflected in virtual space as well. Russian religious virtual space has a number of characteristic properties. Firstly, the space stays within the limits of the Russian content due to the prevalence of the Russian-speaking users. Secondly, it is basically used by the youth audiences, as the older generation lack digital skills. Besides, it is accounted for by the specifics of the Russian Orthodox Church traditions which reject money-grabbing and glorify redemption and repentance, unlike marketing-oriented virtual space. Although Russian virtual space has no regulation or restrictions for its use by the clergymen, it is basically the Russian young people who are (far more than the older generation) involved into virtual world. The aim of the research is to identify and to reveal factors of virtual space influence on religious identity in Russian student community. The main methods of the research are content-analysis of the religious virtual space, and a complex sociological survey based on focus-group and in-depth interviews resorted to, to analyze the experience of the respondents' participation in network religious projects, as well as to scrutinize their value orientations to estimate the influence of the latter upon the religious identity formation. The research is an original complex content within which Russian religious space was constructed on the basis of C. Helland's typology and the predominant methods of networking were indicated, accounting for its influence on the religious identity formation. Special attention has been paid to revealing the general attitude of the respondents to virtual forms of religious networking. On the basis of the research the main trends of Russian digital space influence on religious identity construction have been identified.

Keywords: virtual space, religious identity, online religion, religion online, student youth, South of Russia.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-99-120

References

- Balich, N. L. (2015). Religioznaya identichnost v kulture sovremennogo obshchestva [Religious Identity in the Culture of Modern Society]. *Sotsiologicheskij almanakh* [Sociological Almanac], 6, 234–243. Retrieved from <http://socio.bas-net.by/sotsiologicheskij-almanah/>
- Benjamin, D. J., Choi, J. J. & Fisher, G. (2010). Religious Identity and Economic Behavior. *Review of Economics and Statistics*, 98 (4), 617–637. DOI: 10.1162/REST_a_00586
- Bilalia, R., Iqbal, Y. & Çelikb, A. B. (2018). The Role of National Identity, Religious Identity, and Intergroup Contact on Social Distance Across Multiple Social Divides in Turkey. *International Journal of Intercultural Relations*, 65, 73–85. DOI: 10.1016/j.ijintrel. 2018.04.007
- Eresko, M. N. (2006). Vzaimodeystviye svetskikh i religioznykh identichnostey kak sotsiologicheskaya problema [The Interaction of Secular and Religious Identities as a Sociological Problem]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 1, 110–117.
- Golovchin, M. A., Mkoyan, G. S. (2018). Molodezh na postsovetском prostranstve v usloviyakh tsennostnoy transformatsii obshchestva (na primere Rossii i Armenii) [Youth in Former Soviet Republics in Conditions of Value Transformation of Society (Case Study of Russia and Armenia)].

- Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii. Prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 11 (3), 215–229. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14
- Gorburnova, E. S. (2017). Vliyaniye SMI na mezhetnicheskuyu tolerantnost i natsionalnyuyu identichnost [Media Influence on Interethnic Tolerance and National Identity]. In M. S. Tkacheva (Ed.) *XXV Strakhovskiy chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii v ramkakh Mezh-dunarodnogo nauchnogo simpoziuma. posvyashchennogo 100-letiyu gumanitarnogo obrazovaniya v SGU* [XXV Strakhov Readings: Materials of the All-Russian Scientific Conference as Part of the International Scientific Symposium Marking the 100th Anniversary of Humanitarian Education at SSU] (pp. 52–57). Retrieved from <https://www.sgu.ru/research/nauchnye-izdaniya-sgu/prodolzhayushchiesya-izdaniya/strahovskie-chteniya/arhiv/strahovskie-chteniya-materialy-xxv-vserossiyskoy>
- Helland, C. (2002). Surfing for Salvation. *Religion*, 32 (4), 293–303. DOI: 10.1006/reli.2002.0406
- Jackson II, R. L., Hogg, M. A. (2010). *Religious Identity*. In *Encyclopedia of Identity*, 2. Thousand Oaks, Calif., SAGE Publications. DOI: 10.4135/9781412979306.n203
- Jones, R. P., Cox, D. (2017). America's Changing Religious Identity. Findings from the 2016 American Values Atlas. Washington D. C., Public Religion Research Institute (PRRI). Retrieved from <https://www.prrri.org/research/american-religious-landscape-christian-religiously-unaffiliated/>
- Kim, Y., Bradford Wilcox, W. (2014). Religious Identity, Religious Attendance, and Parental Control. *Review of Religious Research*, 56 (4), 555–580. DOI:10.1007/s13644-014-0167-0
- Klinetskaya, N. V. (2004). Religioznost molodezhi v sovremennom mire [Religiosity of Youth in the Modern World]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. politologiya. sotsiologiya. psikhologiya. pravo. mezhdunarodnyye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations], 4, 75–86.
- Krylov, A. N. (2014). *Religioznaya identichnost'. Individual'noye i kollektivnoye samosoznaniye v postindustrial'nom prostranstve* [Religious Identity. Individual and Collective Self-Awareness in the Post-Industrial Space]. Moscow: IKAR Publishing.
- Kudryashova, E. V., Dryagalov, V. S., Chernichkin, D. A. & Rogov, A. V. (2019). Sotsiokulturnyy analiz virtualnoy religioznoy aktivnosti studentov Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta. [Virtual Religious Activity of Students at Astrakhan State University: Socio-Cultural Analysis]. *Astrakhanskiye Petrovskiy chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem "Ustoychivoye razvitiye Kaspiyskogo regiona: ekologicheskiye. ekonomicheskiye, sotsialnyye aspekty" (k 100-letiyu obrazovaniya pervogo universiteta v Astrakhani)* [Astrakhan Petrovskii Readings: Materials of the All-Russian Scientific Conference with Foreign Participants "Sustainable Development of the Caspian Region: Environmental, Economic and Social Aspects" (to mark the 100th Anniversary of the First University in Astrakhan)] (48–50). Astrakhan': izdatel'skii dom «Astrakhanskii universitet».
- Lyausheva, S. A., Nagoy, A. A. (2009). Religioznaya identichnost' v sovremennoy kul'ture. [Religious Identity in Modern Culture]. *Vestnik adygejskogo gosudarstvennogo universiteta seriya 1: regionovedenie, filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies], 1, 195–198.
- Mchedlov, M. P. (2008). Religiya v samosoznanii naroda (religioznyy faktor v identifikatsionnykh processah) [Religion as Part of the People's Self-consciousness (A Religious Factor in Identification Processes)] In M. P. Mchedlov (Ed.) *Obshchie voprosy religioznoy identichnosti. K postanovke problemy, usloviya ee ob"ektivnogo analiza* [General Issues of Religious Identity. Raising a Problem of its Objective Analysis] (pp. 13–33), Moskva: Institut sociologii RAN.
- Mchedlova, M. M. (2017). Religioznaya i konfessional'naya identichnost' [Religious and Confessional Identity]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia] (pp. 334–339). M.: Ves' Mir.

- Morin, E. (1977). *La Méthode t.1. «La nature de la nature»*. Paris: Éditions du Seuil.
- Ovcharov, D. A. (2012). Gruppovaya religioznaya identichnost i praktiki povsednevnosti: sotsiologicheskoye izmereniye konflikta [Group Religious Identity and the Practices of Daily Life: the Sociological Measurement of Conflict]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 115–119.
- Patyrbaeva, K. V. (2012). *Identichnost': sotsial'no-psikhologicheskkiye i sotsial'nofilosofskiy aspekt: kollektivnaya monografiya* [Identity: Socio-Psychological and Socio-Philosophical Aspects: a Collective Monograph]. Perm': Perm. gos. nac. issl. un-t.
- Petrov, I. K., Abduvaliyev, A. Kh. (2018). Etnicheskaya identichnost' i etnicheskkiye gruppy sotsial'nykh setyakh. [Ethnic Identity and Ethnic Groups Social Networks]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki* [Contemporary Research and Development], 5(22), 460–463.
- Rózycka-Tran J. (2017). Love thy neighbor? The Effects of Religious In/Out-Group Identity on Social Behavior. *Personality and Individual Differences*, 115, 7–12. DOI: 10.1016/j.paid.2016.11.009
- Russkaya piratskaya cerkov' [Russian Pirate Church] (2019, March 27). Retrieved from <http://pirate-church.org/news-article-faq.html>
- Semenenko, I. S. (ed.) (2017). *Identichnost: lichnost. obshchestvo. politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. M.: Ves' Mir.
- Som, S. M. (2019). Common Identity as a Step to Civilization Longevity. *Future*, 106, 37–43. DOI: 10.1016/j.futures.2018.08.002
- Thumma, S. (1991). Negotiating a Religious Identity: The Case of the Gay Evangelical. *Sociology of Religion*, 52 (4), 333–347. DOI: 10.2307/3710850
- Topchiev, M. S., Chernichkin, D. A. & Dryagalov, V. S. (2018). Religious Networks Consumerization in Russian Virtual Space. *Social Sciences and Arts SGEM. Section: Cultural Studies*, 5, 387–395. Sofia, Bulgaria, Alexander Malinov. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/6.2/S26.048
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S. & Yakushenkova, O. S. (2016). The Problem of the Youth's Religious Identity Formation in the Frontier Territories of the Northern Caspian Sea Region: Contemporary Aspect. *Man In India*, 96 (12), 5481–5502.
- Zabiyako, A. P., Krasnikova, A. N. & Elbakyan, E. S. (2006). *Religiovedeniye. Entsiklopedicheskoye slovar'* [Religious Studies. Encyclopedic Dictionary]. M.: Academic Project.

Received 12.04.2019

Accepted 15.05.2019

For citation: Romanova A.P., Topchiev M.S., Chernichkin D.A., Dryagalov V.S., Rogov A.V. Virtual Space Influence on the Formation of Young Students' Religious Identity (The Case of South of Russia). — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 99–120.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА МОТИВАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

З. И. Рябикина, Е. В. Харитоновна, В. О. Покуль

Рябикина Зинаида Ивановна. E-mail: z.ryabikina@yandex.ru.
ORCID 0000-0001-7396-0115

Харитоновна Евгения Владимировна. E-mail: veva_2000@mail.ru.
ORCID 0000-0002-8222-2162

Покуль Владимир Олегович. E-mail: pokulv@mail.ru. ORCID 0000-0001-7033-1604

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия.

Аннотация. В статье представлены теоретико-методологическое обоснование и данные психометрической проверки методики «Опросник мотивации потребительского поведения в социальных медиа» (Опросник МППСМ). Актуальность разработки данного диагностического инструмента объясняется возрастающей научной и практической востребованностью раскрытия феноменологии явления, обозначаемого как «личность в онлайн среде». Подчеркивается, что методологической ценностью и эвристичностью в предпринятом исследовании обладает концепция личности как субъекта со-бытия, активно реализующей личностные интенции в формируемых бытийных пространствах, одним из которых становится качественно новая среда — пространство социальных медиа. Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к анализу явления потребительского поведения и его мотивационных детерминант с позиций экономической психологии, ресурсного анализа, социально-психологических концепций, психодинамических оснований. По резюмирующему обзору современных исследований проблемы мотивации потребительского поведения, обоснованы теоретические основания разработки психодиагностического инструмента — методики «Опросник МППСМ». Применены методы анкетирования, полного цикла психометрической проверки разработанного опросника. В результате факторного анализа по методу главных компонент с Varimax-вращением выделены семь факторов (58,09% дисперсии результатов), позволивших подтвердить наличие четырех видов мотивов («личностная идентификация»; «развлечения»; «социальное взаимодействие»; «поиск информации»), три из которых («развлечения»; «социальное взаимодействие»; «поиск информации») включают субфакторы (субшкалы). Мотивация «развлечения» образуется сочетанием субмотивов «развлечение для снятия напряжения» и «развлечение для ухода от повседневности»; мотивация «социальная идентификация» включает субмотивы «аффилиация» и «социальное взаимодействие»; мотивация «поиск информации» дифференцируется субмотивами «потребительская информация» и «познавательная информация». Теоретико-методологическое обоснование принятого подхода к разработке методики диагностики мотивации потребительского поведения в социальных медиа, данные психометрической проверки дают основание рассматривать опросник МППСМ в качестве эффективного инструмента для выделения типологических характеристик индивидуальных мотивационных профилей пользователей социальных медиа как субъектов потребительского поведения, фокусировать внимание консультантов на психологических «мишенях» развивающего, поддерживающего воздействия. Успешность дальнейших исследований проблемы личности в пространстве виртуального мира требует развития линии междисциплинарного анализа, в котором психологические традиции и школы объединятся с другими науками о человеке в едином поиске таинств современного бытия личности.

Ключевые слова: мотивация; потребительское поведение, социальные медиа, психометрическая проверка.

Актуальность исследования мотивационных тенденций личности как субъекта потребительского поведения в социальных медиа обусловлена необходимостью научного осмысления феноменологии возрастающего влияния виртуализации общества на личность и ее бытие. Расширяется популяционный сегмент участников активных социальных интеракций в виртуальном пространстве, которое все более очевидно превращается в одно из значимых пространств со-бытия и личностной самореализации (Кемп, 2018).

При этом степень интегрированности, активность личности в этом пространстве бытийности различна. Как отмечается в исследованиях, пользователи социальных сетей различаются не только степенью интенсивности контактов (высокая / низкая активность) но и качеством самой активности, которое связано с высокой или низкой субъектностью (Богомолова, 2015).

Проблема феноменологии виртуализации бытия личности в последнее время актуализируется активным развитием технологий web 2.0, в частности, социальных медиа. В соцмедийном пространстве формируются новые виды поведения субъекта, в частности, приобретает специфические, ранее не свойственные ему качества потребительское поведение, что, в первую очередь, требует обоснования дефиниций понятия: «потребительское поведение в социальных медиа». Анализ процесса соцмедийной репрезентации личности как потребителя показывает, что некоторые аспекты поведения в Интернете идентичны традиционному потребительскому поведению в реальной жизни, но некоторые — настолько отличны, что мотивы, обуславливающие стремление к реализации потребностей со-бытия делают человека мало узнаваемым в онлайн пространстве (Покуль, 2013; Shiri, Vivek, Beatty, Morgan, 2012).

Следует отметить, что феномен поведения потребителей как научная проблема все более приобретает междисциплинарный характер, объединяя, наряду с психологическими, маркетинговые, экономические, социологические аспекты (Покуль, 2018). Поиск неслучайных, устойчивых связей между определенными личностными качествами участников онлайн процессов и мотивационными тенденциями реализуемого ими потребительского поведения в социальных медиа, несомненно, является психологическим сегментом названной проблемы. При этом ее глубокий и разносторонний анализ затрудняется отсутствием диагностических инструментов, которые позволяли бы очертить условные «границы» исследования, сфокусировать поиск на предметных аспектах мотивационных детерминант потребительского поведения в социальных медиа.

Современное состояние изучения проблемы мотивации потребительского поведения

В современных междисциплинарных исследованиях отмечается, что потребление в значительной мере определяет структуру и характеристику пространства социума в целом, являясь специфическим маркером качества жизни, благополучия и успешности каждого члена общества в изменяющихся социально-экономических реалиях (Огорокова, 2006). В философском обобщении потребление в рыночных отношениях — это своеобразная игра, которая происходит между потребителями и производителями товаров и услуг. В зависимости от того, как человек относится к общим правилам этой «игры», выделяются три типа потребителей. Первые — принимают эти правила и включаются в «игру». Вторые — анализируют и обдумывают

собственное потребление, прежде чем включиться в «игру» на общих правилах. Наконец, третьи — действуют вопреки общей модели поведения, рассматривая ее правила негативно (Гущина, Витальева, 2012).

Если опираться на принцип междисциплинарного подхода, следует отметить, что с точки зрения социально-экономических взглядов потребительское поведение представляет собой систему определенных отношений, действий, поступков индивидов. Эти отношения могут быть описаны по критериям направленности на получение определенного продукта (услуги), потребления и распоряжения им, причем в основе данных действий потребителя лежат когнитивные процессы: принятие решений и их оценка (Окорокова, 2006).

Обращаясь к категории «поведение» как ключевому термину рассматриваемого нами конструкта «потребительское поведение», отметим, что в традициях современной психологии поведение определяется как «совокупность направленных действий субъекта, реализуемых им согласно закономерностям внутреннего развития и взаимодействия, со средой» (Краткий, 1998). Вместе с тем, важно видеть дефиниции самого конструкта «потребительское поведение». Так, О. С. Дейнека, рассматривая поведение потребителей, опирается на базовые категории микроэкономики (закон и виды спроса, исключения из закона спроса и т.д.) и психологические компоненты, объясняющие те или иные иррациональные с экономической точки зрения поступки потребителя. Потребительское поведение — это действия субъекта «вокруг» товара, находящегося в центре его внимания (Дейнека, 2000). О. С. Посыпанова для понимания психологической сути потребительского поведения предлагает рассматривать когнитивные, аффективные и конативные компоненты этого явления (Посыпанова, 2012). В. И. Верховин выделяет особый вид поведения — экономическое поведение, понимая под ним поведение, вызванное экономическими стимулами. Он рассматривает его как объект экономической психологии — современной отрасли психологического знания, направленной на исследование процессов и механизмов, лежащих в основе потребления или других типов экономического поведения, и, прежде всего, предпочтений, выборов, принятых решения и влияющих на них факторов (Верховин, 2015).

С позиций ресурсного подхода, анализируя психологическую суть потребительского поведения, исследователи говорят, что, вступая в ситуацию экономического поведения, субъект, прежде всего, оценивает наличные ресурсы (материальные, личностные, социальные и др.). Для него как потребителя может быть важен иногда не столько материальный результат принятого решения, сколько получение морального удовлетворения, актуализация неких социальных потребностей. В этой связи нельзя не учитывать, что потребительское поведение, как и любой иной вид поведения человека, формируется под влиянием тесно взаимосвязанных внешних (экономических, материальных, социальных) и внутренних (индивидуально-психологических) условий. Так, сложившаяся в обществе культура потребления (компонент внешних условий) может оказывать влияние на личность, формируя те или иные аспекты поведения, индивидуальные ценности и потребности (Окорокова, 2006).

А. Balick (2012, 2013) установил, что активность личности в социальных медиа может обуславливаться мотивом узнавания («*recognition*»). Формированию этого мотива способствует наличие представленной во всех социальных сетях кнопки «Like» («мне нравится»). Всего лишь с помощью одной кнопки пользователь имеет возможность как воспринимать, так и выражать достаточно большой спектр чувств и действий, с ними связанных (признание, симпатия, одобрение, неприятие и проч.). А. Balick

использует также понятие «виртуальное столкновение». Это событие, происходящее в процессе взаимодействия пользователя социальных сетей с виртуальным миром и испытываемое человеком как экспансия в границы «Я» (Balick, 2012).

В социально-психологических концепциях утверждается, что в основе потребительского поведения лежит процесс выбора. Поскольку суть выбора — принятие определенной альтернативы из наличных, в основе потребительского выбора находятся потребительские свойства продукта (услуги), которые либо соответствуют актуальным потребностям индивида, либо противостоят им (Манн, Поминова, 2014). Из этого следует важный вывод: изучение специфики восприятия человеком определенного продукта, торговой марки, услуги дает возможность понять, на какие смыслы и ценности он опирается, какова эмоциональная модальность этого восприятия. При этом процесс выбора индуцируется не только восприятием продукта, соответствием его мотивационно-потребностной сфере субъекта, но сопровождается определенным когнитивным напряжением, размышлениями, придающими принятому выбору смысл и логику. Такая интерпретация мотивационных детерминант потребительского поведения соответствует взглядам Г.М. Андреевой, согласно которым человек, воспринимая некий объект, соотносит его со сложившейся в индивидуальном сознании картиной мира, выделяет те признаки, которые являются для него значимыми и ценными, т.е. соответствуют в его собственной «идеальной» модели действительности (Андреева, 2000).

Теоретические основания методики «Опросник МППСМ»

В предпринятом исследовании поиск мотивационных маркеров потребительского поведения в социальных медиа осуществлялся с позиции субъектно-бытийного подхода, рассматривающего личность как субъекта формирования бытийных пространств (Знаков, Рябикина, 2017). В методологических основах названного подхода бытие представляется пространством реализованной человеком субъектности. Личность, обретая качества субъекта, ориентирована на обретение и поддержание целостности и вместе с тем — на расширение границ собственного бытия в качественно новой среде, в пространстве социальных медиа.

При разработке методики мы исходили из концепта «COBRA», предложенного D. Muntinga и M. Moorman (2011). Аббревиатура «COBRA» («Consumer's OnlineBrandRelatedActivities») в русскоязычной интерпретации означает «активность (деятельность) потребителя в онлайн среде, связанная с брендом». В рамках данной концепции, авторы кластеризировали широкий спектр поведенческих характеристик (потребитель — потребитель; потребитель — бренд), интегрируя все концепты, описывающие бихевиоральные онлайн феномены. Например, электронные данные, передаваемые «сарафанным радио», «electronicword-of-mouth (eWOM)», ассоциируются преимущественно со взаимосвязями типа «потребитель — потребитель» относительно бренда, а термин «контент», генерированный пользователями (UGC), применяется в западной литературе преимущественно для данных, созданных и загруженных в основном пользователями, а не компаниями. Кроме того, концепт «COBRA» включает в себя типологии поведения потребителей в компьютерной среде, представленные несколько ранее в работе D. Hoffman и T. Novak (1996). Интегрируя эти подходы и проецируя их на особенности современного потребительского поведения в социальных медиа, модель «COBRA» позволяет исследовать и сравнивать поведенческие типы, которые ранее

рассматривались только раздельно (Muntinga, Moorman, 2011). D. Muntinga систематизировал данные о мотивах потребительского поведения онлайн и выделил шесть наиболее выраженных мотивов, которые, в свою очередь, включают в себя определенные субмотивы.

Первый мотив — «поиск информации». Он образован субмотивами: «наблюдение» (поиск информации о личной жизни других пользователей); «знание» (поиск информации ради удовлетворения собственных интересов или любопытства); «предпочупочная информация» (анализ информации перед предстоящей покупкой с целью минимизации рисков).

Второй мотив — «социальное взаимодействие и интеграция». Он включает четыре субмотива: «помощь» (общение и взаимодействие с целью получения помощи и поддержки); «социальная идентификация» (идентификация индивида с другими пользователями социальных медиа); «социальное взаимодействие» (диалоги, обсуждения); «социальное давление» (нахождение в социальных медиа обусловлено стремлением быть «как все»).

Третий мотив — «личностная идентификация». В нем центрируются субмотивы: «самовыражение»; «самопрезентация» и «создание уверенности в себе».

Четвертый мотив — «досуг или развлечение». Он обуславливается потребностью получать удовольствие от пребывания в социальных медиа. D. Muntinga отмечает, что здесь может быть четыре субмотива: «развлечение»; «расслабление» (релаксация); «бегство» (уход от реальности); «времяпрепровождение».

Пятый мотив — «вознаграждение». Потребитель обсуждает или генерирует контент с целью получения личной выгоды (бонусы, скидки и т.д.).

Наконец, шестой мотив — «убеждение». Пользователь сознательно обменивается информацией о продукте, компании или бренде, целенаправленно убеждая участников онлайн среды в том, что данный продукт лучше других (Muntinga, Moorman, 2011).

Назначение и область применения опросника МППСМ

Опросник «Мотивация потребительского поведения в социальных медиа» (далее — опросник МППСМ) создан для выявления доминирующих мотивационных комплексов, обуславливающих потребительскую активность пользователей социальных медиа. Диагностика позволяет выделить сегменты субъектов потребительского поведения, ориентированных на выделенные типы мотиваторов: получение информации; социальное взаимодействие; личностная идентификация; развлечение (В. О. Покуль, Е. В. Харитонова).

При использовании опросника МППСМ можно оценить индивидуальные особенности пользователей соцмедиа и ориентироваться на полученную информацию в целях оптимизации процессов маркетинговых коммуникаций, психологического консультирования, создания новых продуктов в технологиях юзабилити.

Потенциально опросник МППСМ может быть использован для определения мотивационных детерминант активности личности в соцмедийном пространстве как актуальной сфере субъектной репрезентации, со-бытия, самореализации.

Основные параметры, измеряемые с помощью опросника МППСМ.

Опросник позволяет установить определенные мотивационные образования и обуславливающие их потребности потребительского поведения в социальных медиа. К ним относятся:

- потребность получения информации определенного наполнения и формата;

- потребность виртуального общения, аффилиации, организации пространства со-бытия для компенсации затруднений в формировании широкого круга социальных и лично значимых контактов в реальном потоке жизни;
- получение легко доступной возможности проведения досуга с развлечениями, соответствующими эстетическим и этическим ценностям субъекта;
- потребность личностной идентификации в онлайн среде, восполняющей недостаток или ограниченность таковой в реальном пространстве со-бытия.

Процедура разработки и описание опросника МППСМ.

На первом этапе на основе теоретического анализа было уточнено концептуальное содержание шкал. Из шести выделенных D. Muntinga мотивов было оставлено четыре, поскольку «убеждение» и «вознаграждение» являются скорее инструментом получения материальных предпочтений, чем видом мотивации поведения. В результате мы исходили из предположения, что потребительское поведение в социальных медиа может детерминироваться четырьмя видами мотивов: поиск информации; стремление к социальному взаимодействию; личностная идентификация; развлечение.

Для проверки очевидной валидности и степени понимания полученного текста сформулированные пункты опросника подверглись экспертному анализу. Исходная версия опросника состояла из 11 вопросов с четырьмя вариантами ответов. После ознакомления экспертов-психологов (12 преподавателей Кубанского государственного университета) мы переформулировали часть утверждений для устранения их категоричности, двусмысленности, неопределенности. Затем с целью первичной психометрической оценки опросника на выборке в 120 человек было проведено пилотажное исследование. После проверки репрезентативности опросника (оценка дискриминативности, коэффициент Дельта Фергюсона) были отредактированы пункты с низкой различительной силой (с одинаковыми ответами более чем в 80,0% случаев).

Конструктивную валидность опросника обеспечило соответствие смысла понятия «мотивации потребительского поведения в социальных медиа», процедуры получения пунктов теста, а также сопоставление параметров опросника МППСМ с другими опросниками с известным конструктивным содержанием.

Далее выборка респондентов была увеличена на 200 человек — до 320 человек (80 мужчин и 240 женщин в возрасте от 18 до 35 лет), что отвечает психометрическим требованиям надежности и валидности.

Для подтверждения содержательной валидности утверждений опросника и правомерности выделения в нем четырех шкал был проведен факторный анализ по методу главных компонент с Varimax-вращением. В результате факторного анализа выделились семь факторов (58,09% дисперсии). С учетом критерия уровня значимости (факторный вес 0,15) пункты опросника объединились в факторы (шкалы), а в дальнейшем три шкалы были разбиты каждая на две субшкалы следующим образом.

Фактор 1 (11 пунктов, наибольший вес или информативность 17,74%) «Личностная идентификация». Самый высокий факторный вес имеет переменная «Мне желательно, чтобы в социальных медиа появилось больше возможностей для демонстрации своих дел и интересов, самопрезентации» (0,817).

Мотивация «Развлечение» представлена двумя субшкалами: «Развлечение для снятия напряжения» (фактор 2; шесть пунктов; информативность 12,33%) и «Развлечение для ухода от повседневности» (фактор 3; пять пунктов, информативность 9,31%).

Субшкала «Развлечение для снятия напряжения» маркируется утверждениями: «Мне нравится находиться в социальных медиа, потому что с их помощью я могу

расслабиться», «В социальных медиа я часто просто провожу время, отдыхаю», «Для меня важно, чтобы в социальных медиа я не напрягался, а отдыхал и расслаблялся, чтобы было весело и интересно», «Я зарегистрировался в социальных сетях потому, что хочу быть в курсе самой интересной и новой информации, трендов», «Полагаю, основная моя цель пребывания в социальных медиа — это эмоциональное расслабление и развлечение, отвлечение от житейских проблем», «Мне вряд ли понравится, если в социальных медиа ограничат доступ к развлечениям (социальные игры, просмотр видео и т.п.)». Самый высокий факторный вес имеет переменная «Полагаю, основная моя цель пребывания в социальных медиа — это эмоциональное расслабление и развлечение, отвлечение от житейских проблем» (0,844).

Субшкала «Развлечение для ухода от повседневности» содержит пять параметров мотивации «Развлечение»: «Вероятно, я буду проводить меньше времени онлайн, если меня будет это напрягать, я не смогу отвлечься от реальности», «Мне желательно, чтобы в социальных медиа появилось больше возможностей, с помощью которых я мог бы убежать от реальности и отдохнуть», «Я считаю важным, чтобы социальные медиа обеспечивали мне возможность развлечения, расслабления и отвлечения от повседневных забот и дел», «Мне нравится использовать социальные медиа для того, чтобы участвовать в обсуждениях, просматривать веселые картинки и сообщения, получать удовольствие от того, что происходит в сети», «Я думаю, что нахождение в социальных медиа не принесет мне удовлетворения, если я не смогу хотя бы на это время уйти от реальности, и в соц. медиа все будет так же, как в повседневной жизни». Самый высокий факторный вес имеет переменная ««Я думаю, что нахождение в социальных медиа не принесет мне удовлетворения, если я не смогу хотя бы на это время уйти от реальности и в соц. медиа все будет так же, как в повседневной жизни...» (0,793).

Мотивация «Социальное взаимодействие» представлена также двумя субшкалами: «Аффилиация» (фактор 4; шесть пунктов, информативность 6,12%) и «Социальная идентификация» (фактор 5; пять пунктов, информативность 4,56%).

Стремление к социальному взаимодействию для реализации потребности в создании тёплых, доверительных, эмоционально значимых отношений с другими людьми (субшкала «Аффилиация») представлено утверждениями: «Мне нравится находиться в социальных медиа, потому что я могу общаться со своими друзьями», «Вероятно, я буду проводить меньше времени онлайн, если не смогу делиться с друзьями информацией, мнениями и т.п.», «В социальных медиа я часто ищу помощи, чтобы разобраться в новых или непонятных для меня товарах и услугах», «Для меня важно, чтобы в социальных медиа я мог общаться с людьми, с которыми у меня общие ценности и интересы», «Я зарегистрировался в социальных сетях потому, что многие мои друзья там зарегистрировались», «Полагаю, основная моя цель пребывания в социальных медиа — это общение с друзьями и коллегами». Самый высокий факторный вес имеет переменная «Мне нравится находиться в социальных медиа, потому что я могу общаться со своими друзьями» (0,747).

Субшкала «Социальная идентификация» образована утверждениями: «Мне вряд ли понравится, если в социальных медиа я не смогу общаться и вступать в сообщества с теми людьми, которые мне интересны, с которыми у меня что-то общее», «Мне желательно, чтобы в социальных медиа появилось больше возможностей для общения и знакомства», «Я считаю важным, чтобы социальные медиа обеспечивали мне возможность социального взаимодействия, помощи при покупке товаров, общения

с теми, с кем я «на одной волне», «Мне нравится использовать социальные медиа для того, чтобы находить людей, с которыми у меня общие интересы и взгляды», «Я думаю, что нахождение в социальных медиа не принесет мне удовлетворения, если не смогу находить и общаться с людьми, близкими мне по взглядам и интересам». Самый высокий факторный вес имеет переменная «Я думаю, что нахождение в социальных медиа не принесет мне удовлетворения, если не смогу находить и общаться с людьми, близкими мне по взглядам и интересам» (0,697).

Мотивация «Информация» раскрывается также двумя субшкалами: «Потребительская информация» (фактор 6; пять пунктов, информативность 4,42%) и «Познавательная информация» (фактор 7; шесть пунктов, информативность 3,61%).

Субшкала «Потребительская информация» образована следующими утверждениями, раскрывающими шкалу «Информация»: «Мне нравится находиться в социальных медиа, потому что я нахожу много новой полезной информации о продуктах и услугах», «В социальных медиа я часто наблюдаю за тем, какие товары и бренды сейчас модны», «Для меня важно, чтобы в социальных медиа я мог найти сведения о продукте, который я хочу приобрести, чтобы узнать о его свойствах и качестве», «Я зарегистрировался в социальных сетях потому, что хочу быть в курсе самой интересной и новой информации, трендов», «Полагаю, основная моя цель пребывания в социальных медиа — это просмотр новых данных о товарах, услугах, людях и т.п.». Самый высокий факторный вес имеет переменная «Мне нравится находиться в социальных медиа, потому что я нахожу много новой полезной информации о продуктах и услугах» (0,536).

Субшкала «Познавательная информация» содержит утверждения: «Вероятно, я буду проводить меньше времени онлайн, если информация, которую я смогу там найти, перестанет вдохновлять меня, перестанет быть интересной», «Мне вряд ли понравится, если в социальных медиа долгое время не будет интересной информации о новых событиях, услугах, товарах и т.п.», «Мне желательно, чтобы в социальных медиа расширились возможности отслеживать самую свежую и интересную информацию», «Я считаю важным, чтобы социальные медиа обеспечивали мне возможность наблюдать за интересными фактами, отслеживать их, получать новые знания, изучать отзывы о товарах, услугах и брендах», «Мне нравится использовать социальные медиа для того, чтобы получать отзывы о новых товарах, наблюдать за трендами во всех сферах жизни», «Я думаю, что нахождение в социальных медиа не принесет мне удовлетворения, если не смогу находить интересную информацию». Самый высокий факторный вес имеет переменная «Мне желательно, чтобы в социальных медиа расширились возможности отслеживать самую свежую и интересную информацию» (0,636).

С учетом содержания факторов двухфакторное решение трех шкал послужило выделению субшкал. Уточнение состава шкал в дальнейшем осуществлялось с помощью коэффициента внутренней согласованности α -Кронбаха.

Далее мы сравнили выраженность параметров опросника в мужской ($N = 80$ чел.) и женской ($N = 240$ чел.) подвыборках. В связи с однородностью дисперсии (критерий Ливиня) сравнительный анализ осуществлялся с помощью параметрического t -критерия Стьюдента. Было выявлено лишь одно достоверное различие между мужской и женской выборками (на уровне $p < 0,05$), что в целом позволяет считать по исследуемым параметрам выборку однородной. Для мужчин, по сравнению с женщинами, характерны лишь несколько более низкие значения по субшкале «Развлечение для снятия напряжения» ($t = 2,034, p \leq 0,05$).

Конвергентная валидность исследовалась путем соотнесения полученных характеристик типов мотивации потребительского поведения личности с показателями ряда опросников. Применены:

1) личностный опросник МСИА «Мотивационная структура информационной активности» (Ю.Н. Долгов, А.С. Коповой, Г.Н. Малюченко, В.М. Смирнов); целью опросника является установление одной или нескольких преобладающих мотиваций, определяющих общую направленность информационной активности и характер повседневного медиа потребления респондентов (Малюченко, Коповой, 2011; Долгов, 2009; Сиврикова, Жеребкина, Постникова, 2017);

2) методика «Изучение мотивационного профиля личности» (Ш. Ричи и П. Мартин), предназначенная для выявления структуры потребностей профессионально-личностной самореализации субъекта (Ричи, Мартин, 2004).

Результаты корреляционного анализа с помощью r -коэффициента Пирсона, свидетельствуют о тесной взаимосвязи шкал опросника МППСМ и ряда параметров использованных методик (подавляющее большинство корреляций было выявлено на уровне значимости $p \leq 0,01$).

Выявлена тесная взаимосвязь обеих субшкал развлечения, получения информации и одной субшкалы социального взаимодействия с двумя шкалами опросника МСИА: «реактивирующей мотивацией» (использованием различной медиаинформации /медиапродукции с целью скорейшего вхождения в режим активных действий, достижения эмоционального подъема, обретения желаемого физического тонуса, бодрости) и «компенсаторной мотивацией» (медиапотреблением как способом ухода от серой обыденности, однообразной реальности в виртуальный мир).

Надежность опросника МППСМ как измерительного инструмента была подтверждена с помощью коэффициента синхронной надежности α -Кронбаха: шкала «Личностная идентификация» (α -Кронбаха = 0,800), шкала «Развлечение» (α -Кронбаха = 0,823), шкала «Социальное взаимодействие» (α -Кронбаха = 0,702), шкала «Информация» (α -Кронбаха = 0,845). Значения коэффициента α -Кронбаха превысили по всем шкалам, 0,7, что является приемлемыми показателями внутренней согласованности шкал.

Далее с помощью τ_b -коэффициента Кендалла была проверена тест-ретестовая надежность. 80 респондентам опросник МППСМ был предложен дважды с временным интервалом в четыре недели. Высокую устойчивость результатов измерения подтверждают показатели τ_b -коэффициента Кендалла в диапазоне $p \leq 0,001$.

Оценка интеркорреляций шкал опросника свидетельствует о высокой внутренней однородности опросника (по большинству параметров r_{sv} пределах $p \leq 0,01$).

В результате полного цикла психометрической проверки предложен Опросник МППСМ, включающий 11 утверждений с четырьмя вариантами выбора, которые соответствуют диагностируемому типу мотивации. Каждое утверждение суммарно оценивается 11 баллами. Респонденту предлагается, прочитав утверждение и варианты ответов, распределить 11 баллов между вариантами a, b, c, d, отдавая наибольший балл предпочитаемому варианту, а наименьший — незначимому варианту.

Интерпретация данных и опыт применения опросника МППСМ

Максимальный диагностический балл по любому из четырех мотивов равен 121. Получение такого показателя означает, что субъект мотивирован только одним из четырех мотивов. Уравновешенная выраженность всех четырех видов мотивации

Пример утверждений опросника

№	Утверждения	Оценка (балл)
1	<i>Мне нравится находиться в социальных медиа, потому что:</i>	
	а) с их помощью я могу расслабиться	
	б) я могу общаться со своими друзьями	
	в) я нахожу много новой полезной информации о продуктах и услугах	
	г) я могу выражать свое настроение, убеждения, взгляды	
	Всего	11
2	<i>Вероятно, я буду проводить меньше времени онлайн, если:</i>	
	а) будет невозможно выкладывать информацию о себе и своей жизни (фотографии, статусы, мнения)	
	б) информация, которую я смогу там найти, перестанет вдохновлять меня, перестанет быть интересной	
	в) не смогу делиться с друзьями информацией, мнениями и т.п.	
	г) меня будет это напрягать, я не смогу отвлечься от реальности	
	Всего	11
3	<i>В социальных медиа я часто:</i>	
	а) вступаю в группы и сообщества, где есть те бренды, товары или информация, которые подчеркивали бы мою индивидуальность	
	б) ищу помощи, чтобы разобраться в новых или непонятных для меня товарах и услугах	
	в) наблюдаю за тем, какие товары и бренды сейчас модны	
	г) просто провожу время, отдыхаю	
	Всего	11

отмечается при показателе по каждому фактору, равным 25,0% от максимального, т.е. 30 баллам. Таким образом, возможны следующие варианты выраженности каждого из четырех мотивов (см. таблицу).

В качестве примера применения разработанного опросника представим данные исследования, проведенного на группе респондентов в возрасте от 26 до 35 лет (всего 80 человек, из них 52 женщины и 28 мужчин; все имеют профессиональное образование и находятся в статусе работающих) (Рокул, 2012).

Выделена специфика мотивационных комплексов респондентов данной возрастной когорты. Отмечается, что потребительское поведение в социальных медиа у 22,5% респондентов детерминируется единственным мотивом. У остальных испытуемых мотивационные детерминанты имеют вид мотивационных комплексов, в которых в разном сочетании представлены на уровнях «сопутствующая», «основная» или «слабовыраженная» мотивация отдельные мотивы и субмотивы. Например, для 55,8% опрошенных женщин мотивация «социальное взаимодействие» и ее субшкала «социальная идентификация» сочетаются с аналогично выраженным субмотивом «развлечение для ухода от повседневности». Для 53,6% мужчин

Варианты выраженности мотивов потребительского поведения в социальных медиа
Motivating intensity in customers' behavior in social media: degree of manifestation

Диапазон баллов	Характер выраженности мотивации
0–30	Слабовыраженная
31–60	Сопутствующая
61–90	Основная
91–121	Единственная

(15 чел.) стремление к активным онлайн контактам обуславливаются сочетанием субмотива «аффилиация» и мотивации «информация», причем преимущественно — образующим ее субмотивом «познавательная информация».

Исследования показали эффективность применения Опросника в практике маркетинга. В частности, при создании маркетинговых инструментов учет мотивационных факторов поведения потребителей в социальных медиа может существенно повысить эффективность коммуникаций, уровень доверия и лояльности к бренду. Основываясь на знании мотивов поведения субъектов определенных возрастных и гендерных сегментов, маркетолог получает возможность генерировать непосредственно тот контент, который будет востребован в среде субъектов, ориентированных на удовлетворение совокупности потребностей, образовавших тот или иной тип мотивации онлайн активности (Покуль, 2013).

Применение Опросника МППСМ также позволяет конкретизировать задачи психологического консультирования при работе с лицами, обнаруживающими интернет-аддикцию, сниженную самооценку, дефицит социального признания, трудности межличностного общения.

Перспективы развития. Разработанный опросник МППСМ расширяет набор методов, предназначенных для анализа доминирующих мотивационных комплексов, обуславливающих потребительскую активность пользователей социальных медиа. Данный диагностический инструмент операционализирует концепцию со-бытия личности в пространствах реализованной субъектности, подтверждая ее эвристичность и методологическую ценность. Вместе с тем следует отметить, что комплексный анализ многогранной проблемы личности в расширяющемся и стремительно приобретающем качественно новые формы пространстве виртуального мира требует развития линии междисциплинарного анализа. Реализация такого подхода позволит объединить психологические концепции, традиции и школы с данными других наук о человеке в едином поиске таинств современного бытия личности.

Библиографический список

- Андреева, Г. М. (2000). *Психология социального познания*. Москва: Аспект Пресс.
- Богомолова, Е. И. (2014). Нарастающая виртуализация бытия и особенности личности, являющейся пользователем социальной сети. В З.И. Рябикина, В.В. Знакова *Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всерос. психол. науч.-практ. конф.* (с. 180–182). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; М.: Институт психологии РАН.
- Верховин, В. И. (2015). *Экономическое поведение: учебное пособие*: в 2 частях. Ч. 1. Москва: РУДН.
- Гущина, Е. Г., Витальева, Е. М. (2012). Модели потребительского поведения индивида с точки зрения различных наук. *Вестник АГТУ. Серия: Экономика*, 2, 136–142.
- Дейнека, О. С. (2000). *Экономическая психология*. Санкт-Петербург: изд-во С.-Петербур. ун-та.

- Долгов, Ю. Н., Коповой, А. С., Малюченко, Г. Н., Смирнов, В. М. (2009). *Развитие культуры медиапотребления: социально психологический подход*. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.
- Знаков, В. В., Рябикина, З. И. (2017). *Психология человеческого бытия*. Москва: Смысл.
- Карпенко, Л. А. (сост.), Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (ред.) (1998). *Краткий психологический словарь*. Ростов-на-Дону: ФЕНИКС.
- Малюченко, Г. Н., Коповой, А. С. (2011). *Теория и практика диагностики в медиапсихологии и медиапедагогике*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.
- Манн, И., Поминова, Н. (2014). *Точки контакт онлайн*. Москва: СилаУма-Паблшер.
- Огорокова, О. В. (2006). Анализ детерминант потребительского поведения в социально-экономических исследованиях. *Научная мысль Кавказа*, доп. вып., 38–49,
- Покуль, В. О. (2013). Анализ сущности и структуры социальных медиа как инновационной среды в маркетинге. В *Организационная среда XXI века: статьи и доклады IV Международной научно-практической конференции*. Москва: МЭСИ.
- Покуль, В. О. (2013). Мотивационно-личностные детерминанты поведения потребителей в социальных медиа. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*, 4 (129), 143–150.
- Покуль, В. О. (2018). Поведение потребителей как объект междисциплинарных исследований: обзор научных взглядов и концепций. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 117–127.
- Посыпанова, О. С. (2012). *Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей*. Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского.
- Ричи, Ш., Мартин, П. (2004). *Управление мотивацией*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
- Сиврикова, Н. В., Жеребкина, В. Ф., Постникова, М. И. (2017). Взаимосвязь проявлений внутриличностного конфликта и стиля медиапотребления студентов. *Российский психологический журнал*, 3, 70–87.
- Balick, A. (2013). The Real Motivation Behind Social Networking. *Therapeutic Innovations in Light of Technology*, 3 (2). Retrieved from https://www.academia.edu/2494977/The_Real_Motivation_Behind_Social_Networking_Therapeutic_Innovations_in_Light_of_Technology_Volume_3_Issue_2
- Balick, A. (2012). TMI in the Transference LOL: Psychoanalytic Reflections on Google, Social Networking, and Virtual Impingement. *Psychoanalysis. Culture and Society*, 17 (2), 120–136.
- Buffardi, L., Campbell W. (2008). Narcissism and Social Networking Web Sites. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 34, 1303–1314.
- Burns, M. (2012) The State of Customer Experience. Retrieved from <http://www.lithium.com/resources/analyst-reports/the-state-of-customer-experience-2012>
- Hay, K. (2013) The Age of Narcissism and Homogenization with Instagram. *Adore Noir*, 12, 20–26.
- Hoffman, D. L., Novak, T. P. (1996). Marketing in Hypermedia Computer-Mediated Environments: Conceptual foundations. *Journal of Marketing*, 60 (3). 50–68.
- Kemp S. (2018). Digital in 2018. Essential Insights into Internet, Social Media, Mobile, and Ecommerce Use Around the World. Retrieved from <http://digitalreport.wearesocial.com/>
- Kruglanski, A., Higgins, E. T. (Eds.) (2007) *Social Psychology: Handbook of Basic Principles*, New York, NY: Guilford.
- Muntinga, D., Moorman, M. (2011). Introducing COBRAs. *International Journal of Advertising*, 30 (1), 13–46. DOI: 10.2501/IJA-30-1-013-046
- Pokul V. O, Voronina L. A, Malkova E.M. (2018). Content Generation in Social Media Based on Consumer Behavior. *European Research Studies Journal*, 9 (2), 923–935.
- Pokul, V. (2012). The Role of Psychological Aspects of Motivation in Social Media for Integrated Marketing Communications. In *Materials of XX International Conference “Management — New Challenges”* (pp. 112–116). Lublin.

- Schaefer, C. (2008). Motivations and Usage Patterns on Social Network Sites. In *Proceedings of the 16th European Conference on Information Systems (ECIS)*. Galway, Ireland.
- Shiri, D. Vivek, Sharon E. Beatty, Robert M. Morgan. (2012). Customer Engagement: Exploring Customer Relationships Beyond Purchase. *The Journal of Marketing Theory and Practice*, 20 (2), 127–145.
- Shu-Chuan Chu, Kim Y. (2011) Determinants of Consumer Engagement in Electronic Word-of-Mouth (eWOM) in Social Networking Sites. *International Journal of Advertising*, 30 (1), 47–75.

Статья поступила в редакцию 27.03.2019

Статья принята к публикации 28.04.2019

Для цитирования: Рябикина З.И., Харитоновна Е.В., Покуль В.О. Разработка опросника мотивации потребительского поведения в социальных медиа. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 121-135.

DEVELOPMENT OF A QUESTIONNAIRE ON CONSUMER BEHAVIOR MOTIVATION IN SOCIAL MEDIA

Z. I. Ryabikina, E. V. Kharitonova, V. O. Pokul

Zinaida I. Ryabikina. E-mail: z.ryabikina@yandex.ru. ORCID 0000-0001-7396-0115

Evgeniya V. Kharitonova. E-mail: veva_2000@mail.ru. ORCID 0000-0002-8222-2162

Vladimir O. Pokul. E-mail: pokulv@mail.ru. ORCID 0000-0001-7033-1604

Kuban State University, Stavropol'skaia Str., 149, Krasnodar, 350040, Russia

Abstract. The paper contains theoretical and methodological substantiation, as well as the data of the psychometric validation of the technique called “Questionnaire on Consumer Behavior Motivation in Social Media” (MCBSM Questionnaire). The relevance of this diagnostic tool is accounted for by the growing theoretical and practical demand aimed at uncovering the gist of the phenomenon referred to as “personality in online environment”. It is emphasized that the concept of personality as a subject of co-existence is of special methodological and heuristic value. The personality implements its intentions in the developing existential spaces, one of which is a qualitatively new environment known as ‘social media space’. Convincing arguments are found to substantiate the necessity of interdisciplinary approach in analyzing customers’ behavior and their motivating determinants with resorting to economic psychology, resource analysis, social and psychological concepts and psychodynamic grounds. Having reviewed the latest researches in customers’ behavior motivation, the authors found strong theoretical arguments for developing a novel approach — a psycho-diagnostic tool called “MCBSM Questionnaire”. To draw it up, they used questioning and a full cycle of the Questionnaire psychometric testing. As a result of factor analysis by the method of the main components with Varimax-rotation, seven factors were identified (58.09% of the variance of the results), which allowed to confirm the presence of four types of motives (“personal identification”; “entertainment”; “social interaction”; “information search”), three of which (“entertainment”; “social interaction”; “information search”) include sub-factors (sub-scales). The motivation “entertainment” is formed by a combination of submotives “entertainment to relieve tension”; and “entertainment to escape from everyday life»; the motivation “social identification” includes the submotives “affiliation” and “social interaction”; the motivation “information search” is differentiated by the sub-motives “consumer information” and “cognitive information”. Theoretical and methodological substantiation of the adopted approach to the development of methods for the diagnosis of consumer behavior motivation in social media, as well as psychometric verification data give grounds to consider MCBSM Questionnaire as an effective tool for identifying typological characteristics of individual motivational profiles of social media users as subjects of consumer behavior, and to focus the attention of consultants on the psychological “targets” of developing, supporting impact. The success of further studies of personality in the space of the virtual world requires the development of interdisciplinary analysis approach,

in which psychological traditions and schools will unite with other Sciences of Man in a common search for the mysteries of modern life of the individual.

Keywords: motivation, consumer behavior, social media, psychometric testing.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-121-135

References

- Andreeva, G. M. (2000). *Psikhologiya sotsial'nogo poznavaniia* [Psychology of Social Cognition]. Moskva: Aspekt Press.
- Balick, A. (2012). TMI in the Transference LOL: Psychoanalytic Reflections on Google, Social Networking, and Virtual Impingement. *Psychoanalysis. Culture and Society*, 17 (2), 120–136.
- Balick, A. (2013). The Real Motivation Behind Social Networking. Therapeutic Innovations in Light of Technology, 3 (2). Retrieved from https://www.academia.edu/2494977/The_Real_Motivation_Behind_Social_Networking_Therapeutic_Innovations_in_Light_of_Technology_Volume_3_Issue_2
- Bogomolova, E. I. (2014). Narastaiushchaia virtualizatsiia bytiia i osobennosti lichnosti, iavliaiushcheisia pol'zovatelem sotsial'noi seti [The Growing Virtualization of Objective Reality and the Specificity of an Individual Social Network User]. In Z. I. Riabikina, V. V. Znakova *Lichnostnaia identichnost': vyzovy sovremennosti: materialy Vseros. psikhol. nauch.-prakt. konf.* [Personality Identification: Modern Challenges. Materials of the All-Russian Psychological Scientific and Practical Conference] (pp. 180–182). Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, Maikop: Adygeiskii gos. un-t; M.: Institut psikhologii RAN.
- Buffardi, L., Campbell W. (2008). Narcissism and Social Networking Web Sites. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 34, 1303–1314.
- Burns, M. (2012) The State of Customer Experience. Retrieved from <http://www.lithium.com/resources/analyst-reports/the-state-of-customer-experience-2012>
- Deineka, O. S. (2000). *Ekonomicheskaiia psikhologiya* [Economic Psychology]. Sankt-Peterburg: izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Dolgov, Yu. N., Kopovoi, A. S., Malyuchenko, G. N., Smirnov, V. M. (2009). *Razvitie kul'tury media-potrebleniia: sotsial'no psikhologicheskii podkhod* [Development of Media Consumption Culture: Socio-Psychological Approach]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.
- Gushchina, E. G., Vital'eva, E. M. (2012). Modeli potrebitel'skogo povedeniya individa s tochki zreniya razlichnyh nauk [Models of Consumer Behavior of an Individual in Terms of Different Sciences]. *Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika* [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series Economics], 2, 136–142.
- Hay, K. (2013) The Age of Narcissism and Homogenization with Instagram. *Adore Noir*, 12, 20–26.
- Hoffman, D. L., Novak, T. P. (1996). Marketing in Hypermedia Computer-Mediated Environments: Conceptual foundations. *Journal of Marketing*, 60 (3). 50–68.
- Karpenko, L. A. (Comp.), Petrovskii, A. V., Iaroshevskii, M. G. (Eds.) (1998). *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [Concise Dictionary of Psychology]. Rostov-on-don: FENIKS.
- Kemp S. (2018). Digital in 2018. Essential Insights into Internet, Social Media, Mobile, and Ecommerce Use Around the World. Retrieved from <http://digitalreport.wearesocial.com/>
- Kruglanski, A., Higgins, E. T. (Eds.) (2007) *Social Psychology: Handbook of Basic Principles*, New York, NY: Guilford
- Maliuchenko, G. N., Kopovoi, A. S. (2011). *Teoriia i praktika diagnostiki v mediapsikhologii i mediapedagogike* [Theory and Practice of Diagnostics in Media Psychology and Media Pedagogy]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta.
- Mann, I., Pominova, N. (2014). *Tochki kontakta onlain* [Points of Contact Online]. Moskva: SilaUma-Publisher.
- Muntinga, D., Moorman, M. (2011). Introducing COBRAs. *International Journal of Advertising*, 30 (1), 13–46. DOI: 10.2501/IJA-30-1-013-046

- Okorokova, O. V. (2006). Analiz determinant potrebitel'skogo povedeniya v social'no-ekonomicheskikh issledovaniyakh [Analysis of Determinants of Consumer Behavior in Socio-Economic Studies]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], Extra Issue, 38–49.
- Pokul V. O, Voronina L. A, Malkova E. M. (2018). Content Generation in Social Media Based on Consumer Behavior. *European Research Studies Journal*, 9 (2), 923–935.
- Pokul, V. (2012). The Role of Psychological Aspects of Motivation in Social Media for Integrated Marketing Communications. In *Materials of XX International Conference "Management – New Challenges"* (pp. 112–116). Lublin.
- Pokul, V. O. (2013). Analiz sushchnosti i struktury sotsial'nykh media kak innovatsionnoi sredy v marketinge [Analysis of the Essence and Structure of Social Media as an Innovative Environment in Marketing]. In *V Organizatsionnaia sreda XXI veka: stat'i i doklady IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Organizational Environment of the XXI century: Articles and Reports of the IV International Scientific-Practical Conference]. Moskva: MESI.
- Pokul, V. O. (2013). Motivacionno-lichnostnye determinanty povedeniya potrebitelei v social'nykh media [Motivational and Personal Determinants of Consumer Behavior in Social Media]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* [The Bulletin of Adyge State University. Series 3: Pedagogy and Psychology], 4 (129), 143–150.
- Pokul, V. O. (2018). Povedenie potrebitelei kak ob"ekt mezhdisciplinarnykh issledovaniy: obzor nauchnykh vzglyadov i koncepcii [Consumer Behavior as an Object of Interdisciplinary Research: a Review of Scientific Views and Concepts]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 1, 117–127.
- Posypanova, O. S. (2012). *Ekonomicheskaya psikhologiya: psikhologicheskie aspekty povedeniya potrebitelei* [Economic Psychology: Psychological Aspects of Consumer Behavior]. Kaluga: Izd-vo KGU im. K. E. Ciolkovskogo
- Richie, S., Martin, P. (2004). *Upravlenie motivatsiei* [Motivation management]. Moscow: YUNITI-DANA.
- Schaefer, C. (2008). Motivations and Usage Patterns on Social Network Sites. In *Proceedings of the 16th European Conference on Information Systems (ECIS)*. Galway, Ireland.
- Shiri, D. Vivek, Sharon E. Beatty, Robert M. Morgan. (2012). Customer Engagement: Exploring Customer Relationships Beyond Purchase. *The Journal of Marketing Theory and Practice*, 20 (2), 127–145.
- Shu-Chuan Chu, Kim Y. (2011) Determinants of Consumer Engagement in Electronic Word-of-Mouth (eWOM) in Social Networking Sites. *International Journal of Advertising*, 30 (1), 47–75
- Sivrikova, N. V., Zherebkina, V. F., Postnikova, M. I. (2017). Vzaimosvyaz' proyavlenii vnutrilichnostnogo konflikta i stilya mediapotrebleniya studentov [The Association Between Manifestations of Intrapersonal Conflict and the Style of Media Consumption Among Students]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 3, 70–87.
- Verhovin, V. I. (2015). *Ekonomicheskoe povedenie: uchebnoe posobie* [Behavior in Economics: Tutorial]. Moskva: RUDN.
- Znakov, V. V., Ryabikina, Z. I. (2017). *Psikhologiya chelovecheskogo bytiia* [Psychology of Human Existence]. Moskva: Smysl.

Received 27.03.2019

Accepted 28.04.2019

For citation: Ryabikina Z.I., Kharitonova E.V., Pokul V.O. Development of a Questionnaire on Consumer Behavior Motivation in Social Media. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 121-135.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК МАРКЕРА ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

М. Г. Остроушко

Остроушко Марина Геннадиевна, ГБУЗ «Краевая клиническая больница № 2», ул. Красных Партизан, 6, корп. 2, Краснодар, 350012, Россия.
E-mail: marina-ostroush@mail.ru. ORCID 0000-0002-2783-8407

Аннотация. В статье анализируются результаты исследования, позволившие выделить три вида управленческого интеллекта (УИ) в среде руководителей организации здравоохранения. В качестве критериев использованы показатели рефлексивных способностей руководителей как основного механизма формирования УИ и стилей принятия управленческих решений (ПУР). Показано, что два вида УИ, обладателями которых являются 42,6% менеджеров, демонстрирующих авторитарный и либеральный стили ПУР, могут оцениваться как УИ недостаточного уровня сформированности. Они маркируют невысокую личностную зрелость руководителя. Авторитарному стилю свойственны слабо развитые способности рефлексии деятельности, выражены в стремлении к достижению высоких личных показателей, преимущественно интернальном локусе субъективного контроля. Либеральную ориентацию в управленческой деятельности характеризуют такие психологические показатели, как невысокий уровень рефлексивных способностей общения и взаимодействия с другими людьми, отстраненность от руководимого персонала, сниженный уровень потребности достижений. Субъекты, обладающие развитыми способностями рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми, интегративным стилем атрибуции — активными психологическими ресурсами успешности развития процесса формирования личностной зрелости, опираются на сочетание либерализма по отношению к подчиненным с продуцированием проблемных ситуаций. Предлагается рассматривать этот вид УИ как эффективный управленческий интеллект. УИ, в основе которого лежит ситуативно-зависимое принятие решений в проблемных ситуациях, сочетающееся с ориентацией на партисипативные отношения с подчиненными, характеризует зрелую личность руководителя, обладающую развитой рефлексивностью, интернальным локусом контроля, стремлением к саморазвитию и самосовершенствованию. По характеристикам переменных, включенных в общую структуру диагностических показателей данной группы респондентов, этот вид управленческого интеллекта определяется как высокоразвитый или управленческий интеллект высокого уровня сформированности.

Ключевые слова: личностная зрелость; управленческий интеллект; руководитель; стиль принятия управленческих решений; рефлексивность; локус субъективного контроля; потребность достижений.

Обзор проблемы

Понятие «управленческий интеллект» ввел в теорию менеджмента Дж. Менкенс (2008), определив его как «уникальное чутье и проницательность в области бизнеса» (там же, с. 16). Обнаруживается управленческий интеллект в потоке решения трех видов задач: производственных; взаимодействия с людьми — работниками и исполнителями производственных заданий; собственного развития и совершенствования, необходимого для принятия эффективных управленческих решений (табл. 1).

В определенном смысле можно говорить, что возникло понятие управленческого интеллекта как следствие активного поиска ресурсов эффективности бизнеса (Кирхлер и др., 2005), в частности, исследований так называемого практического интеллекта / practical intelligence (Sternberg и др., 2000; Kotter, 1999; Collins, 2001), с одной стороны, и развития исследований в направлении интеллектуальных спо-

Таблица 1. Критическое мышление в предметных аспектах управленческой деятельности, определяющие управленческий интеллект (Менкес, 2008, с. 64–65)

Table 1. Critical thinking in substantive issues of management determining managerial intellect (Menkes, 2008, pp. 64–65)

Предметные аспекты в управленческой деятельности		
в отношении задач	в отношении людей	в отношении себя
Правильно определяет данную проблему и отличает существенные цели от менее значимых	Признает выводы, сформулированные по ходу обмена мнением	Приветствует и поощряет обратную связь, которая смогла бы помочь обнаружить ошибку в суждениях, и затем корректирует свои действия
Предвидит возможные препятствия на пути к достижению цели и видит возможности их преодоления	Прогнозирует действия и определяет мотивацию человека или группы людей, которые задействованы в данной ситуации	Признает наличие у себя личностных предубеждений или ограничений во взглядах и использует это понимание для своего мышления и планирования дальнейших действий
Критически оценивает скрытые допущения, имеющие отношение к своей деятельности	Предвидит возможную реакцию окружающих на свои слова или действия	Понимает, когда серьезные недочеты в собственных идеях или действиях требуют публичного признания ошибки и ее исправления
Оценивает силу и слабость предложений или аргументов, выдвигаемых другими	Точно определяет суть и позиции, лежащие в основе конфликта	Четко формулирует существенные недостатки в аргументах других людей и утверждает силу своей собственной позиции
Определяет, что уже известно о проблеме, что необходимо выяснить, как получить наиболее важную и точную информацию об этом	Учитывает возможные последствия своих действий	Знает, когда уместно противостоять возражениям других и продолжать отстаивать свою точку зрения
Учитывает разные точки зрения для определения возможных нежелательных последствий предпринятых действий	Признает и в равной степени учитывает интересы всех сторон	Сохраняет собственную позицию от интервенции

собностей человека — с другой (Андреева, 2006, 2009; Андропова, 2010; Белоконь, 2009; Drucker, 2002; Mackintosh, 1998; Kihlstrom, 2000; Sternberg, 1997 и др.).

В этих предметных аспектах управленческая деятельность может осуществляться успешно при наличии у руководителя совокупности когнитивных способностей, основу которых составляет развитое критическое мышление — «способность умело и активно интерпретировать и оценивать наблюдения, связи, информацию и выдвигать четкие аргументы, имеющие отношение к дальнейшим мыслям и действиям» (Goleman, 1999, p. 16; Csikszentmihaly, 1996; Bossidy, Charan, 2002).

Согласно концепции Менкеса, критическое (рефлексивное) мышление следует рассматривать в качестве основного механизма формирования управленческого интеллекта руководителя (Isrnberg, 1984, 1996; Mitroff, 1998; Ясько, 2017).

Несмотря на то что Дж. Менкесом разработана и экспериментально апробирована методика кадрового интервьюирования для оценивания управленческого интеллекта, психологических маркеров этого психического образования до настоящего времени не выделено. Это подтверждает целесообразность и актуальность эмпирического поиска, результаты которого могли бы позволить верифицировать концепцию управленческого интеллекта, в частности, в связи с исследованиями факторов, обуславливающих личностную зрелость руководителя как субъекта управленческой деятельности.

Рассматривая совокупность публикаций, посвященных проблеме взаимосвязи личностной и профессиональной зрелости, сталкиваемся с очевидным парадоксом: несмотря на растущее в обществе внимание к проблеме «профессиональных лифтов», карьерного продвижения работников, аспекты, отражающие личностную зрелость руководителя, в эмпирических исследованиях и теоретических публикациях представлены весьма ограниченно. При этом нельзя не отметить пристальное внимание к анализу различных аспектов самореализации личности в организации (Вольвич, 2018; Мандрикова, 2011 и др.), в предпринимательской деятельности (Омаров, 2011). В исследованиях подчеркивается, что наряду с определенной совокупностью внутренних, психологических качеств и новообразований значительное влияние на успешность формирования способности человека к самореализации оказывают внешние специфические условия, определяющиеся сложившейся в организации системой менеджмента, в том числе индивидуальным лидерским стилем управленцев, организационной культурой и пр. (Вольвич, 2018; Сизова, 2015; Цику, 2015 и др.).

В исследовании Н.Н. Пыжовой (2017) охарактеризованы особенности проявления личностной зрелости у менеджеров. Психологическими маркерами автором приняты показатели общего интеллекта и локуса контроля. Обосновано, что показателями личностной зрелости субъекта управленческой деятельности являются выраженный интернальный локус контроля и высокий уровень интеллекта (способность логически мыслить, гибко приспосабливаться к новым ситуациям и использовать свои знания для управления окружающей средой). А.С. Смельцова и М.А. Шукина (2018) предприняли попытку выделить наиболее типичные компоненты конструкта «личная зрелость руководителя». Их составили шесть критериев: способность к конструктивным отношениям; образ Я; самоуправление и саморазвитие; продуктивная активность и творчество; ответственная автономия; способность к вершинным переживаниям. Эти критерии — результат группировки наиболее представленных в литературе маркеров, позволяющих создать теоретическую модель личностной зрелости. В оригинальном исследовании Э.З. Омарова (2011) проведен анализ личностной зрелости успешных и неуспешных предпринимателей. В определении личностной зрелости автор исходит из концепции психических новообразований: зрелая личность — это результат личностного роста. Личностная зрелость, по Омарову, состоит в готовности человека к совершению поступков высшего уровня, сознательных и ответственных, определяющих будущее и соответствующих его целям и ценностям (Омаров, 2011, с. 72).

Актуальность, цель и организация эмпирического исследования

Анализ исследований, содержащих концепции личностной зрелости как психологического условия успешности процесса самореализации субъекта управлен-

ческой деятельности, обнаруживает определенное противоречие. Его полюсами являются, с одной стороны, очевидная социальная востребованность обоснования психологических «маршрутов» становления руководителя новой формации, с другой — недостаточная разработка взглядов на данный процесс и закономерности его наполнения с учетом современных научных концепций. В русле данного противоречия мы считаем актуальной проблему эмпирической верификации концепции управленческого интеллекта как маркера личностной зрелости руководителя.

Цель представляемого эпизода проводимого исследования состояла в выявлении психологического содержания основных предметных аспектов управленческой деятельности, определяющих управленческий интеллект руководителя (в отношении задач; в отношении людей; в отношении себя). Поскольку механизмом формирования управленческого интеллекта является критическое мышление, концепция эмпирического анализа состояла в следующем. С помощью опросника «Стиль принятия управленческих решений» (Карпов, Маркова, 2003) ставилась задача выделить в группе испытуемых (руководителей среднего звена многопрофильного лечебного учреждения) наиболее характерные управленческие стили (далее — стили ПУР). Анализ позволит установить особенности управленческого интеллекта руководителей при разных стилях ПУР в первом аспекте управленческого интеллекта («в отношении задач»). Далее с использованием теста оценки рефлексивности личности (Карпов, Пономарева, 2000) решалась вторая задача: установить специфику критического ретроспективного, актуального и перспективного оценивания деятельности субъектами, обладающими разными стилями ПУР, и рассмотреть их возможную взаимосвязь с факторами, структурирующими стиль ПУР («властность» и «поведение в проблемной ситуации»). При этом мы исходили не только из интегрального показателя рефлексивности, но и рассматривали четыре парциальные составляющие (ретроспективную рефлексию деятельности; рефлексию настоящей деятельности; рассмотрение будущей деятельности; рефлексию общения и взаимодействия с другими людьми).

Третья задача была направлена на раскрытие психологического содержания аспектов управленческого интеллекта «в отношении людей» и «в отношении себя» у руководителей с разными стилями ПУР. Для этого анализировались эмпирические данные, полученные с применением как названных методик, так и дополнительно с выявлением локуса контроля (тест Роттера) и выраженности потребности достижений (опросник потребности достижений Ю.М. Орлова; далее — ОПД).

Решение названных задач в совокупности позволит проверить гипотезы:

- 1) в организации здравоохранения формирование управленческого интеллекта руководителя подвержено влиянию функциональных управленческих задач, определяемых должностным статусом линейного менеджера;
- 2) возможно наличие нескольких видов управленческого интеллекта в зависимости от сочетания характеристик, определяющих стиль принятия управленческих решений, рефлексивности, локализации субъективного контроля, потребностной направленности личности руководителя;
- 3) уровень личностной зрелости руководителя непосредственно взаимосвязан с определенным видом управленческого интеллекта.

Исследование организовано в группе руководителей среднего звена регионально-многопрофильного лечебного учреждения (врачи — заведующие отделениями; старшие медицинские сестры отделений). Совокупная выборка составила 122 чел.

Результаты и их обсуждение

*Стили ПУР, характерные для линейных менеджеров организации здравоохранения*¹

Установлено, что стили принятия управленческих решений представлены четырьмя типами, определяемыми авторами данной концепции как «реализаторский», «авторитарный», «либеральный» и «ситуационный».

I. *Реализаторский стиль* обнаружили 23,8% руководителей (29 чел.). Для этого управленческого стиля характерно сочетание либерализма по отношению к подчиненным с продуцированием проблемных ситуаций как сущностной черты критического мышления в отношении производственных задач. Такой руководитель направлен прежде всего на дело, на достижение результата, при этом сочетает высокую требовательность к себе с либеральной манерой построения взаимоотношений в коллективе.

II. *Авторитарный стиль* свойственен 24,6% испытуемых (30 чел.). Он характеризуется сочетанием директивности в отношении к подчиненным и продуцирования проблемной ситуации в отношении производственных задач. Авторитарный руководитель не боится ответственности, а наоборот, хочет и может быть ответственным и властным. Он ориентирован и на себя, и на дело через демонстрацию производственных показателей, которые достигаются путем тотального контроля и жестких дисциплинарных мер.

III. *Либеральный стиль* ПУР выделен в 22 наблюдениях (18,0%). Либерализм в отношении к подчиненным сочетается с избеганием проблемных ситуаций в отношении к делу. Отмечается, что основную часть состава этой подгруппы образовали руководители поликлинических (консультационных) отделений.

IV. Наиболее многочисленна группа, представляющая *ситуационный стиль* ПУР: 33,6% (41 чел.). Такой руководитель ориентирован на партнерские отношения с подчиненными, а его отношение к делу характеризуется ситуативно-зависимой формой принятия решения. Важно отметить, что специфика процесса принятия решения определяется не личностными предпочтениями руководителя, а объективными особенностями производственной ситуации, что, на наш взгляд, объясняет многочисленность данной группы. Клинические ситуации нередко носят непредсказуемый характер, что вырабатывает у опытных руководителей подразделений готовность к принятию решений здесь и сейчас.

Рассмотрим психологические особенности управленческого интеллекта при разных стилях ПУР.

Стиль I. Реализаторский

Рефлексивные способности руководителей, обладающих данным стилем, определяются в среднegrupповых значениях средним уровнем ($M = 126,8 \pm 6,72$; по шкале «С» 5 баллов). Однако если рассмотреть парциальные компоненты, то видим, что при среднем уровне развития первых трех видов рефлексии деятельности, четвертый (рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми) имеет высокий уровень ($M = 42,1$, т.е. 75,1% от максимального показателя). При этом развитая рефлексия общения с подчиненными положительно коррелирует с фактором «поведение в проблемных ситуациях» ($r = 0,435$), что соответствует общей характеристике данного стиля: руководитель в процессе выработки решения привлекает группу

¹ Интерпретация стилей дается в соответствии с подходом авторов концепции стилей управленческих решений (Карпов, Маркова, 2003).

к сбору информации, к инициации идей, к обсуждению сильных и слабых сторон каждой из альтернатив (Карпов, Маркова, 2003). Можно предположить, что столь выраженной взаимосвязи способствует преобладание экстерналистского локуса контроля у большей половины респондентов (16 чел.; 55,2%). Открытость и готовность разделять определенную меру ответственности за принятие управленческих решений с группой подчиненных можно рассматривать как психологический маркер управленческого интеллекта руководителей *реализаторского* стиля ПУР. Это подтверждается и данными корреляционного анализа: рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми достоверно связана с экстерналистским локусом контроля ($r = -0,424$), диагностируемым в примененном нами методе расчета сниженными показателями. Сложившиеся в этой группе руководителей индивидуальные стратегии атрибуции также отрицательно взаимосвязаны с интегральным показателем рефлексивности личности ($r = -0,350$) и положительно — с ретроспективной рефлексией деятельности. Эти данные не только могут объяснять значение атрибутивного стиля в характеристике рефлексивных способностей руководителей-«реализаторов», но и интерпретировать данный стиль ПУР как своеобразный тип управленческого интеллекта.

Выявленная характеристика реализаторского стиля дополняется данными о мотивационно-потребностной сфере респондентов, позволяющими рассматривать третий аспект управленческого интеллекта, обозначенный как «отношение к собственному развитию и совершенствованию, необходимого для принятия эффективных управленческих решений». Потребность достижений имеет в целом по группе средний уровень ($M = 12,8$; при максимальном значении — 23 балла). Высоко выражено стремление к росту у 27,6% (8 чел.), а остальные респонденты придерживаются средней «планки» саморазвития и совершенствования ($M = 12,0 \pm 0,87$). Такая система стремлений к достижениям слабо коррелирует с властностью как одним из факторов, определяющих стиль ПУР ($r = 0,299$). Возможно, при высоких уровнях стремления к достижениям руководители могут в отдельных ситуациях склоняться от либеральных к директивным методам управления для реализации центральной должностной функции в руководимом подразделении — функции контроля (Остроушко, 2016).

Обобщение результатов анализа позволяет сформулировать содержание предметных аспектов управленческой деятельности, определяющих управленческий интеллект руководителей реализаторского стиля ПУР (табл. 2).

Стиль II. Авторитарный

Рефлексивные способности руководителей авторитарного стиля находятся на среднем уровне, но показатель значительно ниже, чем в группе обладателей реализаторского стиля (при $t = 4,69$ $p < 0,01$). Высокоразвитые прогностические способности (рассмотрение будущей деятельности) сочетаются со слабо выраженной рефлексией общения и взаимодействия с другими людьми ($M = 25,1$, т.е. 44,9% от максимального показателя по данной шкале). Ярко выраженная ориентация на реализацию властных функций взаимосвязана со всеми компонентами рефлексивности (см. приложения, табл. П-3). Особо следует отметить разнонаправленную связь высоких показателей в измерениях властности и сниженных в рефлексии общения ($r = -0,561$), высоких прогностических способностей ($r = 0,573$), средних по ретроспективной рефлексии деятельности ($r = 0,305$) и рефлексии текущей деятельности ($r = 0,747$). Такая очевидная взаимозависимость позволяет говорить, что авторитарность как стиль управления взаимообуславливается специфически

Таблица 2 Предметные аспекты управленческой деятельности, определяющие управленческий интеллект руководителей при разных стилях ПУР

Table 2. Substantive aspects of management determining managerial intellect of leaders with different styles of MDM

В отношении задач	В отношении людей	В отношении себя
I. Реализаторский стиль ПУР		
Сочетание «либерализма» и «продуцирования проблемной ситуации»	Развитые способности рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми; преобладание экстернальности	Преимущественно средний уровень потребности достижений; интегративный стиль атрибуции (сочетание интер/экстернальности)
II. Авторитарный стиль ПУР		
Авторитарность, опора на власть; развитые прогностические способности (прогнозирование будущей деятельности)	Слабо развитые способности рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми	Высокий уровень личностной ответственности за дело; стремления к достижениям; преобладание интернального стиля атрибуции
III. Либеральный стиль ПУР		
Не требовательность к подчиненным; слабо развиты прогностические способности в деятельности; пассивность	Невысокий уровень рефлексивных способностей общения и взаимодействия с другими людьми	Не требователен к себе; сниженный уровень потребности достижений; преимущественно интернальный стиль атрибуции
IV. Ситуационный стиль ПУР		
Ситуативно-зависимая ориентация в принятии управленческих решений; развитые способности рефлексии текущей деятельности; умение снижать активность власти в процессе управления	Краткость и четкость во взаимодействии; умение критически оценивать и организовывать деловое общение	Стремления к достижениям, к развитию умений самостоятельного критического анализа задач деятельности; высокий уровень личностной ответственности за дело (интернальный стиль атрибуции)

формирующимися рефлексивными способностями, которые обеспечивают реализацию врачами и старшими медсестрами функций контроля и организации лечебно-диагностического процесса в вверенных подразделениях.

В проблемных ситуациях принятию решений способствуют два вида рефлексии: текущей деятельности ($r = 0,338$) и рассмотрения будущей деятельности ($r = 0,330$).

Атрибутивный стиль авторитарных руководителей характеризуется преобладанием интернальности ($M = 16,0$), которую обнаружили 80,0% (20 чел.) респондентов. Такая направленность значимо коррелирует с высоким уровнем рефлексии будущей ($r = 0,857$) и текущей ($r = 0,552$) деятельности, а также с общим показателем

рефлексивности ($r = 0,432$). Интернальность, маркирующая отношение к другим в конструкте управленческого интеллекта, положительно взаимосвязана с компонентами, определяющими стиль принятия управленческих решений («властность» — $r = 0,378$; «поведение в проблемной ситуации» — $r = 0,308$).

Особенностью мотивационной сферы руководителей авторитарного стиля ПУР является высокий уровень потребности достижений: 60,0% респондентов демонстрируют очень высокий и высокий уровни, а остальные — средний уровень. Установленные показатели обнаружили устойчивые связи со всеми компонентами рефлексивности, а также с фактором властности в структуре стиля ПУР. Низкий уровень развития рефлексии общения и взаимодействия с подчиненными отрицательно связан с потребностью достижений ($r = -0,327$). Возможно, данный феномен является одним из ресурсов развития управленческого интеллекта у данной категории руководителей, в частности, в аспекте отношения к людям.

В целом полученные данные позволяют выделить предметные аспекты управленческой деятельности, определяющие управленческий интеллект авторитарных руководителей (табл. 2).

Стиль III. Либеральный

Показатели рефлексивности в среднегрупповых значениях, как и в группе авторитарных руководителей, находятся на нижней границе среднего уровня ($M = 119,5 \pm 7,14$). Менее всего развиты прогностические способности управленческой деятельности: средний показатель по данному компоненту рефлексивности составляет лишь 55,0% от максимального ($M = 31,0$, при макс. 54 балла). В совокупности с характеристикой либерального стиля ПУР эти данные маркируют недостаточно развитый механизм формирования отношения к работникам как предметного аспекта управленческого интеллекта. Невысокая выраженность компонента рефлексии текущей деятельности тесно взаимосвязана с показателями по факторам, образующим стиль ПУР — «властность» ($r = 0,419$) и «поведение в проблемной ситуации» ($r = 0,722$).

Сформированность на среднем уровне рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми отрицательно коррелирует с обоими факторами стиля ПУР ($r = -0,439$ и $-0,267$ соответственно). Таким образом, когнитивные способности либерально ориентированных руководителей маркируют слабую общую готовность этих руководителей к решению управленческих функций (компонент «отношение к задачам»).

В локусе контроля руководителей с либеральным стилем ПУР преобладает интернальность (68,2%; 15 чел.). Показатели по данной переменной положительно связаны с рефлексией настоящей деятельности ($r = 0,418$), что позволяет говорить о позитивном влиянии на формирование управленческого интеллекта интернальной направленности субъективного контроля. При этом интернальность отрицательно связана с рефлексией общения и взаимодействия с другими людьми ($r = -0,725$), что было отмечено и при анализе аналогичных показателей в группах с другими стилями ПУР. Интернальность атрибуции устойчиво взаимосвязана с показателями по факторам, образовавшим данный управленческий стиль ($r = 0,667$ и $0,440$ соответственно). Из этого следует, что интернальная направленность субъективного контроля может быть ресурсом активизации как властных методов управления, так и способности продуцирования самостоятельных решений проблемных ситуаций.

Отношение к себе как предметный аспект управленческой деятельности при либеральном стиле ПУР отмечено преобладанием показателей среднего и низкого уровней потребности достижений ($M = 10,2 \pm 1,94$). Средний уровень выделен

в 54,5% наблюдений (12 чел.), а низкий обнаружили 40,9% респондентов (9 чел.). Только один руководитель этой группы имеет высоко выраженную потребность достижений. Эти показатели на уровне тенденции коррелируют с рефлексивностью ($r = 0,211$), но значительно выражена их взаимосвязь со слабо сформированными прогностическими способностями ($r = 0,648$).

Совокупно полученные данные позволяют обозначить предметные аспекты управленческой деятельности, определяющие управленческий интеллект руководителей с либеральным стилем ПУР (табл. 2).

Стиль IV. Ситуационный

Особенности реализации властных функций и принятия решений в проблемных ситуациях, характерные для руководителя с данным управленческим стилем, его выраженная представленность в среде менеджеров среднего звена в организации здравоохранения (33,6%) обуславливают необходимость детального анализа переменных, маркирующих психологические качества управленческого интеллекта респондентов этой группы.

Рефлексивные способности в среде «ситуационных» руководителей имеют наиболее высокую выраженность по сравнению с данными по предыдущим стилям ПУР (см. приложения, табл. П-4). Три из четырех парциальных компонентов рефлексивности (ретроспективная рефлексия деятельности; рефлексия настоящей деятельности и рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми) имеют высокий уровень сформированности, лишь компонент «рассмотрение будущей деятельности» представлен средними показателями. На уровне тенденции ($r = -0,172$) отмечена отрицательная корреляция по линии «властность» — «ретроспектива результатов деятельности». Это позволяет определить особенности проявления управленческого интеллекта «в отношении задач» при данном стиле ПУР: ситуативно-зависимая ориентация в принятии управленческих решений в сочетании с развитыми способностями рефлексии текущей деятельности влияет на формирование умений снижать активность властности в процессе управления.

Ориентация на партисипативные отношения с подчиненными (рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми) также отрицательно влияет на фактор «властность» ($r = -0,211$), но положительно — с фактором «поведение в проблемной ситуации» ($r = 0,532$). С учетом данных о состоянии локуса субъективного контроля, имеющего выраженную интернальность у значительной части группы (75,6%) и тесно взаимосвязанного с развитыми прогностическими способностями при рассмотрении предстоящей деятельности ($r = 0,918$), можно дополнить компонент «в отношении задач» и определить наполнение компонента «в отношении людей» (краткость и четкость во взаимодействии при умении критически оценивать и организовывать деловое общение).

Личностная направленность ситуативных руководителей детерминируется высоким уровнем потребности достижений. Лишь 19,5% респондентов (8 чел.) показали средний уровень стремлений к достижениям, а остальные проявляют очень высокий и высокий уровни (31,7 и 48,8% соответственно). Высоко выраженная потребность достижений непосредственно связана с критическим анализом предстоящей деятельности ($r = 0,389$) и ориентацией на продуцирование решений проблемных ситуаций (фактор «поведение в проблемной ситуации» $r = 0,463$).

В целом результаты проведенного анализа позволяют рассматривать вариант управленческого интеллекта руководителей с ситуативным стилем принятия решений как наиболее эффективный, в значительной мере соответствующий управленческим функциям линейных менеджеров в организации здравоохране-

ния, а следовательно, как фокусирующий психологические маркеры личностной зрелости руководителя (табл. 2).

Выводы

В организации здравоохранения формирование управленческого интеллекта руководителя подвержено влиянию функциональных управленческих задач, определяемых должностным статусом линейного менеджера, главная из которых — функция контроля. Эффективность реализации контроля клинического процесса на всех его этапах обеспечивается индивидуальными особенностями управленческого интеллекта, который является специфическим маркером личностной зрелости руководителя.

Наиболее выражен в среде линейных менеджеров организации здравоохранения управленческий интеллект, в основе которого лежит ситуативно-зависимое принятие решений в проблемных ситуациях, сочетающееся с ориентацией на партисипативные отношения с подчиненными. Такой вид управленческого интеллекта характеризует зрелую личность руководителя, обладающую развитой рефлексивностью, интернальным локусом контроля, стремлением к саморазвитию и самосовершенствованию. По характеристикам переменных, включенных в общую структуру диагностических показателей, можно определить этот вид как *управленческий интеллект высоко уровня сформированности*.

Виды управленческого интеллекта, основанные на авторитарной или либеральной ориентациях руководителей, могут быть определены как *управленческие интеллекты недостаточного уровня сформированности*. В первом случае (авторитарный стиль управления) УИ маркируется слабо развитыми способностями рефлексии деятельности, выраженным стремлением к достижению высоких показателей, преимущественно интернальным локусом субъективного контроля. Либеральная ориентация в управленческой деятельности имеет по психологическим характеристикам невысокий уровень рефлексивных способностей общения и взаимодействия с другими людьми, отстраненность от руководимого персонала, сниженный уровень потребности достижений. В целом оба названных вида управленческого интеллекта маркируют недостаточно сформированную личностную зрелость руководителя.

Эффективным является управленческий интеллект, основанный на сочетании либерализма по отношению к подчиненным с продуцированием проблемных ситуаций, — «реализаторский» стиль управления. Субъект обладает развитыми способностями рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми, интегративным стилем атрибуции, что в совокупности можно рассматривать в качестве психологического ресурса успешности процесса формирования личностной зрелости руководителя. Назовем этот вид «*Эффективный управленческий интеллект*».

Представленные результаты и их интерпретация обуславливают постановку вопросов для следующего этапа исследования. В частности, целесообразно рассмотреть, в какой мере характерны для обладателей выделенных видов управленческого интеллекта такие общепринятые маркеры личностной зрелости, как ответственность, эмпатия; как взаимосвязаны управленческий и эмоциональный интеллект; какой динамике подвергается личностная идентичность у обладателей разных видов управленческого интеллекта. Совокупность полученных данных позволит детализировать возможность применения концепции управленческого интеллекта и обосновать возможность его использования в качестве маркера личностной зрелости руководителя.

Приложения

Описательная статистика.

Таблица П-1. Показатели ($M \pm \sigma$) расчета шкал опросника «Стиль принятия управленческих решений», интерпретируемые как стили ПУР (N=122 чел.)

Table П-1. Calculation indexes ($M \pm \sigma$) of the questionnaire scales entitled "Style of Management Decision-Making" interpreted as styles of MDM (N=122 poled persons)

Стиль ПУР	Фактор 1 «Властность»	Фактор 2 «Поведение в проблемной ситуации»
I. Реализаторский (n1 29 чел. / 23,8%)	87,9±8,21	123,6±9,70
II. Авторитарный (n2 30 чел. / 24,6%)	111,5±8,84	115,2±7,98
III. Либеральный (n3 22 чел. / 18,0%)	82,6±7,01	110,6±5,20
IV. Ситуационный (n4 41 чел. / 33,6%)	95,1 ±7,30	113,3±6,57

Таблица П-2. Показатели измерения рефлексивности в группах руководителей с разными стилями принятия управленческих решений

Table П-2. Indicators for measuring reflectivity in groups of leaders with different styles of MDM

Стиль ПУР	Р общ		Р-1		Р-2		Р-3		Р-4	
	М	Ур-нь	% от макс.	Ур-нь	% от макс.	Ур-нь	% от макс.	Ур-нь	% от макс.	Ур-нь
I	126,8	Ср.	66,1	Ср.	67,9	Ср.	64,0	Ср.	75,1	Выс.
II	118,5	Ср.	61,1	Ср.	63,2	Ср.	82,5	Выс.	44,9	Оч.низ
III	119,5	Ср.	60,3	Ср.	61,6	Ср.	55,4	Низк.	71,5	Ср.
IV	139,8	Выс.	74,9	Выс.	76,1	Выс.	70,0	Ср.	77,1	Выс.

Примечание:

Р общ. — общая рефлексивность;

Р-1 — ретроспективная рефлексия деятельности;

Р-2 — рефлексия настоящей деятельности;

Р-3 — рассмотрение будущей деятельности;

Р-4 — рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми.

Нормы расчета и интерпретации данных.

Балл	≥80	81–100	101–107	108–113	114–122	123–130	131–139	140–147	148–156	157–171	172≥
Уровень	Оч. низкий	Низкий		Средний		Высокий		Оч. высокий			
% от макс.	до 53,0		53,0–59,8		60,0–73,5		73,6–82,5		от 82,6		

Таблица П-3. Корреляционная матрица достоверных ($p < 0,05$) взаимосвязей анализируемых переменных в группах руководителей с разными стилями принятия управленческих решений

Table II-3. Correlation matrix of authentic ($p < 0,05$) interrelations of variables in groups of leaders with different styles of MDM

I. Реализаторский стиль ПУР ($n_1 = 29$ чел.)							
Переменная	Р общ	Р-1	Р-2	Р-3	Р-4	Шкала 1	Шкала 2
Шкала 1					-0,289	X	X
Шкала 2	0,344			0,471	0,434	X	X
Локус	-0,250	0,335			-0,424		
ОПД						0,299	
II. Авторитарный стиль ПУР ($n_2 = 30$ чел.)							
	Р общ	Р-1	Р-2	Р-3	Р-4	Шкала 1	Шкала 2
Шкала 1		0,305	0,747	0,573	-0,561	X	X
Шкала 2			0,338	0,330		X	X
Локус	0,432		0,552	0,857		0,378	0,308
ОПД	0,327	0,318	0,397	0,443	-0,313	0,491	
III. Либеральный стиль ПУР ($n_3 = 22$ чел.)							
	Р общ	Р-1	Р-2	Р-3	Р-4	Шкала 1	Шкала 2
Шкала 1			0,419		-0,439	X	X
Шкала 2	0,294		0,722		-0,267	X	X
Локус			0,418		-0,725	0,667	0,440
ОПД	0,211			0,648			0,208
IV. Ситуационный стиль ПУР ($n_4 = 41$ чел.)							
	Р общ	Р-1	Р-2	Р-3	Р-4	Шкала 1	Шкала 2
Шкала 1			-0,172		-0,211	X	X
Шкала 2					0,532	X	X
Локус	0,329	-0,285		0,918			
ОПД				0,389	0,117		0,463

Примечание:

Р общ — общая рефлексивность;

Р-1 — ретроспективная рефлексия деятельности;

Р-2 — рефлексия настоящей деятельности;

Р-3 — рассмотрение будущей деятельности;

Р-4 — рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми;

шкала 1 — «властность» в стиле принятия управленческих решений;

шкала 2 — «поведение в проблемной ситуации» в стиле принятия управленческих решений.

Таблица П-4. Описательная статистика ($M \pm \sigma$) и сравнительный анализ (t ; p) показателей измерения общего уровня рефлексивности и потребности достижений в группах руководителей с разными стилями принятия управленческих решений

Table П-4. Descriptive statistics ($M \pm \sigma$) and comparative analysis (t ; p) of indicators for measuring a general level of reflectivity and drive for achievement in groups of leaders with different styles of MDM

Стили ПУР	Рефлексивность		Потребность достижений	
	M	σ	M	σ
I. Реализаторский (n_1 29 чел. / 23,8%)	126,8	6,72	12,8	1,47
II. Авторитарный (n_2 30 чел. / 24,6%)	118,5	6,85	14,1	2,58
III. Либеральный (n_3 22 чел. / 18,0%)	119,5	7,14	13,5	2,72
IV. Ситуационный (n_4 41 чел. / 33,6%)	139,8	7,26	14,8	1,41

Переменные	$n_1 \leftrightarrow n_2$	$n_1 \leftrightarrow n_3$	$n_1 \leftrightarrow n_4$	$n_2 \leftrightarrow n_3$	$n_2 \leftrightarrow n_4$	$n_3 \leftrightarrow n_4$
Рефлексивность	$t = 4,69$; $p < 0,01$	$t = 1,96$; $p < 0,05$	$t = 7,73$; $p < 0,001$	$t = 0,52$; $p > 0,05$	$t = 12,64$; $p < 0,001$	$t = 10,69$; $p < 0,001$
Потребность достижений	$t = 2,38$; $p < 0,05$	$t = 5,30$; $p < 0,001$	$t = 5,70$; $p < 0,001$	$t = 6,26$; $p < 0,001$	$t = 1,34$; $p > 0,05$	$t = 9,94$; $p < 0,001$

Библиографический список

- Андреева, И. Н. (2006). Эмоциональный интеллект: исследования феномена. *Вопросы психологии*, 3, 78–86.
- Андреева, И. Н. (2009). Эмоциональный интеллект как фактор самоактуализации. В Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков (ред.) *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям* (с. 31–39). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Андропова, Е. Ю. (2010). Эмоциональный интеллект в структуре личностных особенностей руководителей. В Л. А. Цветков (ред.) *Ананьевские чтения — 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: Материалы научной конференции, 19–21 октября 2010 г. в двух частях* (с. 18–19). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Белоконь, О. В. (2009). Эмоциональный и социальный интеллект и феномен лидерства. В Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков (ред.) *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям* (с. 60–78). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Богданова, М. В., Омаров, Э. З. (2008). Детерминанты успешности российского предпринимателя. *Вестник ТюмГУ*, 5, 93–99.
- Вольвич, Ю. К. (2017). Психологические ресурсы регуляции стресс-преодолевающего поведения личности как субъекта организационных процессов. *Человек. Сообщество. Управление*, 18 (4), 162–178.
- Карпов, А. В., Маркова, Е. В. (2003) *Психология стилей управленческих решений. Учебное пособие*. Институт «Открытое общество». Ярославль.
- Карпов, А. В., Пономарева, В. В. (2000). *Психология рефлексивных механизмов управления*. М.: Институт психологии РАН.
- Кирхлер, Э., Майер-Пести, К., Хофманн, Е. (2005). *Психологические теории организации. Психология труда и организационная психология*. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр.
- Мандрикова, Е. Ю. (2011). Личностный потенциал в организационном контексте. В Д. А. Леонтьев *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 469–480). М.: Смысл.
- Менкес, Д. (2008). *Управленческий интеллект — отличительная особенность успешного руководителя*. М.: Эксмо.

- Остроушко, М. Г. (2016). Практико-ориентированный подход к определению психологических ресурсов управленческой компетентности руководителя «линейного» уровня. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*, 22, 39–43.
- Пыжова, Н. Н. (2017). Локус контроля и интеллект руководителя как показатели личностной зрелости. Научные труды Республиканского института высшей школы. *Исторические и психолого-педагогические науки*, 17, 309–316.
- Сизова, Л. А. (2012). Взаимосвязь лидерских стилей и межличностного доверия в профессиональных группах. *Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. «Педагогика и психология»*, 4, 139–148.
- Смельцова, А. С., Шукина, М. А. (2018). «Личностная зрелость руководителя»: разработка и первичная психометрическая проверка опросника. *Вестник Вятского государственного университета*, 2, 102–112.
- Цику, З. И. (2013). Организационно-психологические ресурсы реализации совместной педагогической деятельности в дошкольном образовательном учреждении комбинированного вида. В Н.В. Тихомирова (ред.) *Организационная среда XXI века: ст. и докл. IV Междунар. науч.-практ. конф* (с. 228–231). М.: МЭСИ.
- Ясько, Б. А. (2017). *Психологическое консультирование в менеджменте*. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
- Bossidy, L., Charan, R. (2002). *Execution*. New York: Crown Business.
- Collins, J. (2001). *Good to Great*. New York: Harper Business.
- Csikszentmihaly, M. (1996). *Creativity: Flow and the psychology of discovery and invention*. New York: Harper Collins.
- Drucker, P. (2002). *Managing in the Next Society*. New York: Truman Talley Books.
- Goleman, D. (2005). *Working with emotional intelligence*. London: Bloomsbury.
- Isenberg, D. (1984). *How Senior Managers Think*. Harvard Business Review.
- Isenberg, D. (1986). Thinking and Managing: A Verbal Protocol Analysis of Managerial Problem Solving. *Academy of Management Journal*, 29 (4), 775–788.
- Kihlstrom, J., Cantor, N. (2000). Social Intelligence. In R. Sternberg (Ed.) *Handbook of Intelligence* (pp. 359–379). Cambridge: Cambridge University Press.
- Kotter, J. (1999). *What Effective General Managers Really Do*. Harvard Business Review.
- Mackintosh, N. J. (1998). *IQ and Human Intelligence*. Oxford University Press.
- Mitroff, I. (1998). *Smart Thinking for Crazy Times*. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers.
- Sternberg, R. (1997). *Successful Intelligence*. New York: Plume Books.
- Sternberg, R., Forsythe, G., Hedlund, J., Horvath, J., Wagner, J., Williams, W., Snook, S., Grigorenko, E. (2000). *Practical Intelligence in Everyday Life*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 22.03.2019

Статья принята к публикации 24.04.2019

Для цитирования: Остроушко М.Г. Эмпирическая верификация концепции управленческого интеллекта как маркера личностной зрелости руководителя. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 136–151.

EMPIRICAL VERIFICATION OF ADMINISTRATIVE INTELLECT AS A MARKER OF A LEADER'S PERSONAL MATURITY

M. G. Ostroushko

Marina G. Ostroushko, Regional Clinical Hospital No 2, Krasnykh Partisan Str., 6, Bld. 2, Krasnodar, 35012, Russia. E-mail: marina-ostroush@mail.ru. ORCID 0000-0002-2783-8407

Abstract. The article presents the results of the research singling out three types of administrative intellect (AI) among the leaders of the public health organization. Indexes of the reflexive abilities of the leaders were used as criteria in the assessment of AI and the style of management decision-making (MDM). It has been shown that two types of AI, characteristic of 42% of the managers with an

authoritarian and liberal MDM are assessed as insufficient level of AI formation. They denote a low level of a leader's maturity. The authoritarian style is characterized by weekly developed introspection of activities, a pronounced drive for reaching high indexes of personal goals and basically, the internal locus of subjective control. The liberal orientation in MDM has a low level of reflexive abilities in communication and interaction with other people, detachment toward the subordinate personnel and a lower level of achievement drive. The persons with well-developed reflexive abilities for communication and interaction and possessing an integral style of attribution — active psychological resources for successful development of a leader's mature personality — combine the liberal attitude towards their subordinates with the anticipation of problem situations. This style of leadership can be considered as effective managerial intellect. The AI which is based on situational decision-making and is oriented at participative management is typical for a mature leader with well-developed reflectivity, internal locus of control and a drive for self-development and self-perfection. In accordance with the variables included into the general structure of diagnostic indexes of the respondents, this type of AI is defined as highly developed, or as AI of high level of formation.

Keywords: personality maturity, managerial intelligence, leader, style of management decision-making, reflectivity, locus of subjective control, drive for achievement.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-136-151

References

- Andreeva, I. N. (2006). Emotsional'nyi intellekt: issledovaniya fenomena [Emotional Intelligence: A Study of the Phenomenon]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy psikhologii], 3, 78–86
- Andreeva, I. N. (2009). Emotsional'nyi intellekt kak faktor samoaktualizatsii [Emotional Intelligence as a Factor of Self-actualization.]. In D. V. Liusin, D. V. Ushakov (Eds.) *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: Ot protsessov k izmereniiam* [Social and Emotional Intelligence: from Processes to Measurements] (pp. 31–39). M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".
- Andronova, E. Iu. (2010). Emotsional'nyi intellekt v strukture lichnostnykh osobennostei rukovoditelei [Emotional Intelligence in the Structure of the Leaders' Personality Traits]. V L. A. Tsvetkov (Ed.) *Anan'evskie chteniia — 2010. Sovremennye prikladnye napravleniia i problemy psikhologii: Materialy nauchnoi konferentsii, 19–21 oktiabria 2010 g. v dvukh chastiakh* [Anan'ev Readings — 2010. Modern Applied Directions and the Problems of Psychology. Materials of the Scientific Conference (19–21 Oct. 2010) in Two Parts] (pp. 18–19). SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Belokon', O. V. (2009). Emotsional'nyi i sotsial'nyi intellekt i fenomen liderstva [Social and Emotional Intelligence and the Phenomenon of Leadership]. In D. V. Liusin, D. V. Ushakov (Eds.) *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: Ot protsessov k izmereniiam* [Social and Emotional Intellect: From Processes to Measurements] (pp. 60–78). M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".
- Bogdanova, M. V., Omarov, E. Z. (2008). Determinanty uspekhov rossiiskogo predprinimatel'stva [Determinants of Success for a Russian Entrepreneur]. *Vestnik TyumGU* [Vestnik TSU], 5, 93–99
- Bossidy, L., Charan, R. (2002). *Execution*. New York: Crown Business.
- Collins, J. (2001). *Good to Great*. New York: Harper Business.
- Csikszentmihaly, M. (1996). *Creativity: Flow and the psychology of discovery and invention*. New York: Harper Collins.
- Drucker, P. (2002). *Managing in the Next Society*. New York: Truman Talley Books.
- Goleman, D. (2005). *Working with emotional intelligence*. London: Bloomsbury.
- Ias'ko, B. A. (2017). *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie v menedzhmente* [Psychological Consulting in Management]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t.
- Isenberg, D. (1984). *How Senior Managers Think*. Harvard Business Review.
- Isenberg, D. (1986). Thinking and Managing: A Verbal Protocol Analysis of Managerial Problem Solving. *Academy of Management Journal*, 29 (4), 775–788.
- Karpov, A. V., Markova, E. V. (2003). *Psikhologiya stilei upravlencheskikh reshenii* [Psychology of the Styles of Managerial Decisions]. Institut "Otkrytoe obshchestvo". Iaroslavl'.
- Karpov, A. V., Ponomareva, V. V. (2000). *Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov upravleniia* [Psychology of the Reflexive Mechanisms of Management]. M.: Institut psikhologii RAN.

- Kihlstrom, J., Cantor, N. (2000). Social Intelligence. In R. Sternberg (Ed.) *Handbook of Intelligence* (359–379). Cambridge: Cambridge University Press.
- Kirkhler, E., Maier-Pesti, K., Khofmann, E. (2005). *Psikhologicheskie teorii organizatsii. Psikhologiya truda i organizatsionnaya psikhologiya* [Psychological Theories of Organization. The Psychology of Labor and Organizational Psychology]. Khar'kov: Izd-vo Gumanitarnyi tsentr. Khar'kov. Humanitarian Center Publishing House.
- Kotter, J. (1999). *What Effective General Managers Really Do*. Harvard Business Review.
- Mackintosh, N. J. (1998). *IQ and Human Intelligence*. Oxford University Press.
- Mandrikova, E. Iu. (2011). Lichnostnyi potentsial v organizatsionnom kontekste [Personality Potential in Organizational Context]. In D. A. Leont'ev *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personality Potential: Structure and Diagnostics] (pp. 469–480). M.: Smysl.
- Menkes, D. (2008). *Upravlencheskii intellekt — otlichitel'naia osobennost' uspeshnogo rukovoditelia* [Managerial Intelligence as a Distinctive Feature of a Successful Leader]. M.: Eksmo.
- Mitroff, I. (1998). *Smart Thinking for Crazy Times*. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers.
- Ostroushko, M. G. (2016). Praktiko-orientirovannyi podkhod k opredeleniiu psikhologicheskikh resursov upravlencheskoi kompetentnosti rukovoditelia "lineinogo" urovnia [Practically-Oriented Approach to Defining Psychological Resources of the Managerial Competence of a linear-level manager]. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii* [Personnel and Intellectual resources Management in Russia], 22, 39–43.
- Pyzhova, N. N. (2017). Lokus kontrolya i intellekt rukovoditelia kak pokazateli lichnostnoi zrelosti [The Locus of Control and the Manager's Intelligence as Markers of Personality Maturity]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Transactions of the Republican Institute of Higher School. Historical, Psychological and Pedagogical Sciences], 17, 309–316.
- Sizova, L. A. (2012). Vzaimosviaz' liderskikh stilei i mezhlchnostnogo doveriia v professional'nykh gruppakh [Interconnection between Leadership Styles and Interpersonal Trust in Professional Groups]. *Vestnik Adygeiskogo gos. un-ta. Ser. "Pedagogika i psikhologiya"* [Bulletin of the Adyge State University: Pedagogy and Psychology], 4, 139–148.
- Smeltsova, A. S., Shchukina, M. A. (2018). "Lichnostnaya zrelost' rukovoditelya": razrabotka i pervichnaya psihometricheskaya proverka oprosnika ["Manager Personal Maturity": Development and Initial Psychometric Testing of the Questionnaire]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2, 102–112.
- Sternberg, R. (1997). *Successful Intelligence*. New York: Plume Books.
- Sternberg, R., Forsythe, G., Hedlund, J., Horvath, J., Wagner, J., Williams, W., Snook, S., Grigorenko, E. (2000). *Practical Intelligence in Everyday Life*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tsiku, Z. I. (2013). Organizatsionno-psikhologicheskie resursy realizatsii sovmestnoi pedagogicheskoi deiatel'nosti v doskol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii kombinirovannogo vida [Organizational and Psychological Resources Used to Realize Joint Pedagogical Activity at a Preschool Educational Institution of a Combined Type]. In N. V. Tikhomirova (Ed.) *Organizatsionnaya sreda XXI veka: st. i dokl. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Organizational Environment in the XXI century: IV International Scientific and Practical Conference] (pp. 228–231). M.: MESI.
- Volvich, Yu. K. (2017). Psihologicheskie resursy regulyatsii stress-preodolevayushchego povedeniya lichnosti kak sub"ekta organizatsionnykh protsessov [Psychological Resources of Person's Stress-Resistance as a Subject of Organizational Processes]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 18 (4), 162–178.

Received 22.03.2019

Accepted 24.04.2019

For citation: Ostroushko M.G. Empirical Verification of Administrative Intellect as a Marker of a Leader's Personal Maturity.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 136–151.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 42 тыс. знаков с пробелами (до 1,0 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows. Статьи принимаются через систему электронной редакции на сайте журнала journalsr.kubsu.ru. Просим направляемые статьи дублировать на электронную почту chsu1999@yandex.ru.

Автор предоставляет Редколлегии (издателю) журнала право на использование статьи в научном журнале, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и иные международные базы данных. Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами. Авторские права регулируются на основе лицензии Creative Commons 4.0 BY. В качестве согласия автора на публикацию рассматривается загрузка статьи в систему электронной редакции на сайте журнала или отправка статьи на официальный адрес редакции с сопроводительным письмом.

Редакция размещает фамилию, имя, отчество, аффилиацию автора, электронный адрес автора, название, аннотацию, ключевые слова статьи в журнале и на сайте издания. Гонорар за публикации не выплачивается. Полученные статьи не возвращаются.

Авторская справка должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы (полное название организации и ее почтовый адрес), занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес автора, ORCID автора. Сведения предоставляются на русском и английском языках.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 200-250 слов, содержащее описание сути научного сообщения (цель, методология, основные выводы исследования, интерпретация его результатов, значение исследования для решения затрагиваемых научных проблем) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). Не допускается наличие в аннотации ссылок, прямых цитат из текста статьи. К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список, а также переведенные на английский язык названия статей и рисунков.

Оформление ссылок. Автору следует оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

При оформлении рукописей следует руководствоваться Правилами оформления библиографических ссылок.

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

В тексте

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — первое цит., затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — первое цит., затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений группы) цитируйте только в тексте:

- (Р.А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

Библиографический список

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; **для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи** перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабашош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psikholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration*

of *St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.

- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarenniy rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора(ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A.N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U.D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O.K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О.К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Oпыr biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml
- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rosyisykiy genderniy poryadok. Sotsiologiticheskiy podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R.P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet* (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Hesel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

INFORMATION FOR CONTRIBUTORS

Dear Authors, the Journal welcomes your manuscripts (scientific articles, reviews of publications and critical reviews up to 42,000 symbols, i.e. up to 1,0 of the printer's shift). Manuscripts should be submitted in MS Word for Windows format. Manuscripts are accepted via Open Journal at the Journal's site (journalsr.kubsu.ru). Because of the transition period, please send the copy of your materials for 2018 issues of the Journal to chsu1999@yandex.ru.

The Author grants the Editorial Board (the Publisher) the right to publish their article in the Journal and to use the article's full texts in the "Russian Science Citation Index" (РИНЦ), and other international databases. The right to use the materials of the Journal as a whole, in accordance with paragraph 7 of article 1260 of the Civic Code of the Russian Federation, belongs to the Publisher. The copyright is regulated by Creative Commons 4.0 BY license.

The author's consent to publish their article is considered realized as soon as the article is downloaded in the Open Journal System on the Journal's website. The Open Journal System registers the author's initials and surname, as well as their affiliation, the electronic address, the title of the article, the annotation, and key words, both in the Journal and on its site. No royalties are paid. The submitted articles are not returned.

The manuscript should enclose the title of the article in English, the author's transliterated surname, and the References transliterated and translated into English. The author's information should include the following about the author / authors: their initials and surname (in full), their academic rank, the name of the organization where they work and its postal address, their position, telephone numbers, electronic and postal addresses (including postcode), ORCID and the information about the financial support of the research and the grants' titles. The information is provided in Russian and in English.

The manuscript should enclose an informative summary of the article (the volume of the summary is between 200-250 words), containing the description of the essence of the research (its aims/goals, methodology, basic conclusions of the research, interpretation of its results, its importance in solving the problems raised in the research), as well as the key words (not more than ten). Footnotes and/or direct citations from the article are not permissible. The resume and the key words are provided in Russian and in English.

The author / authors should refer to the sources from which they borrow citations, statistical data and other information. At the end of the article there is Bibliography (References) in which the cited (or otherwise mentioned) sources are arranged in the alphabetical order and are given a numerical number. It is necessary to mention the place of publication, the publishing house (with the exception of periodicals), and the year of publication. First come Russian sources, then foreign sources.

In preparing the manuscript for publication the author (s) should follow Rules for Preparing a Manuscript for Publication.

The Editorial Board reserves the right to return the manuscript to its author to bring it into line with the existing standard.

Editor's board address: Kuban State University, room 406N, 149, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (3th floor of the university new building, room 406N, open Mon – Fri, 10 am – 5 pm).

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS

The Journal accepts articles not published earlier either in English or in Russian. The manuscripts are reviewed by the members of the editorial board and editorial council, or by the invited reviewers who are acknowledged specialists in the field of science researched in the article. In case of serious contradictions between the reviewer(s) and well-based doubts of the editorial board on the publication, the manuscript can be submitted for further review.

The reviewers provide recommendations on whether to publish the paper or not. During 30 days the applicant is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to be published, (2) the article is recommended to be published after revision, (3) the article is not recommended to be published.